СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ

ОТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДОНЫНѢ.

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗЫСКАНІЕ

Я. Грота.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)
1873.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. Марта 1873 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Изъ книги *Филологическія разысканія.*

СОДЕРЖАНІЕ.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ

ОТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДОНЫНѢ.

«Правописаніе должно быть общее и по естеству дѣла, и по существу слова.»
Сумароковъ. (*Соч.* X, *32.*)

I.

У всѣхъ образованныхъ народовъ господствуетъ требованіе, въ большей или меньшей степени удовлетворяемое, слѣдовать однообразному, твердо установленному способу изображенія звуковъ языка на письмѣ. Оттуда и самое понятіе о *правописаніи*, и названіе этого отдѣла грамматики. Такое требованіе совершенно правильно и естественно: языкъ состоитъ изъ явленій, не случайныхъ, а основанныхъ на законахъ, которые органически связаны между собою общимъ, хотя и не всегда яснымъ единствомъ. Умъ человѣческій стремится къ раскрытію и объясненію этихъ законовъ. Въ устной рѣчи, какъ непосредственномъ дѣйствіи нашего духа, они соблюдаются нами безсознательно; но письмо, какъ результатъ науки, не можетъ происходить надлежащимъ образомъ безъ разумѣнія этихъ законовъ, или, по крайней мѣрѣ, безъ соблюденія точныхъ, преданіемъ или обычаемъ установленныхъ правилъ. Мы пишемъ для того, чтобы другой (а такимъ становимся мы и сами черезъ минуту послѣ начертанія звука[1]) вполнѣ понималъ и легко узнавалъ каждое написанное нами слово.

---

[1]) Lefmann. Ueber deutsche Rechtschreibung.

Въ отношеніи къ правописанію образованные народы представляютъ двоякое явленіе: у однихъ письмо очень близко выражаетъ звуки языка, у другихъ оно болѣе или менѣе удаляется отъ произношенія. Въ первомъ случаѣ, значитъ, письмо основано на выговорѣ, или — употребляя научный терминъ — правописаніе установилось *фонетическое*, каково напр. италіянское: нужно только усвоить себѣ значеніе итальянскихъ буквъ и, разумѣется, узнать законы ударенія, чтобы по книгѣ довольно вѣрно произносить каждое слово. Во второмъ случаѣ различіе между письмомъ и произношеніемъ происходитъ большею частью отъ того, что въ живомъ языкѣ произношеніе отступило отъ его первоначальныхъ формъ, а письмо стремится сохранить ихъ. Таково происхожденіе *этимологическаго* правописанія. Очевидно, что оно имѣетъ научное значеніе, что оно — орудіе и вмѣстѣ пособіе науки. Въ нѣкоторыхъ языкахъ, какъ напр. въ шведскомъ, *фонетика* получила мало по малу перевѣсъ надъ *этимологіей*; въ другихъ, особенно во французскомъ, произношеніе такъ исказило древнія формы словъ, что одно правописаніе сохраняетъ память ихъ происхожденія и даетъ имъ смыслъ. Есть наконецъ и такіе языки, въ которыхъ, хотя они и не потерпѣли такого фонетическаго искаженія, этимологическое начало правописанія все-таки преобладаетъ, какъ необходимый охранитель и регуляторъ языка: таковы языки русскій и нѣмецкій. Въ позднѣйшее время нѣкоторымъ казалось, что русское правописаніе могло бы совершенно отбросить производственный элементъ и сдѣлаться чисто звуковымъ; но эта мысль не можетъ устоять передъ мало-мальски серіозною критикой. Въ русскомъ языкѣ столько не вполнѣ опредѣленныхъ, не вполнѣ явственныхъ звуковъ, особенно гласныхъ, и притомъ столько видоизмѣненій ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ, что для множества словъ явилось бы по нѣскольку начертаній и орѳографія лишилась бы всякаго руководящаго начала. Между тѣмъ преимущественно-этимологическое правописаніе способствуетъ къ уясненію исторіи языка; оно доставляетъ намъ вѣрнѣйшее средство отыскивать смыслъ въ формахъ рѣчи, правильно судить

о развитіи или упадкѣ языка, основательно сравнивать родное слово съ языками другихъ народовъ. Раціональное правописаніе, путемъ школы и литературы, имѣетъ несомнѣнное вліяніе на успѣхи языка, на употребленіе его въ средѣ образованныхъ классовъ, а посредствомъ ихъ это вліяніе можетъ, въ нѣкоторой степени, распространяться и на народъ. При такомъ значеніи этимологическаго правописанія, нельзя не заботиться о поддержаніи его въ той степени, въ какой языкъ, по своему характеру, этого требуетъ, и о томъ, чтобы основанія такого письма болѣе и болѣе очищались наукою отъ всякихъ ошибочныхъ толкованій.

Изъ только-что сказаннаго можно заключить, что языки въ разной мѣрѣ имѣютъ надобность въ этимологическомъ правописаніи. Дѣйствительно, не всякій языкъ равно къ нему способенъ и равно въ немъ нуждается. У Италіянцевъ звуки такъ опредѣленны, такъ чисты и просты, что производственное начало почти безъ борьбы уступило побѣду фонетическому. Обыкновенно же, чѣмъ менѣе формы языка самобытны, чѣмъ болѣе онѣ уклонились отъ своего первообраза или источника, тѣмъ правописаніе своенравнѣе, тѣмъ болѣе оно основано на многосложныхъ, частью условныхъ правилахъ, но въ то же время тѣмъ оно тверже, тѣмъ строже соблюдается всѣми. Мы замѣчаемъ это особенно въ языкахъ англійскомъ и французскомъ, гдѣ тотъ же звукъ въ одномъ словѣ изображается такъ, въ другомъ иначе, и гдѣ однакоже тотъ, а не иной способъ написанія каждаго слова совершенно установленъ и для всѣхъ обязателенъ. Напротивъ, въ языкахъ коренныхъ, болѣе или менѣе сохранившихъ свои первобытныя правильныя формы, ороографія бываетъ разнообразнѣе и труднѣе устанавливается. Причина тому понятна: при постепенно усиливающемся уразумѣніи состава и формъ языка возникаетъ стремленіе измѣнять правописаніе, но улучшенія не легко проникаютъ въ общее сознаніе; съ другой стороны, потребность уясненія формъ такого языка даетъ просторъ произволу въ толкованіяхъ, и оттого являются разные способы начертанія однихъ и тѣхъ же словъ.

Въ такомъ положеніи находятся, въ наше время, языки русскій и нѣмецкій. Впрочемъ, частыя жалобы на пестроту и неопредѣленность нашего правописанія едва ли не преувеличены. Правда, что у насъ многія слова пишутся неодинаково; но, вообще говоря, русское правописаніе представляетъ гораздо менѣе разногласій, нежели нѣмецкое. Для уясненія вопроса въ отношеніи къ намъ, остановимся напередъ на правописаніи Нѣмцевъ.

У нихъ разногласіе начинается отъ самой основы письма — очертанія буквъ: одни пишутъ угловатымъ готическимъ шрифтомъ, другіе круглымъ латинскимъ. Столь же капитальный споръ идетъ у Нѣмцевъ о томъ, начинать ли каждое существительное имя, по старому, большою буквой, или нѣтъ. Далѣе, величайшее разнообразіе въ письмѣ возникаетъ отъ вопросовъ: употреблять ли для протяженныхъ слоговъ, въ однихъ словахъ двойныя гласныя (aa, ee, oo), въ другихъ букву h? когда изображать звукъ s двойною шипящею (ss) и когда знаками ß, ſz, sz, и проч. Для нѣмецкой орѳографіи очень неблагопріятно то обстоятельство, что языкъ вполнѣ установился и литература достигла богатаго роста прежде нежели явилась въ своемъ высшемъ развитіи филологія. Извѣстно, что на всѣ означенные вопросы только въ 1820-хъ годахъ обращено было вниманіе ученыхъ Яковомъ Гриммомъ, который сталъ употреблять совершенно новое правописаніе; напр. онъ допускалъ большую букву единственно въ началѣ собственныхъ именъ, отвергая ее послѣ точки и даже въ началѣ красной строки. Извѣстно также, что правописаніе Гримма, не смотря на силу его авторитета, до конца его жизни находило не много послѣдователей и что самъ онъ, построивъ свою орѳографію на глубоко-обдуманныхъ филологическихъ основаніяхъ, не рѣшался примѣнять ея во всей строгости; такъ напр., изгнавъ h послѣ t въ окончаніяхъ (armut, reichtum), онъ удержалъ этотъ знакъ протяженія въ началѣ словъ (thun, that, thor) и говорилъ: «Пускай онъ тамъ покуда остается; довольно, если на первый случай удастся вырвать его изъ окончаній». Но далеко не такъ извѣстно, что самъ Яковъ Гриммъ, при всей сознательности своихъ началъ, никогда не могъ

усвоить себѣ въ частностяхъ вполнѣ послѣдовательное, постоянное правописаніе и до конца жизни колебался въ начертаніи множества словъ, которыя писалъ различно не только въ разныя эпохи, но въ одномъ и томъ же сочиненіи, на близкомъ разстояніи, иногда на одной и той же страницѣ. Особенно трудно было ему согласиться съ самимъ собой относительно употребленія двойнаго s и знаковъ, которыми оно можетъ быть замѣняемо (ß, sz). Сознаніе трудности достигнуть въ этомъ дѣлѣ строгой послѣдовательности было, кажется, причиною, почему Гриммъ избѣгалъ въ печати объясненій на счетъ своей ороографіи и не написалъ объ ней ничего цѣльнаго, довольствуясь одними отрывочными замѣчаніями въ своей грамматикѣ и другихъ сочиненіяхъ. Болѣе отчетливо по этому предмету выразился онъ только въ предисловіи къ своему словарю. Послѣ смерти Гримма (1863) стали появляться особыя монографіи о его правописаніи. Наиболѣе подробно разсмотрѣно оно въ гёттингенской брошюрѣ г. Андресена [1]), который имѣлъ терпѣніе прослѣдить въ этомъ отношеніи всѣ труды Я. Гримма, изучить всѣ основанія его орѳографіи и отмѣтить всѣ случаи, въ которыхъ онъ самъ отступалъ отъ нихъ. Въ дополненіе къ этой брошюрѣ г. Михаэлисъ въ Берлинѣ разсмотрѣлъ тотъ же предметъ въ публичномъ чтеніи, которое потомъ было напечатано [2]). Изъ этихъ двухъ брошюръ и множества другихъ, занимающихся этой стороной языка самостоятельно, видно, какъ многочисленны и многообразны спорные вопросы нѣмецкаго правописанія. Оттого въ современной нѣмецкой литературѣ трудно найти двѣ книги, которыя по правописанію были бы совершенно сходны между собою. Менѣе разногласія видно еще между тѣми грамотеями, которые, не мудрствуя лукаво, держатся прежней орѳографіи. Но она дѣйствительно основана на такихъ произвольныхъ правилахъ, что знатокъ языка не можетъ съ нею примириться и по неволѣ ищетъ исхода изъ встрѣчающихся ему на каждомъ шагу несообразностей. Не удивительно, что въ разныхъ

[1]) Ueber J. Grimms orthographie, von K. G. Andresen. Gœttingen 1867.

[2]) Ueber J. Grimms Rechtschreibung. Berlin 1868.

концахъ Германіи беспрестанно издаются брошюры о правописаніи. Между прочимъ такая брошюра недавно издана въ Берлинѣ по соглашенію цѣлаго собранія училищныхъ преподавателей, гдѣ дѣло рѣшалось по большинству голосовъ[1]). По поводу ея одинъ германскій критикъ справедливо замѣчаетъ, что въ подобныхъ вопросахъ мнѣніе большинства никакъ не можетъ быть обязательнымъ, потому что большинство не всегда бываетъ на сторонѣ правды, особливо въ наукѣ. При этомъ невольно припоминаются слова нашего Сумарокова: «... по большей части вещи утверждаются большинствомъ голосовъ, а невѣжъ больше нежели просвѣщенныхъ людей[1])». Не смотря на господствующую въ нѣмецкомъ правописаніи пестроту, можно ожидать, что пробудившійся въ послѣднее время общій интересъ къ этому предмету и тщательное его обсужденіе многими мало по малу приведутъ пишущій міръ къ бóльшему согласію. Строго-историческое начало, которое хотѣлъ исключительно провести Гриммъ, едва ли одержитъ полную побѣду и вѣроятно должно будетъ, слѣдуя измѣненіямъ въ языкѣ, дѣлать уступки фонетикѣ. Такъ Гриммъ, по этимологическимъ соображеніямъ, писалъ gieng, fieng, находя въ этихъ формахъ прошедшаго времени долгое i; но почти нигдѣ нынче такъ не произносятъ, и потому начертаніе ging, fing пріобрѣтаетъ перевѣсъ. На этомъ же основаніи не могла распространиться и оригинальная орѳографія покойнаго кореспондента нашей Академіи наукъ Шлейхера, который, идя еще далѣе Гримма, не признавалъ между прочимъ надобности означать долготу слога вставкою

---

[1]) Regeln und Wörterverzeichniss für deutsche Orthographie. Herausgegeben («auf Grundlage des Usus») von dem Verein der Berliner Gymnasial und Realschullehrer. Разборъ этой книги — въ Beilage zur Allgemeinen Zeitung 1871, № 342. Ср. National-Zeitung, № 576, Beiblatt: «Die deutsche Rechtschreibung, eine Nationalfrage». Также: Zeitschrift für das Gymnasialwesen 1871, Juni. — Кстати замѣтимъ, что въ слѣдствіе учебной реформы, предпринятой графомъ Туномъ въ Австріи, эта страна сдѣлалась по преимуществу ареной орѳографической борьбы, и введеніемъ новыхъ руководствъ по языку споръ преждевременно занесенъ въ среднія и народныя училища (Lefmann).

[1]) Полн. собраніе всѣхъ соч. Сумарокова, X, 21.

буквы h и писалъ напр. — вм. ihm, ihn — im, in, не отличая этихъ мѣстоименныхъ формъ отъ предлога in съ краткимъ i.

Въ числѣ нѣмецкихъ брошюръ, въ послѣднее время появившихся по этому предмету, особеннаго вниманія заслуживаетъ изданная въ Берлинѣ г. Лефманомъ: «Ueber deutsche Rechtschreibung»[1]). Вотъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній изъ этой книжки: Гриммъ въ своихъ сочиненіяхъ провелъ безспорно двѣ основы орѳографіи — латинское письмо и устраненіе излишнихъ большихъ буквъ, тогда какъ другія несообразности, уже поколебленныя имъ, остались у него по винѣ его издателей. Гриммъ наконецъ уступилъ, объявивъ, что «о словахъ и ихъ начертаніи окончательно рѣшаетъ общее употребленіе и народная воля». Но онъ забылъ, что эти двѣ силы должны быть руководимы, и конечно не издателями и наборщиками, а грамматистами. Въ массѣ пишущихъ старая орѳографія еще въ полномъ ходу; только въ ученыхъ сочиненіяхъ латинское письмо болѣе вошло въ обычай, да и остальными нововведеніями Гримма воспользовались почти одни ученые, особенно грамматисты и изслѣдователи языка; къ нимъ надобно присоединить еще нѣкоторые спеціальные журналы. Тѣмъ не менѣе, съ конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ, когда явилась «Исторія нѣмецкаго языка» Я. Гримма, для нѣмецкой филологіи и грамматики наступила новая эпоха. Въ 1852 году ученикъ Гримма, грацкій профессоръ Карлъ Вейнгольдъ указывалъ на необходимость признать его начала обязательными. Но этой строгой теоріи Рудольфъ Раумеръ противопоставлялъ здравый практическій смыслъ и правило: «Согласуй по возможности свое письмо съ своимъ произношеніемъ», т. е. историко-этимологическому началу онъ противополагалъ историко-фонетическое. Въ истекшее десятилѣтіе убѣжденіе въ необходимости реформы проникло въ обѣ противоположныя партіи, и между людьми мыслящими осталось уже не много приверженцевъ неизмѣнной старины, утверждающихъ, будто историческая грамматика вызвала еще

[1]) Dr. S. Lefmann. Berlin 1871. Это — одинъ изъ выпусковъ изданія: Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge. VI Serie, Heft 129.

бо́льшую противъ прежняго путаницу въ письмѣ. Въ послѣднее время уже и началось нѣкоторое примиреніе между строгою теоріею и разумною практикою: фонетика должна допускать то, чего исторія требуетъ не на счетъ живого языка; а историкъ не долженъ трогать того, что́ въ употребленіи языка твердо установилось. Г. Лефманъ ставитъ требованіе: «пиши такъ, какъ ты правильно говоришь». Правильно же говорить, по его мнѣнію, значитъ не только говорить безъ всякаго вліянія діалектовъ, но говорить исторически-правильно, т. е. такъ, какъ требуетъ законное развитіе языка не въ одномъ сочетаніи словъ и предложеній, но и въ звуковомъ отношеніи. Односторонняя фонетика не имѣетъ почвы въ письмѣ, односторонніе историки не признаютъ ограниченій, предписываемыхъ живымъ языкомъ: только взаимное проникновеніе обоихъ элементовъ, какъ соотношеніе языка и письма между собою, можетъ привести къ надежнымъ и твердымъ правиламъ, достигнуть общаго признанія и принятія.

II.

Обращаясь затѣмъ къ нашему правописанію, мы находимъ (какъ уже и выше замѣчено), что оно далеко не представляетъ тѣхъ затрудненій, какія существуютъ въ нѣмецкомъ. Встрѣчающіяся у насъ различія можно раздѣлить на два разряда: одни происходятъ только отъ недоразумѣній и потому могутъ быть устранены надлежащимъ разъясненіемъ; причиною другихъ — неодинакій взглядъ на предметъ, и тутъ возможно, конечно, двоякое рѣшеніе вопроса. Къ числу первыхъ разногласій я отношу, напр., написаніе прилагательныхъ: *болѣнъ* и *видѣнъ* съ буквою ѣ вмѣсто е, или глаголовъ: *сыплятъ*, *дремлятъ*, *надѣятся*, *морочутъ*, *дышутъ* съ неправильнымъ окончаніемъ, вмѣсто *сыплютъ*, *дремлютъ*, *надѣются*, *морочатъ*, *дышатъ*. Всякаго серіозно относящагося къ дѣлу легко убѣдить, что первая орѳографія просто ошибочна. Къ другому разряду принадлежатъ между прочимъ слѣдующія разнорѣчія: употребленіе въ однихъ и тѣхъ же слу-

чаяхъ большой или малой буквы въ началѣ слова, смѣшеніе нѣкоторыхъ гласныхъ (е, о), вставка или опущеніе, сліяніе или разложеніе двухъ согласныхъ (з, с; зч=щ). Одни, напр., пишутъ: *Славяне*, *Нѣмцы*; другіе: *славяне*, *нѣмцы*. Одни пишутъ: *вторый*, *втораго*, *легкій*, *рождать*, *мечемъ*, *ученый*, *душею*, *желтый*; другіе: *второй*, *второго*, *легкой*, *раждать*, *мечомъ*, *учоный*, *душою*, *жолтый*. Одни: *разсказъ*, *разсчетъ*, *приказчикъ*, *мужчина*, *искусство*, *отверзтый*; другіе: *расказъ*, *расчетъ*, или *разказъ*, *разчетъ*, *прикащикъ*, *мущина*, *искуство*, *отверстый*. Одни: *коммиссія*, *адрессъ*, другіе: *коммисія* или *комисія*, *адресъ*. Наибольшую же пестроту наше правописаніе представляетъ въ раздѣленіи или сліяніи словъ, образующихъ вмѣстѣ одно понятіе и принимаемыхъ многими, въ этомъ соединеніи, за предлогъ или нарѣчіе; таковы, напр., слова: *въ слѣдствіе*, *въ послѣдствіи*, *въ замѣнъ*, *по прежнему*, *по видимому*, *со временемъ*, которыя пишутся то врознь, то слитно.

Большая часть этихъ различій правописанія происходитъ и у насъ отъ встрѣчи въ немъ двухъ началъ—*фонетическаго* или *звуковаго* и *этимологическаго* или *производственнаго*. Мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ беретъ перевѣсъ первое, а въ другихъ второе; наприм., въ начертаніи слитно-употребляемыхъ предлоговъ воз, из, раз, низ передъ глухими согласными пишется издавна буква с, или: въ словахъ *мягкій*, *гдѣ*, *здѣсь*, *вездѣ* по той же причинѣ пишется г, з вмѣсто к, с (*мяккій*, *кдѣ*, *сдѣсь*, *весдѣ*), какъ слѣдовало бы писать по ихъ составу; напротивъ, въ словахъ *кто*, *что*, *сдѣлать*, *сдавать*, произносимыхъ *хто*, *што*, *здѣлать*, *здавать*, соблюдается законъ этимологіи. Кто же или что, въ такихъ разнородныхъ явленіяхъ, рѣшаетъ перевѣсъ того или другаго начала? Обычай или давность? Но обычай и давность бываютъ иногда, какъ удостовѣряетъ опытъ, въ прямомъ противорѣчіи съ истиною: слѣдовательно окончательный приговоръ въ этомъ дѣлѣ все-таки долженъ принадлежать высшему суду, и право такого суда можетъ быть признано только за наукой. Ей одной подобаетъ рѣшать, въ какихъ случаяхъ уступки со стороны

производственнаго начала въ пользу звукового и вообще въ пользу практическихъ удобствъ письма могутъ быть допускаемы какъ разумныя и потому законныя. Все же безпричинное, неосновательное, а тѣмъ болѣе нелѣпое, хотя и употребительное, должно быть ею строго осуждаемо и по возможности устраняемо изъ обычая. Употребленіе языка людьми мыслящими и вообще грамотными должно быть сознательное; каждый пишущій, если онъ сколько-нибудь образованъ, чувствуетъ потребность отдавать себѣ отчетъ въ начертаніи словъ и стремится къ достиженію въ этомъ возможной послѣдовательности. Отсюда, какъ уже было замѣчено, общее требованіе разумно-установленнаго, единообразнаго правописанія. Языкъ есть достояніе цѣлаго народа, одинъ для всѣхъ, кѣмъ онъ употребляется; языкъ есть дѣло мысли, слѣдовательно мысль должна быть присущею въ каждый мигъ его употребленія, и нѣтъ причины допускать разнообразіе въ рѣшеніи вопросовъ, на которые отвѣта должно искать въ однихъ и тѣхъ же законахъ. Здѣсь мѣсто повторить умныя слова Сумарокова, поставленныя нами въ эпиграфъ настоящаго труда: «правописаніе должно быть общее и по естеству дѣла, и по существу слова». Главнымъ орудіемъ къ исполненію этого вполнѣ законнаго требованія должна быть школа, — построенное на правильныхъ основаніяхъ обученіе молодежи чтенію и письму. Дѣло науки — руководить школу. Наука постоянно развивается, и потому естественно, что она должна отъ времени до времени повѣрять свои собственныя рѣшенія, а съ другой стороны не оставлять безъ изслѣдованія и утвердившихся обычаемъ правилъ. Мы замѣчаемъ дѣйствительно, что во всѣхъ странахъ ороографія, благодаря успѣхамъ науки, постепенно измѣнялась. Заимствую изъ брошюры г. Лефмана слѣдующій краткій очеркъ такихъ перемѣнъ. Греческіе языковѣды въ 5-мъ столѣтіи установили іоническій алфавитъ, въ которомъ устранены *коппа* и *сампи*; рядомъ съ хи и фи введены кси и пси, и для отличія долгаго и краткаго е приняты двѣ буквы (ε и η). Арабскіе грамматисты и іудейскіе масореты 9-го и 10-го вѣковъ также исправили и устано-

вили свое письмо. Еще лучшіе примѣры доставляетъ болѣе близкое къ намъ время. У Итальянцевъ, до 16-го столѣтія, держались во многихъ словахъ буквы, совершенно бесполезныя для установившагося произношенія: писали *apto*, *scripto*, *octo*, а выговаривали *atto*, *scritto*, *otto*. Не ранѣе какъ въ сказанномъ столѣтіи грамматисты (особенно Леонардо Сальвіати) приняли за правило che la scrittura seguiti la pronunzia и тѣмъ положили основаніе прекрасной гармоніи между итальянскимъ письмомъ и живымъ словомъ. То же до нѣкоторой степени сдѣлано и въ испанскомъ языкѣ. Такъ и у Французовъ архаическія неумѣстныя особенности письма мало по малу уничтожены, и введенное Вольтеромъ различіе oi и ai до сихъ поръ удержалось подъ именемъ Вольтеровскаго правописанія, не говоря о другихъ, еще и теперь продолжающихся попыткахъ улучшеній. Конечно, въ консервативной Англіи, гдѣ письмо и произношеніе такъ далеко разошлись, едва ли удастся измѣнить «непріятное и почти до смѣшного неудовлетворительное правописаніе», какъ его называетъ знаменитый оріенталистъ прошлаго столѣтія серъ Вильямъ Джонсъ. Возвращаясь къ правописанію Нѣмцевъ, г. Лефманъ замѣчаетъ, что и у нихъ давно уже началось изгнаніе безобразнаго скопленія согласныхъ и протяженія гласныхъ [1]). Конечно, говоритъ онъ, такія излишества позволяли себѣ даже многіе изъ лучшихъ писателей, но они поступали такъ отчасти потому, что не заботились о чисто-внѣшней сторонѣ своихъ безсмертныхъ созданій, а отчасти и потому, что довѣрялись своимъ издателямъ и наборщикамъ: не надо забывать, что искуство и наука въ жизни народовъ появляются не разомъ. Только изъ науки, не изъ литературы и искуства, могутъ быть почерпаемы законы и правила для простоты и правильности письма; только наука способна дать иногда толчокъ, отъ котораго бы встрепенулась масса пишущихъ, упорно привязанная къ старой привычкѣ и не расположенная пріучать глазъ и руку къ новому.

---

[1]) Нѣкогда писали: unndt, Thischthuoch, и не такъ давно еще стали исчезать формы: verlohren, Bluhme, Seegen, Schaaf, и т. п. (Lefmann, стр. 11 и д.)

*

Такъ и у насъ, въ русскомъ языкѣ, многія употребительныя въ прошломъ столѣтіи и еще позже начертанія словъ отмѣнены въ слѣдствіе успѣховъ науки и общаго образованія. Прежде писали, напр.: *здѣлать*, *щастіе*, *щетъ*, *лутче*, *мѣлкій*, *мѣльница*, *чтиться* (вм. *тщиться*), *прозьба*, *истинна*, *протчій*, *порутчикъ*, *присудствовать*, *вить* (вм. *вѣдь*), какъ теперь никто уже не пишетъ. Съ другой стороны, однакожъ, и звуковое начало брало въ нѣкоторыхъ случаяхъ верхъ надъ производственнымъ (*если* утвердилось вм. *естьли*), или обычай принималъ въ руководство ложныя рѣшенія авторитетовъ: Гречъ, по примѣру Карамзина, сталъ писать *лечить*, *лекарь* вм. *лѣчить*, *лѣкарь*, и далъ ходъ этой ореографіи ошибочнымъ толкованіемъ, будто глаголъ *лечить* есть искаженіе слова *легчить*[1]). Такимъ же образомъ въ недавнее время довольно распространились невѣрныя начертанія: *меткій*, *смета* вм. *мѣткій*, *смѣта*[2]), или *стоютъ* вм. *стóятъ*.

Какъ бы ни было, въ ореографіи нашей несомнѣнно происходитъ движеніе подъ двойственнымъ вліяніемъ — *науки* (представляющей начало этимологическое) и *практики* (обновляемой нововведеніями, иногда наперекоръ наукѣ). Перваго рода движеніе совпадаетъ съ успѣхами филологіи; движеніе второго рода опредѣляется отчасти развитіемъ живого языка, отчасти не совсѣмъ благопріятными случайностями. Цѣль настоящаго труда заключается вовсе не въ какихъ-либо нововведеніяхъ и даже не въ окончательномъ рѣшеніи всѣхъ спорныхъ вопросовъ нашего правописанія (такая задача была бы слишкомъ смѣла), а въ томъ только, чтобы историческимъ путемъ уяснить мыслящему читателю настоящее состояніе русской ореографіи и способствовать къ бóльшему единообразію письма. Возможное при-

---

[1]) *Лѣчить* происходитъ отъ общеславянскаго корня *лѣкъ*. Ломоносовъ писалъ *лѣчить*. — Ср. *Корнесловъ* Шимкевича, стр. 135.

[2]) *Мѣтокъ* не тотъ, кто ловко *метаетъ*, а тотъ, кто хорошо *мѣтитъ*. Очевидно, что и *смѣта* одного корня съ словами: *примѣта*, *замѣтка*, *отмѣтка*. Выговоръ *смётка* ничего не доказываетъ, потому что въ народной рѣчи и ѣ иногда превращается въ ё: *смѣтливъ* одного происхожденія съ *примѣтливъ*.

ближеніе къ такому единообразію остается весьма желательнымъ не только по теоретическимъ причинамъ, но и по чисто-практическимъ соображеніямъ: ясно, какъ разнорѣчія въ правописаніи неблагопріятны для школы и какъ они неудобны для типографій. Мы очень хорошо понимаемъ, что достигнуть полнаго соглашенія въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ бóльшей части человѣческихъ дѣлъ, мало надежды, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаемъ, что всякій безпристрастно ищущій истины охотно воспользуется нѣкоторыми служащими къ разъясненію ея указаніями. Мы желаемъ только облегчить каждому возможность сознательно употреблять то или другое правописаніе, оставаясь послѣдовательнымъ и всегда вѣрнымъ самому себѣ. По опыту извѣстно, что насильственныя измѣненія въ орѳографіи не удаются, но отмѣна нѣкоторыхъ частныхъ злоупотребленій письма, не смотря на долговременную къ нимъ привычку, легко принимается людьми непредубѣжденными. Мы готовы сами подать въ этомъ примѣръ и принять въ нѣкоторыхъ случаяхъ чужую орѳографію, которой до сихъ поръ не держались, если найдемъ, въ пользу ея, убѣдительные доводы.

III.

Для большей ясности, обратимъ прежде вниманіе на нѣкоторыя характеристическія черты русской фонетики [1]. Въ ней поражаютъ особенно три явленія:

1) Двоякое произношеніе согласныхъ (кромѣ гортанныхъ и шипящихъ), означаемое въ концѣ, а иногда и въ серединѣ словъ, знаками ъ и ь, изъ которыхъ первый уподобляетъ приращенный звукъ сокращенному о, а второй сокращенному е или и. Извѣстно, что буквы ъ и ь нѣкогда замѣняли гласныя о и е при

[1]) Само собою разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ только объ образованномъ языкѣ. Особенности нарѣчій въ этомъ отношеніи бесчисленны и къ сожалѣнію еще слишкомъ недостаточно изучены. Полезнымъ пособіемъ по этой части могутъ служить статьи г. Потебни въ *Филол. Запискахъ* (1865 и д.); но такъ какъ насъ теперь занимаетъ письменный языкъ, то мы и не касаемся вовсе діалектическихъ различій.

плавныхъ р и л, но произносились короче другихъ гласныхъ, почему и до сихъ поръ еще онѣ иногда называются *полугласными*[1]). Звукъ согласной передъ *еромъ*, явнымъ или подразумѣваемымъ, можетъ быть названъ *дебелымъ*, звукъ же передъ ь — *тонкимъ* (употребляя терминологію Смотрицкаго и Востокова[2]). Это двоякое произношеніе проникаетъ всю нашу фонетику и имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, отражаясь и на гласныхъ.

2) Произношеніе гласныхъ вслѣдъ за двоякими согласными очень характеристично: гласныя могутъ быть сами по себѣ также двоякія: дебелыя — а, о, у, и тонкія — э, и. Въ произношеніи первыхъ слышится тотъ же толстый или широкій звукъ, который у согласныхъ отмѣчается знакомъ ъ: а = ъа, о = ъо, у = ъу. Изъ тонкихъ гласныхъ только И можетъ слѣдовать непосредственно за дебелой согласной и тогда произносится широкимъ звукомъ, неизвѣстнымъ и труднымъ для западныхъ Европейцевъ и означаемымъ на письмѣ: ы = ъи (еры = еръ + и). Этотъ звукъ только тогда и слышится, когда и прислоняется къ дебелой согласной; онъ невозможенъ въ началѣ слога, а слѣдовательно и слова.

Къ разряду тонкихъ гласныхъ у насъ обыкновенно причисляютъ также буквы е, ё, ѣ, я и ю; но тутъ есть недоразумѣніе или, по крайней мѣрѣ, неточность: во первыхъ, все это — не простыя гласныя, а двоегласныя (йэ, йо, йа, йу), или, по Ломоносовскому термину, — потаенныя двоегласныя[3]); во вторыхъ, только въ основѣ е и ѣ лежитъ тонкая гласная э, въ основѣ же ё, я, ю лежатъ дебелыя о, а, у. Поэтому е и ѣ могутъ, пожалуй, быть называемы *тонкими* гласными, но только когда онѣ слѣдуютъ за согласною и произносятся точно такъ же, какъ произ-

---

[1]) Ломоносовъ называлъ ихъ *безгласными*; см. его *Грам.*, §§ 103 и 116.

[2]) У Ломоносова не находимъ термина для этого двоякаго произношенія согласныхъ; Тредіаковскій называетъ различный звукъ ихъ *отолщеннымъ* (при ъ) и *отонченнымъ* (при ь).

[3]) Явными двоегласными, или и троегласными, онъ считаетъ противоположныя сочетанія тѣхъ же звуковъ: **ай, ей, яй, ой, уй.**

носится на этомъ мѣстѣ и буква э, которая тоже можетъ слѣдовать только за *тонкою согласною.*

Дѣло въ томъ, что когда къ тонкимъ согласнымъ (бь, вь, дь и т. д.) прислоняются дебелыя гласныя а, о, у, то утонченіе согласныхъ передается на письмѣ гласнымъ, и вмѣсто а, о, у пишутся двоегласныя я, е, ю; но въ произношеніи слышатся все-таки первыя, въ чемъ легко убѣдиться, если выговаривать гласныя протяженно, напр. *коня = конь — аааа, синё = синь — оооо, велю = вель — уууу* и т. д. Иностранцамъ чрезвычайно трудно усвоить себѣ это произношеніе: непосредственно за согласной они выговариваютъ я, ё, ю такъ же, какъ въ началѣ слога, т. е. йа, йо, йу, напр. *конйа, синйо, велйу.*

Отсюда видно, что за тонкими согласными могутъ слѣдовать всѣ самостоятельныя гласныя[1]), но что въ такомъ случаѣ дебелыя гласныя (а, о, у) принимаютъ видъ соотвѣтствующихъ имъ двоегласныхъ (я, е, ю), которыя слѣдовательно исполняютъ въ русской азбукѣ двоякое назначеніе: въ началѣ слога онѣ сохраняютъ свой самостоятельный звукъ, въ концѣ же или въ серединѣ слога онѣ произносятся какъ дебелыя и означаютъ, что предшествующая имъ согласная должна выговариваться тонко. Другими словами: слоги *всё, вся, всю* и т. п. должны бы по настоящему писаться такъ: *всьо, всьа, всьу.*

Отъ показанныхъ выше особенностей происходитъ, что когда послѣ тонкихъ согласныхъ стоятъ тонкія же гласныя (или и двоегласныя) э, е, ѣ, и, і,—то образующіеся при этомъ слоги бе, вѣ, ри, лі и т. п. произносятся совсѣмъ иначе нежели такіе же по видимому слоги въ западно-европейскихъ языкахъ. Сравнимъ для примѣра русскія слова: *меньше, мѣръ, вѣръ, сиръ, ли, нѣтъ, тѣ,* съ нѣмецкими *menchen, meer, wer* и французскими *sire, lit, nette, tes*: въ русскихъ словахъ слышится особенное іотированіе гласной буквы, которое происходитъ отъ утонченія предыдущей согласной и котораго вовсе нѣтъ въ подобныхъ же иностранныхъ словахъ.

---

[1]) Т. е. а, э, и, і, о, у; но никакъ не ы, которое не самостоятельно и по самой натурѣ своей никакъ сюда не идетъ.

3) Замѣчательную черту русской фонетики составляетъ близкое родство между гласными а и о, между я и ё, между е и о, такъ что произношеніе то не ясно отличаетъ каждую изъ нихъ, то замѣняетъ одну другою. Оттого онѣ нерѣдко смѣшиваются и на письмѣ.

Справедливо замѣчаютъ, что буква а безъ ударенія послѣ шипящихъ буквъ ж, ч, ш, щ, а также буква я безъ ударенія въ началѣ слога произносятся почти какъ е, напр. въ словахъ: *жалѣть*, *часы*, *шалить*, *щадить*, *явить*, *яйцо*; но къ тому надобно прибавить, что это только одинъ видъ общаго явленія, въ силу котораго звуки а, я безъ ударенія, послѣ какихъ бы согласныхъ они ни стояли, произносятся не какъ дѣйствительныя а, я, а какъ что-то среднее между а и о, между я и е. Иначе выражаясь, буквы а и о, я и е, когда на нихъ нѣтъ ударенія, произносятся одинаково-неопредѣленно, какъ видно, напр. изъ словъ: *умалять*, и *умолять*, *пятакъ*, *пятно*, *мятежъ*, *мету*, *слеза*. Поэтому неудивительно, что въ одномъ и томъ же словѣ одни пишутъ а, другіе о; таковы, напр., слова: *догорать* (*догарать*), *рождать* (*раждать*) или слова неяснаго происхожденія *тороватый* (*тароватый*), *творогъ* (*тварогъ*) и проч. По родству означенныхъ гласныхъ, такое различіе правописанія не всегда можетъ считаться ошибочнымъ[1]). Иногда одно и то же слово, въ разныхъ формахъ или сочетаніяхъ, пишется то съ о, то съ а, напр. *расти*, *росъ*; *ростъ*, *возрастъ*; *заря*, *зорю*; *платить*, *плотитъ*.

Сюда же относится частое превращеніе звука е и ѣ (йэ) въ йо или, послѣ тонкой согласной, въ о, чтó на письмѣ иногда означается начертаніемъ ё. Случаи этого произношенія въ первый разъ были разсмотрѣны, съ надлежащею подробностью, Востоковымъ[2]); но такъ какъ здѣсь правила допускаютъ много исключе-

---

[1]) Неясность произношенія русскихъ гласныхъ обнаруживается еще и въ томъ, что въ глагольныхъ окончаніяхъ **я** часто произносится, какъ **ю** (ѣздютъ, стóютъ), а въ окончаніяхъ именъ **е** выговаривается какъ **и** (цвѣточикъ, папинька, малинькій); но въ этихъ случаяхъ замѣна неправильна и на письмѣ не должна отражаться.

[2]) Въ книгѣ И. Борна: *Краткое руководство къ Росс. словесности*, стр. 3–6.

ній, то я замѣчу только, что превращеніе е, а иногда и ѣ въ ё особенно свойственно народному говору и рѣдко сообщается словамъ книжной рѣчи, такъ что изъ двухъ словъ того же корня только народное принимаетъ это видоизмѣненіе, напр. изъ словъ *предметъ* и *подметки*, одинаково происходящихъ отъ глагола *метать*, только послѣднее представляетъ превращеніе е въ ё. Нѣкоторыя слова въ этомъ отношеніи произносятся различно въ народѣ и въ образованномъ языкѣ, напр. *крестъ*, *смертный* народъ выговариваетъ: *крёстъ* (или *хрёстъ*), *смёртный*.

IV.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній намъ легче будетъ говорить о правописаніи, какъ изображеніи звуковъ. Начнемъ съ происхожденія нашей гражданской грамоты и прослѣдимъ главныя измѣненія въ ходѣ развитія употребительной нынѣ орѳографіи, а также и разныя попытки преобразованій въ нашемъ алфавитѣ.

Составленіе гражданской азбуки по видимому произошло не вдругъ, а постепенно. Объ изобрѣтеніи ея и первоначальномъ введеніи сохранилось, къ сожалѣнію, очень мало извѣстій. Лѣтъ десять тому назадъ высказана была догадка, что въ образованіи гражданской печати важное участіе принималъ справщикъ московской духовной типографіи Поликарповъ; но ученая критика не подтвердила этого предположенія и напротивъ замѣтила, что первые начатки гражданской азбуки появляются ранѣе того времени, къ которому обыкновенно относятъ ея происхожденіе: именно указано было на напечатанное въ 1699 году амстердамское изданіе Ильи Копьевича «Поверстаніе круговъ небесныхъ», гдѣ особенно курсивъ представляетъ поразительное сходство съ нынѣшними буквами [1]). И въ другихъ голландскихъ изданіяхъ уже замѣтна отчасти та круглота и чистота шрифта, которая позднѣе, въ москов-

---

[1]) *Наше Время* 1860, № 10, стр. 159: «Историческая дѣятельность Московской синодальной типографіи» (г. Арсеньева?) по поводу статьи г. Безсонова «Типографская библіотека въ Москвѣ» (*Р. Бесѣда* 1859, V).

скихъ книгахъ новой печати, такъ нравилась Тредіаковскому. Вниманія заслуживаетъ, напр., напечатанная въ 1700 году книжка «Краткое собраніе Льва Миротворца показующее дѣлъ воинскихъ обученіе». Здѣсь заглавіе набрано отчасти капителью, отчасти курсивомъ, въ которомъ многія буквы мало отличаются отъ нынѣшнихъ, а на послѣдней страницѣ книги слово *Конецъ* напечатано крупнымъ шрифтомъ, въ которомъ всѣ буквы, кромѣ латинскаго N, совершенно сходны съ введенною впослѣдствіи гражданскою азбукою. Такіе образцики новаго для глазъ шрифта вѣроятно поражали Петра В. и подали ему первую мысль преобразованія церковной печати для свѣтскихъ изданій. Однимъ изъ главныхъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ, кажется, считать Копьевича, который въ 1700 году завелъ въ Амстердамѣ свою собственную типографію, «самъ единъ труждаяся и въ строеніи книгъ, и въ друкарнѣ, обучая мастеровъ въ сицевомъ дѣлѣ». По его же указаніямъ могъ быть подготовленъ и новый шрифтъ въ Голландіи[1]). Тредіаковскій говоритъ, что Петръ, видя красивую печать европейскихъ книгъ, пожелалъ имѣть такую же и въ русскихъ изданіяхъ. Поэтому онъ кому-то поручилъ составить образецъ гражданской азбуки и отправить ее въ Амстердамъ для вылитія тамъ новаго шрифта, который въ 1708 году и былъ привезенъ въ Москву.

Какъ бы то ни было, достовѣрно одно, что съ 1708 г. этимъ шрифтомъ стали печататься книги въ Россіи. Показанія Тредіаковскаго о постепенныхъ измѣненіяхъ въ гражданской азбукѣ оказываются не совсѣмъ точными. Такъ онъ несправедливо утверждаетъ, будто новый *друкъ*, въ которомъ не было и, з, v, оставался безъ всякихъ перемѣнъ до 1716 года. Измѣненія начались уже въ 1710 году, но здѣсь безполезно было бы входить въ по-

[1]) Пекарскаго *Наука и Лит. при Петрѣ В.*, I, 16, 18. Копьевичъ возвратился въ Россію около 1707 года; вмѣстѣ съ Тредіаковскимъ можно полагать, что отлитіе новаго шрифта произошло по меньшей мѣрѣ за годъ до привоза его въ Москву; самое же образованіе буквъ и изготовленіе матрицъ должно быть отнесено еще къ болѣе раннему времени. По преданію, сообщенному Евгеніемъ Болховитиновымъ, гражданская азбука изобрѣтена самимъ Петромъ Великимъ около 1704 года (Сл. дух. писат., II, 277).

дробности ихъ [1]). Замѣтимъ только, что по словамъ Тредіаковскаго, въ 1733 году былъ вылитъ новый шрифтъ (нѣсколько продолговатѣе прежняго) для напечатанія, при Академіи наукъ, перевода «Меморій или записокъ» Сенъ-Реми объ артиллеріи. Тредіаковскій же говоритъ, что въ 1735 году изгнана буква ѕ (зѣло), а возстановлена з (земля), которая съ тѣхъ поръ и удержалась; отмѣнены ѵ (ижица) и ѯ (кси); прибавлены й и э (послѣдняя впрочемъ встрѣчается уже и ранѣе [2]); наконецъ тогда же опредѣлено слова́, имѣющія двоякое значеніе, отмѣчать знакомъ ударенія. Благодаря разысканіямъ Пекарскаго, мы знаемъ теперь, что эти нововведенія сдѣланы были по распоряженію Академіи наукъ, типографія которой въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій была единственною въ Россіи для печатанія книгъ гражданскимъ шрифтомъ. Новая азбука была окончательно установлена учрежденнымъ при Академіи «Россійскимъ собраніемъ» и сообщена въ руководство типографіи двумя записками Тауберта и Шумахера [3]). Въ этой азбукѣ являлись, между прочимъ, два знака (и, і) для звука і (не считая й, какъ отличающагося особымъ произношеніемъ и потому не лишняго). Изъ нихъ і долго писалось не только передъ гласными, но и для означенія этого звука въ иностранныхъ словахъ. Различное употребленіе обоихъ знаковъ, смотря по тому, слѣдуетъ ли за ними гласная или согласная, установилось, какъ увѣряетъ

---

[1]) Въ первопечатныхъ книгахъ 1708 года мы дѣйствительно находимъ только ı (палочку безъ точки) и ѕ (зѣло), но уже въ 1710 появляются:

ї (съ двоеточіемъ), начертаніе, которое оставалось въ нашей печати чуть ли не до начала нынѣшняго столѣтія;

и въ трехъ случаяхъ: 1) въ сочетаніи двухъ і (їи); 2) въ началѣ русскихъ словъ и 3) въ концѣ словъ. Такъ въ заглавіи одной книжки 1710 г. мы читаемъ: «Інструкціи и артїкулы военные надлежащїе къ россійскому флоту».

з (*земля*) во всѣхъ случаяхъ, вмѣсто отмѣненнаго ѕ (*зѣло*).

д для означенія звука *д*.

Въ Географіи, напечатанной также въ 1710 году, ѕ очень рѣдко появляется вмѣсто з; а і только передъ гласною и для означенія соединительнаго союза; во всѣхъ же другихъ случаяхъ, и даже въ иностранныхъ словахъ стоитъ и, недостаетъ только й. Тутъ же встрѣчаемъ уже и э.

[2]) См. предыдущее примѣч. *Ижица* вскорѣ опять была принята въ азбуку.

[3]) *Исторія Акад. Наукъ* II, 639.

Тредіаковскій, съ 1738 года[1]). По свидѣтельству Ломоносова, і осталось въ употребленіи только для того, «чтобы частое стеченіе подобныхъ буквъ непріятнымъ видомъ взору не казалось противно и въ чтеніи запинаться не принуждало[2])».

Съ тѣхъ поръ составъ нашего алфавита уже не измѣнялся (за исключеніемъ развѣ того, что ѵ, ижица, почти совершенно вышла изъ употребленія). Попытки нѣкоторыхъ писателей усовершенствовать эту азбуку прибавленіемъ недостающихъ буквъ или исключеніемъ лишнихъ, остались безуспѣшными. Одно только нововведеніе было нѣсколько счастливѣе, именно двоеточіе надъ е для означенія извѣстнаго произношенія этой буквы, да и оно все рѣже и рѣже встрѣчается въ нашемъ письмѣ.

Въ первое время по установленіи русской гражданской азбуки замѣчательны орѳографическія соображенія трехъ главныхъ писателей, знаменитыхъ современниковъ — Тредіаковскаго, Ломоносова и Сумарокова.

Тредіаковскій написалъ по этому предмету цѣлую книгу, которая и была напечатана предлагаемою имъ орѳографіею[3]). Его нововведенія состоятъ въ слѣдующемъ: онъ вовсе не употребляетъ буквъ: и, э, щ, ѳ, з, и вмѣсто ихъ ставитъ: і, е, шч, ф, ѕ; послѣдняя, по его мнѣнію, красивѣе з и болѣе отвѣчаетъ цѣли Петра Великаго сблизить русскую азбуку съ латинскою. Кромѣ того, для означенія іотированнаго звука е и ѣ въ началѣ слога или слова онъ употребляетъ форму прописной буквы Е, и такимъ образомъ пишетъ, напр. Есть (не отличая *есть* отъ *ѣсть*), *двоЕ* и т. п. Въ другихъ случаяхъ онъ, однакожъ, оставляетъ неприкос-

---

1) Относительно употребленія і въ древнихъ рукописяхъ И. И. Срезневскій замѣчаетъ: «і замѣняло въ древности и только случайно или по недостатку мѣста; но потомъ стали употреблять его и нарочно и между прочимъ съ двумя черточками ('ı'), означавшими и надписанное, и превратившимися еще позже въ точки (ї); иные писцы пытались писать это ї послѣдовательно передъ гласными».... Въ печатномъ Апостолѣ 1564 г. обѣ буквы уже употребляются по нынѣшнему (*О Русск. правописаніи. Письмо 1е. Журн. Мин. Нар. Просв.* 1867).

2) *Росс. Грам.* § 85.

3) «Разговоръ между Чужестраннымъ человѣкомъ і Россійскімъ объ ортографіі старінной і новой». Спб. 1748. 464 нум. стр.

новенною букву ѣ, полагая, что она и произношеніемъ отличается отъ е[1]). Наконецъ, онъ находитъ букву г годною только для звука, слышимаго напр. въ словахъ *Господь, благо, богатый*; для твердаго же гортаннаго звука въ словахъ *городъ, голодъ, голый* и т. п. предлагаетъ особое видоизмѣненіе этой буквы (Г) подъ названіемъ *голь*. Впрочемъ замѣтимъ, что мысль объ этомъ нововведеніи въ первый разъ высказана была за 17 лѣтъ ранѣе въ русской грамматикѣ, напечатанной на нѣмецкомъ языкѣ при словарѣ Вейсмана и приписываемой Адодурову. «Иные», говорится здѣсь, «замѣтивъ недостатокъ буквы g, стали изображать ее литерою Г, какъ можно видѣть въ нѣкоторыхъ до сего напечатанныхъ книгахъ. Итакъ было бы желательно, чтобы вошло въ обычай буквою Г всегда означать h, а буквою Г — звукъ g»[2]). Тредіаковскій въ своемъ *Разговорѣ* ничего не упоминаетъ объ этомъ болѣе раннемъ заявленіи мысли, которую онъ выдаетъ за свою; предлагаемую букву онъ иначе называетъ *гаммою* и поясняетъ, что у нея «верьхній кончікъ молоточкомъ ѕдѣланъ»[3]). Основнымъ началомъ ороографіи Тредіаковскаго было требованіе, которое онъ горячо отстаивалъ: «писать по звонамъ» (т. е. держаться произношенія). Въ этомъ взглядѣ онъ шелъ такъ далеко, что писалъ напр. *порятку*, *сѣцкой* (вм. *свѣтскій*), *обрасцы*, *извѣсно*, *кресьяне*, *скушно*, *книшка* и т. п.

Иначе, но также весьма оригинально, смотрѣлъ на русское письмо Ломоносовъ. Особенно любопытно, что онъ не хотѣлъ вводить въ азбуку нѣкоторыхъ буквъ, которыя самъ употреблялъ и

---

[1]) Это утверждаютъ довольно многіе еще и теперь. Но для опроверженія такого взгляда достаточно замѣтить, что если бъ такъ было, то не встрѣчалось бы никакого затрудненія въ употребленіи буквѣ ѣ: стоило бы только ссылаться на произношеніе ѣ и е, чтобы заставлять отличать ихъ на письмѣ.

[2]) Teutsch-Lateinisch- und Russisches Lexicon. St.-Petersburg 1731. Anfangs-Gründe der Russischen Sprache. — Подтвержденія словъ автора грамматики объ употребленіи въ печати предлагаемой имъ буквы мы не встрѣчали въ книгахъ указываемаго имъ времени. Въ 1731 году Тредіаковскій, только что возвратившійся изъ за границы, жилъ у Адодурова, который въ то время былъ еще академическимъ студентомъ (Пек. *Ист. А. Н.*, I, 504; II, 18).

[3]) *Разговоръ*. Спб. 1748, стр. 380, 386.

считалъ вообще позволительными въ употребленіи. Это были: і, щ, ѳ, ю̂ (нынѣшнее ё). Относительно двухъ первыхъ онъ объяснялъ, что і произносится одинаково съ и и употребляется только для четкости письма, а щ состоитъ изъ двухъ звуковъ (шч) и «не больше права имѣетъ быть въ азбукѣ какъ ѯ и ѱ». Сверхъ того онъ не признавалъ надобности въ буквѣ э даже на практикѣ.

Рѣзкое разногласіе произошло между Ломоносовымъ и Тредіаковскимъ по возникшему тогда вопросу объ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ въ именительномъ множественнаго числа, которыя до тѣхъ поръ писались въ этой формѣ какъ попало, то съ е, то съ я во всѣхъ родахъ. Тредіаковскій съ особеннымъ жаромъ доказывалъ, что въ мужескомъ родѣ они должны оканчиваться на ыи (іи), въ женскомъ на ые (іе), въ среднемъ на ыя (ія). Ломоносовъ, напротивъ, стоялъ за правописаніе, принятое академическою типографіею, по показанію Тредіаковскаго, съ 1733 года: въ муж. е, въ жен. и сред. я [1]). Споры о томъ начались между обоими писателями въ Академіи наукъ, еще въ 1746 году. Тредіаковскій сочинилъ тогда и представилъ въ конференцію цѣлое разсужденіе объ этомъ предметѣ, а Ломоносовъ написалъ возраженіе [2]). Позднѣе Тредіаковскій, въ *Разговорѣ* объ ороографіи, повторилъ съ тою же настойчивостью свои доводы въ пользу придуманныхъ имъ окончаній, которыя (хоть онъ и не упомянулъ о томъ) какъ разъ соотвѣтствовали окончаніямъ множ. числа латинскихъ прилагательныхъ: муж. і, жен. ае, сред. а. Напротивъ того, Ломоносовъ, въ своей *Грамматикѣ*, выразился по этому вопросу

---

[1]) Тредіаковскій ошибочно утверждаетъ, что эта орѳографія уже соблюдена въ книгѣ: *Меморіи или записки артиллерійскія*, соч. Сенъ-Реми, перев. съ фр. при его, Тредіаковскаго, участіи (Спб. 1732 — 1733): на повѣрку выходитъ, что здѣсь прилагательнымъ въ именит. множ. числа окончанія даются совершенно случайно. Вотъ примѣры: *славныя Авторы*, *станки суть разныя*, *цѣлыне пушки*, *пороховые ящики*, *веревки которые*, *вещей которые*. Кстати, приведу еще нѣсколько образчиковъ правописанія этой книги: *ни одново*, *такова* (род. п. муж. рода), *о чомъ*, *щотъ*, *учоныхъ*, *щасливъ*, *очюнь*, *дватцать*, *на концѣ* (нарѣчіе), *по нынѣ*.

[2]) Пекарскаго *Дополн. извѣстія для біографіи Ломоносова*, Спб. 1865, стр. 98—119.

съ замѣчательною умѣренностью: «Е и Я, говоритъ онъ, нерѣдко за едино употребляются, особливо во множ. числѣ прилагательныхъ пишутъ *святые* и *святыя*. Сіе различіе буквъ Е и Я въ родахъ именъ прилагательныхъ никакова раздѣленія чувствительно не производитъ: слѣдовательно обоихъ буквъ Е и Я, во всѣхъ родахъ, употребленіе позволяется; хотя мнѣ и кажется, что Е приличнѣе въ мужескихъ, а Я въ женскихъ и среднихъ» [1]).

Построенное на этомъ основаніи правило, какъ оно ни произвольно, такъ утвердилось мало по малу, что стало соблюдаться съ величайшею строгостью и отступленіе отъ него до сихъ поръ считается чуть не признакомъ круглаго невѣжества. Такова-то сила условныхъ соглашеній въ языкѣ: имъ обыкновенно подчиняются съ гораздо большею внимательностью, нежели многимъ дѣйствительнымъ законамъ его. Такимъ же образомъ, напр., немыслимо нарушеніе правила о различномъ употребленіи буквъ и, і. Замѣтимъ однакожъ, что въ первое время Ломоносовскому взгляду на окончанія прилагательныхъ не всѣ беспрекословно слѣдовали: между противниками его выдается особенно Сумароковъ, который во всѣхъ трехъ родахъ постоянно писалъ *я*.

Что касается общаго характера русской ороографіи, то Ломоносовъ опять совершенно расходился съ Тредіаковскимъ. Послѣдній былъ такъ убѣжденъ въ превосходствѣ своей фонетической методы, что твердо вѣрилъ въ будущее торжество ея. «Я не отчаяваюсь, говорилъ онъ, чтобъ въ нѣкоторое время не сталі всѣ у насъ (такъ) пісаѳь, ешче и учоньі, ізъ которыхъ катоноватѣйшіі, позвольте учоное слово, наібольше хорохорятся протівъ звоновъ» [2]). Съ своей стороны Ломоносовъ, на котораго явно мѣтятъ эти слова, выразилъ противоположный взглядъ съ крайнею осмотрительностью, требуя только: «что бы правописаніе не удалялось много отъ чистаго выговору и что бы не закрылись со всѣмъ слѣды произвожденія и сложенія реченій» [3]).

---

[1]) *Росс. Грам.* § 112.

[2]) *Разговоръ объ ортографіи,* стр. 68 и 285 (изд. Смирдина).

[3]) *Росс. Грам.* § 108.

Относительно буквы ѣ оба писателя были между собой довольно согласны. Тредіаковскій, устами одного изъ своихъ вымышленныхъ собесѣдниковъ, спрашиваетъ: «Для чего бы вмѣсто ѣ не писать вездѣ е?» [1]) но рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно, опасаясь, что въ противномъ случаѣ «воспослѣдуетъ превелікая гібель чістому нашему выговору, въ премногіхъ тысячахъ рѣчей» [2]): ему казалось, что если написать *тебе*, *победа*, *славе*, *верная*, *песнь*, *оейство*, *крепко*, то здѣсь звукъ е останется не іотированнымъ, такъ какъ, по его мнѣнію, эта буква имѣетъ двоякій звукъ, т. е. послѣ согласныхъ она выговаривается какъ э и только въ началѣ слоговъ какъ йэ [3]). Основываясь на этомъ, онъ считалъ необходимымъ сохранить букву ѣ, когда она слѣдуетъ за согласною. Мы уже видѣли, что въ началѣ слоговъ онъ замѣнялъ ее буквою е.

Ломоносовъ отстаивалъ букву ѣ безусловно. По господствовавшимъ тогда понятіямъ, онъ различалъ, въ отношеніи къ выговору, *просторѣчіе* отъ *чтенія* и *предложенія рѣчей изустныхъ*. Несомнѣнное въ наше время тожество произношенія буквъ е и ѣ [4]) признавалось имъ только во вседневномъ говорѣ, да и то не вполнѣ: онъ находилъ, что «буквы Е и Ѣ въ просторѣчіи едва имѣютъ чувствительную разность, которую въ чтеніи весьма явственно слухъ раздѣляетъ, и требуетъ въ Е дебелости, въ Ѣ тонкости» [5]) (т. е. напр. съ каѳедры надобно произносить *дэбэлый*, *бэзъ*, въ отличіе отъ вседневнаго выговора: *дебелый*, *безъ*, который сближаетъ эти слова съ произношеніемъ *бѣлый*, *бѣсъ*). Окончательно Ломоносовъ приходилъ къ такому заключенію: «Нѣкоторые поку-

---

[1]) *Разговоръ*, стр. 41.

[2]) Тамъ же, стр. 127.

[3]) Въ этомъ Тредіаковскій, очевидно, ошибался: буква е можетъ стоять только послѣ тонкой согласной и въ такомъ случаѣ непремѣнно должна іотироваться. Иначе не можетъ произноситься, послѣ согласной, даже и буква э, потому что ей предшествуетъ тонкая согласная, вліяющая на всякую послѣдующую гласную. Доказательствомъ тому можетъ служить русское произношеніе буквы и послѣ согласныхъ сравнительно съ выговоромъ того же звука въ словахъ иностранныхъ. (См. выше, стр. 17).

[4]) См. выше, стр. 23.

[5]) *Росс. Грам.* § 100.

шались истребить букву Ѣ изъ азбуки Россійской [1]). Но сіе какъ не возможно, такъ и свойствамъ Россійскаго языка противно. Ибо ежели безъ буквы Ѣ начать писать, а особливо печатать: то 1) тѣмъ, которые раздѣлять Е отъ Ѣ умѣютъ, не токмо покажется странно, но и въ чтеніи препятствовать станетъ. 2) Малороссіянамъ, которые и въ просторѣчіи Е отъ Ѣ явственно различаютъ, будетъ противъ свойства природнаго ихъ нарѣчія. 3) Уничтожится различеніе реченій разнаго знаменованія, а сходнаго произношенія, напр. *лечу*, *летѣть* отъ *лѣчу*, *лѣчитъ*; *пеню* имя въ винительномъ отъ *пѣню*, *пѣнишь*; *пенье*, *пеньевъ* отъ *пѣнье*, *пѣнія*; *пленъ*, родительный множественный отъ именительнаго *плена̀*, отъ *плѣнъ*, то есть *поло́нъ*, которыя всѣ и другія многія сими двумя буквами различаются» [2]).

Между особенностями Ломоносовской орѳографіи сто́итъ замѣтить еще слѣдующія начертанія: *рассѣять*, *иссушить*; *ево*, *твоево*, *слѣпова*; *доброй*, *синей*, *хорошей* (въ имен. муж. рода единств. ч.), *Василей*; *дватцать*, *лутче*.

Не смотря на громкую славу Ломоносова, его правописаніе ни при жизни его, ни послѣ не сдѣлалось общимъ. Даже въ средѣ Академіи наукъ оно не было вполнѣ принято; такъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» Миллера, которыя издавались во все послѣднее десятилѣтіе жизни Ломоносова, является орѳографія, не всегда согласная съ его началами. Впрочемъ едва ли можно придавать этому обстоятельству особенное значеніе: оно могло происходить просто отъ недостаточнаго вниманія къ дѣлу, что́ часто замѣчается и нынѣ: бо́льшинство пишетъ по своему крайнему разумѣнію, не слишкомъ заботясь о строгой повѣркѣ своихъ правилъ или своей практики.

Бо́льшаго распространенія правописаніе Ломоносова могло ожидать отъ школы; но многіе ли учились по его грамматикѣ, да и каково было ученіе? Съ другой стороны, распространенію Ломоносовскихъ правилъ мѣшала литературная вражда. Извѣстно,

---

[1]) Это замѣчаніе доказываетъ, что гоненія на букву ѣ начались очень давно.
[2]) *Русс. Грам.* § 114.

какова ороографія Сумарокова въ изданіяхъ его сочиненій; не лучше она и въ его рукописяхъ, какъ видно, напр., изъ его писемъ къ *И. И.* Шувалову[1]). Но хотя онъ и плохо зналъ употребленіе буквы ѣ, хотя и вообще писалъ небрежно, однакожъ любилъ разсуждать о правописаніи и посвятилъ ему три статьи: одну въ видѣ наставленія «типографскимъ наборщикамъ»[2]) и двѣ по поводу появленія постороннихъ трудовъ объ этомъ предметѣ[3]). Книжка, вызвавшая первую рецензію Сумарокова, намъ неизвѣстна: онъ приписываетъ ее своему пріятелю *Б.* (не Баркову ли, переводчику при Академіи наукъ, хорошо знакомому съ грамматикой Ломоносова[4])?). Въ другой критической статьѣ своей Сумароковъ разбираетъ изданную въ 1773 г. при Академіи наукъ брошюру подъ заглавіемъ: «*Опытъ новаго россійскаго правописанія*». Подписанныя подъ предисловіемъ ея буквы *В. С.* означаютъ *Василія Свѣтова*, бывшаго также переводчикомъ при Академіи, издавшаго русскую грамматику и разные переводы. По показанію Евг. Болховитинова, онъ умеръ въ 1787 году, къ которому относится также 2-е изданіе его книжки о правописаніи. Въ его трудахъ обнаруживается рѣдкое для того времени пониманіе законовъ языка, такъ что въ исторіи русскаго слова и письма нельзя забыть Свѣтова. Сумароковъ, разбирая его книжку, справедливо одобряетъ многія его мнѣнія, иногда же высказываетъ и свои собственныя. Во всѣхъ трехъ ороографическихъ статьяхъ своихъ онъ, съ свойственнымъ ему задоромъ, безъ всякаго систематическаго порядка, повторяя по нѣскольку разъ одно и то же, предлагаетъ то правила, не выдерживающія никакой критики, то весьма разумныя замѣчанія, показывающія инстинктивную лингвистическую смѣтливость. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ опирается на потомство, и потомство оправдало его. Такъ онъ отвергаетъ Ломоносовское правило писать въ муж. родѣ един. ч. *синей*, *хо-*

---

1) *Записки Акад. Наукъ*, т. I.

2) Полное собраніе всѣхъ соч. Сумарокова, т. VI, стр. 307

3) Соч. Сум., X, 6.

4) Билярскій, *Матер. для біогр. Лом.*

рошей, *Василей*, вм. *синій*, *хорошій* и т. д., хотя это правило и было совершенно послѣдовательно при тогдашней орѳографіи муж. р. *доброй*, *знатной*, вм. *добрый*, *знатный*. Вмѣстѣ съ Свѣтовымъ Сумароковъ осуждаетъ употребленіе въ иностранныхъ словахъ і вм. и (напр. *історія*), форму *генварь* вм. *январь*, *всіо* вм. *все*, *щастіе* вм. *счастіе*, а относительно словъ, оканчивающихся на ж, ч, ш, щ совѣтуетъ *принять въ основаніе лёгкое правило*, что имена мужскія этихъ окончаній пишутся съ ъ (*ножъ*, *мечъ*), а женскія — съ ь (*ложь*, *вещь*).

Сумароковъ возставалъ также противъ излишества прописныхъ буквъ въ началѣ словъ, замѣчая, что мы «великостью литеръ и Нѣмцевъ перещеголяли»... Въ старину, по словамъ его, «кромѣ начала статьи, нигдѣ не ставливались большія литеры, ниже во имени Божіемъ. Сіе пестритъ письма наши; да и на что то введено, въ чемъ кромѣ безобразія ничего нѣтъ?... Чтожъ до собственныхъ прилагательныхъ надлежитъ, такъ я ихъ малыми литерами начинаю: а ставятъ въ отсутствіи моемъ ихъ большими наборщики, думая, что я въ моей рукописи ошибся» [1]). Но въ то же время онъ такъ же безуспѣшно, какъ Ломоносовъ и Тредіаковскій, преслѣдовалъ букву э, которая всѣмъ имъ казалась лишнею: «Вошла было въ нашу азбуку», говоритъ Сумароковъ, «странная литера для изъясненія словъ чужихъ; однако сей пришлецъ выгнанъ» [2]). Такъ рѣшилъ и Свѣтовъ въ своей книжкѣ, но на практикѣ э удержалось. Что касается *ѳиты*, исключенной изъ азбуки Ломоносовымъ, то Сумароковъ, напротивъ, ее отстаивалъ, находя, будто она «произносится, хотя и не такъ какъ у Грековъ, но гораздо нѣжняе нежели ф». По этому-то поводу онъ передаетъ разговоръ свой съ знаменитымъ своимъ противникомъ: «Спрашивалъ я г. Ломоносова, ради чего онъ ф, а не ѳ оставилъ; на что мнѣ онъ отвѣчалъ тако: *Ета де литера стоитъ подпершися, и слѣдовательно бодряе*: отвѣтъ издѣвоченъ, но не важенъ» [3]).

---

1) Соч. Сум., X, 35, 36, 45.
2) Соч. Сум., VI, 314.
3) Соч. Сум., X, 10 и 48.

Сумароковъ не понималъ мысли Ломоносова, что такъ какъ обѣ буквы произносятся совершенно одинаково, то нѣтъ надобности для одного и того же звука имѣть два разные знака. Букву щ онъ терпѣлъ только по давности ея употребленія (такъ какъ для него главнымъ началомъ ороографіи было писать такъ, какъ писали «наши разумные предки» [1]), но собственно онъ предпочиталъ шч. По тому самому у него вообще не лежало сердце къ гражданскому письму; онъ признавалъ большимъ неудобствомъ существованіе у насъ двухъ азбукъ и находилъ, что мы *нечувствительно* «отопили отъ несвойственнаго намъ латинскаго начертанія» (принятаго за образецъ Петромъ Великимъ) «и пристали къ своему, данному намъ отъ Грековъ, откуда и Римляне свое начертаніе получили, и прилѣпилися мы къ подлиннику, отставъ отъ преображеннаго списка» [2]. Здѣсь онъ разумѣлъ преимущественно замѣну буквы *зѣло* (s) *землею* (з). Такое ученіе Сумароковъ проводилъ главнымъ образомъ, конечно, par esprit de contradiction, наперекоръ Тредіаковскому и особенно Ломоносову, увѣряя, что грамматика послѣдняго построена на основаніи провинціализмовъ, то холмогорскихъ, то малороссійскихъ. Замѣчательно вѣрно, однакожъ, смотрѣлъ Сумароковъ на законы сочетанія нашихъ согласныхъ съ слѣдующими за ними гласными и уже понималъ, что начертаніе послѣднихъ зависитъ отъ того, есть ли предыдущая—*тупая* (напр. бъ), или *острая* (напр. бь); въ послѣднемъ случаѣ онъ правильно разсуждалъ что бя есть не что иное какъ бьа, что въ сущности намъ ненужно буквы іо (т. е. йо или позднѣйшаго ё), потому что «когда она необходима, такъ мы ее легко изобразить можемъ и писати *Альона*, *Семьонъ* [3]), а слова, какъ напр. *ежъ*, можемъ мы писати *йожъ*, *Іокаста*, *Йокаста*... но, прибавлялъ онъ, трудняе новости вводить, нежели выводить». Равнымъ образомъ онъ утверждалъ, что послѣ буквы і наши чистыя глас-

---

[1]) Тамъ же, 32.

[2]) Тамъ же, 11.

[3]) Въ наше время нѣкоторые неправильно пишутъ: *милльонъ*, *батальонъ* вм. *милліонъ*, *батальонъ* или *батальйонъ*, забывая, что *милльонъ* = *милль—онъ*, т. е. *миллёнъ*.

ныя а и у не могутъ оставаться безъ придыханія, почему и писалъ *Діяна*, *теятръ*, какъ всѣ мы пишемъ: *матерія*, *Азія* или *іюнь*, *іюль* (не *іунь*, *іуль*); но здѣсь онъ былъ не совсѣмъ правъ, какъ показываютъ слова: *Яуза*, *поэтъ*, *Сіонъ* и др. Съ особенною настойчивостью онъ доказывалъ произвольность окончанія е, принятаго для прилагательныхъ муж. рода въ именит. падежѣ множ. числа. «Никто, говоритъ онъ по этому поводу, правила сего не устанавливалъ» (ср. выше, стр. 481, необязательное предложеніе Ломоносова); «но невѣжествомъ ввезено въ нашъ языкъ, ко трудности и ко безобразію онаго»[1]). — «Вы скажете, такъ пишутъ нынѣ. Кто такъ пишетъ нынѣ? Всѣ, вы скажете. Право не всѣ, ибо не всѣ еще симъ заражены, и никогда не заразятся, а то, что не имѣетъ ни малѣйшаго основанія, стоять не можетъ»[2]). Въ этомъ Сумароковъ жестоко ошибся: и его правило въ наставленіи наборщикамъ: «имена прилагательныя кончаются у меня во множественномъ всѣхъ родовъ въ именительномъ падежѣ на я», осталось одною изъ сознательныхъ особенностей Сумароковской ороографіи; осуждаемое же имъ правило сдѣлалось свято соблюдаемымъ закономъ. Браня Ломоносова, Сумароковъ однакожъ наивно жалуется на порчу языка по смерти великаго писателя. Въ своемъ обращеніи къ нему, онъ между прочимъ восклицаетъ: «Были врали и при жизни твоей; но было ихъ и мало, и были они поскромняе; а нынѣ они умножилися за грѣхи своихъ прародителей; и такъ пишутъ они, что бы имъ и стѣнъ стыдиться надлежало; а они и просвѣщенныхъ людей не стыдятся» и т. д.[3]). Любопытно замѣчаніе Сумарокова, что Ломоносовъ ужаснулся бы, если бъ увидѣлъ, какъ по смерти его печатаютъ его сочиненія, слѣдуя въ нихъ такому правописанію, котораго онъ не могъ бы одобрить (*возтокъ*, *източникъ*[4]). Для противодѣйствія искаженію языка онъ взываетъ къ Ададурову, Теплову, Полѣтикѣ, осо-

---

[1]) Соч. Сум., X, 29.

[2]) Тамъ же, VI, 309

[3]) Тамъ же, X, 25.

[4]) Тамъ же. (Ср. *Росс. Гр.*, § 123).—Извѣстно, что въ этомъ обвиняютъ Козодавлева, подъ надзоромъ котораго печатались при Академіи соч. Ломоносова.

бенно же къ Козицкому и Мотонису; онъ жалѣетъ, что нѣтъ ученаго общества, которому бы поручено было охраненіе языка, и что въ школахъ не учатъ ни правописанію, ни грамматикѣ [1]).

Дѣйствительно, послѣднее изъ этихъ обстоятельствъ еще долго оставалось препятствіемъ къ распространенію у насъ болѣе правильнаго и однообразнаго письма. Съ 1770-хъ годовъ начали появляться краткіе учебники грамматики и правописанія, но съ одной стороны недоставало хорошихъ учителей и разумныхъ методъ преподаванія, съ другой большинство пишущихъ лишено было всякаго школьнаго образованія. «Наука», справедливо замѣчаетъ г. Буличъ, «была тогда достояніемъ немногихъ; она сосредоточивалась только въ Академіи и Московскомъ университетѣ и находилась въ рукахъ иностранцевъ, не умѣвшихъ писать по-русски» [2]). Свѣтовъ жалуется на множество людей, «которые по худымъ примѣрамъ и по закоренѣлой къ неправому письму привычкѣ пишутъ безразсудно, каковыми, прибавляетъ онъ, я почитаю большую часть подьячихъ» [3]). Просматривая тогдашнія изданія и особенно рукописи, мы находимъ, однакожъ, что тотъ же упрекъ падаетъ и на большую часть не только высшихъ должностныхъ лицъ, но и писателей. Вспомнимъ, напр., какъ писали Бецкой и Державинъ. Нѣкоторые писатели не могли являться въ литературѣ съ своею собственной орѳографіей и при печатаніи своихъ трудовъ обращались къ помощи другихъ. Такое положеніе дѣла продолжалось еще и въ нынѣшнемъ столѣтіи; Карамзинъ въ своей запискѣ о древней и новой Россіи (стр. 2259 [4]) говоритъ: «Въ цѣломъ государствѣ едва ли найдешь человѣкъ сто, которые совершенно знаютъ правописаніе». Періодическія изданія уже и въ прошломъ столѣтіи представляютъ большое разнообразіе орѳографіи. Особенною обдуманностью ея отличалась *Всякая Всячина* (1769) Козицкаго,

---

[1]) Тамъ же, 14, 37 и 56.

[2]) *Сумароковъ и современная ему критика.* стр. 221.

[3]) *Опытъ нов. правописанія*, 4.

[4]) По изданію *Русскаго Архива.*

котораго не даромъ хвалилъ Сумароковъ за знаніе языка [1]). Козицкій, по свидѣтельству ученика его, Свѣтова, называющаго его великимъ витіей, также написалъ сочиненіе о русской орѳографіи, оставшееся неизданнымъ [2]). О тогдашнемъ нашемъ правописаніи, Свѣтовъ замѣчаетъ: «Оно подвержено многимъ изъятіямъ, великимъ несогласіямъ, сомнѣніямъ и трудностямъ, такъ что каждый почти писатель или переводчикъ отличенъ чемъ ни будь въ правописаніи отъ другаго» [3]). Къ этому надобно прибавить, что даже въ каждомъ отдѣльномъ періодическомъ изданіи рѣдко соблюдалось однообразное правописаніе. Хотя нѣкоторые изъ этихъ изданій и печатались подъ надзоромъ одного лица (такимъ былъ напр. Козодавлевъ при *Собесѣдникѣ* княгини Дашковой), однакожъ почти во всякой статьѣ замѣтны различія, зависящія конечно отъ особенностей письма авторовъ.

Вотъ нѣсколько обращиковъ орѳографіи *Собесѣдника: совсемъ, ково, отъ нее, знатной* (муж. р.), *младшей* (также), *нравственныя доводы*, и рядомъ съ тѣмъ *какіе лѣса, предмѣтъ, присудствовать, свѣденія, если*, а въ другихъ случаяхъ *естьли, порутчикъ, предмѣтъ, витъ* (вм. вѣдь), *что бы, на конецъ, Эйлеръ, эй* (т. е. э употреблялось, хотя тутъ же встрѣчаемъ *поезія*).

Любопытно, между прочимъ, что въ то время существовало во многихъ случаяхъ двоякое правописаніе, одно для просторѣчія, другое для *штиля* (т. е. высокаго слога): «Кажется, говоритъ Свѣтовъ [4]), что въ высокомъ слогѣ высокія особливо слова лучше кончить на ый, ій, оставивъ окончанія ой, ей просторѣчію и низкому, каковъ Комической, роду сочиненія». Этого правила при-

---

[1]) Не разъ онъ въ этомъ смыслѣ упоминаетъ о Козицкомъ и Мотонисѣ; см. напр. его *Соч*. X, 53.

Вотъ нѣсколько примѣровъ правописанія *Всякой Всячины*: того (не тово), никакого, какій, честный, сомнѣніе (впрочемъ иногда и сумнѣніе), изчезли, если (не естьли); въ нѣкоторыхъ случаяхъ Козицкій конечно писалъ не такъ, какъ пишутъ нынче, напр. по томъ, въ прочемъ (но не протчемъ), рускій, вышшій, истинна. Буквы э и онъ не употреблялъ.

[2]) Вѣроятно, рѣчь идетъ о Козицкомъ въ *Опытѣ нов. правопис.*, стр. 5.

[3]) *Опытъ нов. правоп.*, 7.

[4]) *Опытъ*, 17.

держивался еще и Карамзинъ (см. его *Письма къ Дмитріеву*), употребляя то или другое окончаніе, смотря по предмету, о которомъ онъ говорилъ. По этой же причинѣ, въ «Письмахъ Русскаго Путешеств.» (*Моск. Журналъ*) онъ писалъ *этова*, а другія прилагательныя въ род. пад. муж. р. ед. ч. обыкновенно оканчивалъ на *аго*. Это напоминаетъ, что еще не такъ давно подобныя правила соблюдались иногда и въ произношеніи; такъ въ высокомъ слогѣ не позволялось говорить *Пётръ* вм. *Пэтръ*. «Неопредѣленныя наклоненія, утверждалось такимъ же образомъ, кончить на ти можно въ высокихъ рѣчахъ, и чемъ ближе глаголъ Словенскому свойству подходитъ, тѣмъ сіе окончаніе слуху пріятнѣе становится, напр. *вѣщати*, *глаголати*»[1]. Согласно съ этимъ поступалъ даже и Козицкій во *Всякой Всячинѣ*. Надобно однакожъ замѣтить, что Ломоносовъ съ обыкновеннымъ своимъ филологическимъ тактомъ отвергъ окончаніе ти въ глаголахъ[2]) и что въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, его послѣдователи не воспользовались его примѣромъ. Это окончаніе глаголовъ не встрѣчается и въ *Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* Миллера, хотя названное изданіе, какъ уже было замѣчено, не во всемъ слѣдовало Ломоносову. Вотъ нѣкоторыя черты ороографіи этого замѣчательнаго журнала: *рассужденіе* (по правилу Ломон.), *прямого*, *святаго*, *приятна*, *нужняе*, *притчина*, *протчимъ* (и въ то же время *въ прочемъ*), *въ низъ*, *въ верхъ*, *на статуахъ*, *аудіэнція*, *искусство*, *риѳма*, *эпитафія*. На всѣхъ словахъ однозвучныхъ, но имѣющихъ различное удареніе, даже только въ разныхъ падежахъ, ставились *силы*, напр. *нача́ло*, *стои́тъ*, *пото́мъ*.

Изъ всего сказаннаго видно, что орѳографія наша въ первыя десятилѣтія по смерти Ломоносова далеко не установилась. Нѣкоторыя слова писались просто неправильно; на счетъ другихъ были разныя мнѣнія. Иныя неправильности озабочивали грам-

---

[1]) *Опытъ* Свѣтова, 26.

[2]) См. его *Грамматику*, § 115, гдѣ онъ говоритъ, что буква **и** «отъ окончанія неопредѣленныхъ глаголовъ и отъ втораго лица единст. ч. давно отставлена»

матистовъ, которые однакожъ надѣялись, что онѣ со временемъ исчезнутъ. Такъ Свѣтовъ[1]) жаловался, что у насъ названія мѣсяцевъ искажены (*октябрь* вм. *октоврій*, *ноябрь* вм. *ноемврій*, *февраль* вм. *февруарій*), не замѣчая, что тутъ дѣло идетъ уже не о правописаніи, а о своеобразномъ произношеніи усвоенныхъ языкомъ, по его духу, названій. Поэтому, надежда его на будущее могла исполниться, и дѣйствительно исполнилась только въ отношеніи къ названію *января*, котораго другое написаніе *генварь* ему не нравилось. «Надобно, прибавляетъ онъ, исподоволь и по легоньку вводить въ употребленіе таковыя новости. Можетъ быть, со временемъ испорченныя простымъ и обыкновеннымъ выговоромъ слова не странно будетъ писать по настоящему ихъ произношенію». Въ самомъ дѣлѣ, во многихъ случаяхъ, гдѣ ошибки являлись только въ правописаніи, онѣ впослѣдствіи исчезли, хотя и очень медленно, такъ что напр. слово *генварь* еще и нынче нѣкоторыми, но уже весьма немногими, пишется по старому.

Въ старинныхъ журналахъ нашихъ остались слѣды того, что спорные вопросы ороографіи не всегда обсуживались хладнокровно. Такъ въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* 1787 года [2]), въ «Разсужденіи о стихотворствѣ россійскомъ» читается фраза: «не напрасно проименуются педантами или сими школьными упрямцами, которые за единую Ѳ объявляютъ кровавую брань своему ближнему». По временамъ эти споры вызывали въ періодической литературѣ замѣтки или предложенія перемѣнъ. Въ *Собраніи Новостей* 1775 года, журналѣ, который впрочемъ не щеголялъ орѳографіей, помѣщена довольно обширная статья безъ подписи [3]), присланная, по показанію редакціи, изъ Ярославля, подъ заглавіемъ: «Опытъ о языкѣ во общѣ (sic) и о россійскомъ языкѣ». Она раздѣлена на небольшія главы, изъ которыхъ одна посвящена замѣчаніямъ «о нѣкоторыхъ буквахъ и правописаніи». Какъ вся статья, такъ и эта глава, содержатъ въ себѣ большею частью не-

---

[1]) *Опытъ*, 27.

[2]) Ч. X, апрѣль, 38.

[3]) Октябрь, 58—79.

удачныя, отчасти даже нелѣпыя, но тѣмъ не менѣе любопытныя мысли. Такъ напр. авторъ предлагаетъ: вмѣсто новой буквы э, которую вообще преслѣдовали, писать е съ точкой наверху (ė), и такою же точкой отмѣчать букву о, когда она произносится какъ а; далѣе онъ предлагаетъ вовсе не употреблять буквъ щ, ѣ, ѳ и ѵ, какъ ненужныхъ по его мнѣнію, а вмѣсто ихъ ставить шч, е, ф, и. «Но языкъ нашъ», говоритъ онъ, «имѣетъ нужду въ буквѣ ıо̆, которую надлежитъ употреблять на письмѣ согласно съ произношеніемъ словъ». Въ концѣ статьи авторъ выразилъ весьма дѣльное желаніе, «чтобы въ Россіи, по примѣру другихъ просвѣщенныхъ народовъ, составленъ былъ Словарь, съ опредѣленіемъ точныхъ понятій на каждое слово». Желаніе это около того же времени высказывалось и другими. Незадолго передъ тѣмъ, въ *Собраніи Новостей* [1]) напечатанъ былъ планъ русскаго словаря, задуманный обществомъ «нѣкоторыхъ партикулярныхъ людей, любителей наукъ словесныхъ»: предполагалось составить его съ толкованіями на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, итальянскомъ языкахъ и въ то же время приготовить словари этихъ языковъ съ русскимъ; смѣлые предприниматели намѣревались періодически (черезъ каждые два года) напечатать въ небольшомъ числѣ экземпляровъ три изданія, съ тѣмъ чтобы напередъ вызвать замѣчанія свѣдущихъ людей, и надѣялись окончить все предпріятіе въ 5 или 6 лѣтъ. Разумѣется, что оно такъ и осталось предпріятіемъ [2]). Около того же времени, въ октябрѣ 1779 года, въ

---

[1]) Сентябрь, стр. 115.

[2]) Мы не знаемъ, кто были эти лица, но вотъ нѣкоторое указаніе на нихъ. Въ началѣ 1778 года Фонъ-Визинъ писалъ изъ Монпелье къ Я. И. Булгакову: «A propos! Я вижу, что и лексиконъ нашъ умираетъ при самомъ своемъ рожденіи. Повивальная бабушка, то есть Даниловскій, плохо его принимаетъ. Я считалъ его за половину, а онъ еще около первыхъ литеръ шатается. Увѣдомьте меня искренно, не спала ли у него охота. Я купилъ уже le Grand Vocabulaire. Въ маѣ онъ его вѣрно получитъ; но если молодецъ лѣнится, то пожалуйте, по привозѣ le Grand Vocabulaire, продайте его и деньги ко мнѣ переведите.» (*Соч. Д. И. Фонъ-Визина*, Спб. 1866, стр. 273). Какой-то Даниловскій около 1783 былъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Гагѣ; въ Смирд. *Росписи* значится Іоакимъ Евоим. Даниловскій, который въ 1812 и 1814 г. напечаталъ два учебника, по географіи и по французскому языку.

Академическихъ Извѣстіяхъ (стр. 77) напечатаны «Нѣкоторыя примѣчанія о языкѣ россійскомъ», подписанныя В. С. (т. е. извѣстнымъ уже намъ Вас. Свѣтовымъ). Мечтая также о русскомъ словарѣ и предлагая нѣсколько очень вѣрныхъ замѣчаній (хотя другія конечно отзываются тогдашнимъ младенчествомъ филологіи), онъ въ концѣ статьи говоритъ о Ломоносовѣ: «Онъ же и въ опредѣленіи числа россійскихъ буквъ и въ раздѣленіи ихъ кажется самъ съ собою не былъ согласенъ. Положивъ нужныхъ буквъ токмо 30, выключилъ изъ алфавита Росс. і, щ и ѳ, кои однако самъ вездѣ употреблялъ. Не смотря на одинакой и и і выговоръ, различается одна отъ другой тщательно въ правописаніи Россійскомъ. Букву щ за тѣмъ не внесъ въ число, что она сложена изъ двухъ письменъ шч или сч; но ежели по сему правилу поступать, то надлежало ему выключить также ц и ч, потому что ц сложена изъ тс или дс, ч изъ тш». Къ примѣчаніямъ приложена особая статейка: «Споръ у буквы и съ і». *Ѳита* рѣшаетъ этотъ споръ слѣдующими словами: «Перестаньте и подите по своимъ мѣстамъ: вы оба въ одно время въ Русь пріѣхали изъ Греціи; только ц и другія нѣкоторыя буквы не нашего поколѣнія». Рѣшеніе *ѳиты* получило силу закона, но только собственное ея существованіе и до сихъ поръ не вполнѣ обеспечено.

Нельзя также оставить безъ вниманія орѳографическихъ соображеній Подшивалова, напечатанныхъ послѣ его смерти въ *Трудахъ общества любителей россійской словесности* (Ч. V, 1816), въ статьѣ: «Чтеніе и письмо» (стр. 82). И онъ полагаетъ, что со временемъ изъ русской азбуки изчезнутъ, какъ ненужныя, буквы: ѳ, и, щ, ѣ, э, вмѣсто которыхъ будутъ писать: ф, і, сч, е. Букву й предлагаетъ онъ замѣнить ï, а разные случаи употребленія е означать акцентами ˊ ˋ ˆ. Кромѣ того, онъ считаетъ возможнымъ обойтись безъ ъ и ь, вмѣсто которыхъ можно бы ставить черточки (—) или знакъ апострофа ('), или *ерокъ*. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, азбука наша можетъ быть сокращена до 27-ми или, много, 28-ми буквъ.

Гоненія на букву ъ начались очень рано. Еще Тредіаковскій

въ своемъ «Разговорѣ» упоминаетъ о «нѣкоторыхъ особахъ», которыя хотѣли замѣнить ее надстрочнымъ знакомъ[1]). Болѣе рѣшительныя покушенія противъ ера являются въ печати подъ конецъ прошлаго столѣтія. По распоряженію директора Академіи наукъ Домашнева, въ нѣсколькихъ книжкахъ *Академическихъ Извѣстій* за 1781 годъ печатался безъ этой буквы отдѣлъ: «Показанія новѣйших трудов разных Академій». Есть свѣдѣніе, что профессоръ Московскаго университета Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ, въ своемъ латинскомъ разсужденіи De brachygraphia, предлагалъ выключить ъ изъ русской азбуки и употреблять на письмѣ, кромѣ того, разныя сокращенія; было ли это сочиненіе напечатано, намъ неизвѣстно; оно не отыскалось ни въ петербургской Публичной библіотекѣ, ни въ библіотекѣ Московскаго университета[2]). Но что Барсовъ дѣйствительно желалъ, въ концѣ словъ, обходиться безъ ера, на это есть другія доказательства: въ *Краткихъ правилахъ Россійской грамматики*, учебникѣ, составленномъ имъ для гимназій и изданномъ въ первый разъ въ 1771 году, а потомъ часто перепечатывавшемся, находимъ слѣдующее замѣчаніе: «ъ значитъ только природное, т. е. дебелое окончаніе согласныхъ и употребляется при нихъ только въ концѣ реченій; хотя оныя буквы тутъ и безъ него не иначе бы выговорены были какъ и въ срединѣ безъ него жъ выговариваются. Напр. въ словѣ *Антонъ* послѣдній складъ *тонъ* не иначе выговаривается какъ и первой

---

[1]) *Разговоръ*, стр. 222. Тутъ надо, вѣроятно, разумѣть главнымъ образомъ Адодурова, который «считается однимъ изъ первыхъ русскихъ писателей, хотѣвшихъ изгнать изъ русскаго алфавита букву ъ» (Пекар. *Истор. Ак. Наукъ*, I, 506). Самъ Тредіаковскій находилъ, что мы могли бы обойтись безъ *ера*, и усердно доказывалъ, что ъ и ь не буквы, а только знаки извѣстнаго произношенія, въ чемъ онъ и правъ; но дѣло не въ названіи.

[2]) Евгеній въ своемъ Словарѣ, относя это разсужденіе къ 1790 году, говоритъ, что здѣсь Барсовъ совѣтовалъ также «писать многія русскія слова сокращенно, а нѣкоторыя только одною, двумя или тремя начальными буквами, а особливо имена собственныя и часто повторяемыя существительныя и даже прилагательныя». По біографическому Словарю профессоровъ Моск. университета, эта диссертація была произнесена въ 1768 году. Приношу Н. С. Тихонравову искреннюю мою признательность за его стараніе, хотя и не увѣнчавшееся успѣхомъ, отыскать, по моей просьбѣ, сочиненіе De brachygraphia.

Ан, слѣдовательно можнобъ оное слово такъ и писать всегда *Антон*, а потому и всѣ другія согласными буквами оканчивающіяся такимъ же образомъ, какъ во всѣхъ другихъ извѣстныхъ языкахъ, изъ которыхъ ни въ одномъ сего знака нѣтъ, хотя всякой изъ нихъ безчисленное множество словъ на согласныя кончащихся имѣетъ; итакъ онъ въ семъ разсужденіи почти совсѣмъ излишній. Напротивъ того почитается надобнымъ, для отдѣленія согласной, принадлежащей къ первой части сложнаго реченія, отъ гласной, которая принадлежитъ ко второй части онаго, наприм. *объявляю*, *подъемлю*, *изъятіе* и проч., дабы не читать *обявляю*, *подемлю, изятіе*». Точно такъ же Барсовъ въ грамматикѣ своей признаетъ излишними двѣ греческія буквы ѵ и ѳ. О послѣдней онъ отзывается очень категорически: «какъ точное греческое оной буквы произношеніе большей части изъ Россіанъ неизвѣстно и трудно и она у насъ въ выговорѣ никакой не имѣетъ разности отъ ф, то можно вмѣсто ея вездѣ ф писать» [1]). Полнымъ образцикомъ правописанія, какого желалъ Барсовъ, можетъ служить отрывокъ изъ оставшихся послѣ него рукописей, напечатанный Карамзинымъ, съ сохраненіемъ ороографіи подлинника, въ *Московскомъ Журналѣ* 1792 года [2]), подъ заглавіемъ: «Сводъ бытій россійскихъ». Вотъ нѣсколько строкъ оттуда: Словар Географіческії мѣст, с проісшествіями в них случівшімися, із коіх многіе частные словарі в том же отношеніі извлечены быт могут, на прім. Юрідіческії, ученыї, военныї, Історіі Естественноїі проч. всеж то с пріобщеніем разных спісков собрано імрек такимто, і нѣкоторым новым, сокращеннѣїшім протів обыкновеннаго образом і способом напечатано»...

Мысль объ изъятіи изъ нашего письма буквы ъ, вполнѣ или только въ концѣ словъ, не только повторялась многими, но и осуществлялась по временамъ въ печати, какъ въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи. О новѣйшихъ врагахъ этой буквы упомяну ниже, а здѣсь укажу, кромѣ названныхъ уже Доманнева и

---

1) *Краткія правила Росс. грамм* М. 1782, стр. 84—86.

2) Часть VII, стр. 344—347.

Барсова, еще на Чеботарева, Шлецера, Н. Ѳ. Эмина, Лабзина, Языкова и Измайлова, не говоря о другихъ менѣе извѣстныхъ. Здѣсь же кстати привести заглавія книгъ, въ былое время напечатанныхъ безъ ъ: 1) Ода на заключеніе мира съ Готѳами. Н. Эмина. Спб. 1730[1]); 2) Кровопролитная война у Архипыча с'Еремѣевной. Соч. Михаила Бранкевича, М. 1810. (По словамъ г. Геннади, это сатирическая бесѣда, вызванная войною съ Турками). 3) Дух Эккартсгаузена, М. 1810[2]); 4) Сравненія, замѣчанія и мечтанія, писанные в' 1804 году во время путешествія одним Руским. Перевод с Нѣмецкаго (соч. Д. Языкова). Спб. 1808.

Что касается Чеботарева и Шлецера, то ихъ нерасположеніе къ буквѣ ъ видно изъ письма послѣдняго къ профессору Московскаго университета Гейму. Въ этомъ письмѣ (1804 г.) Шлецеръ, говоря объ учрежденіи ученаго общества для критическаго изданія русскихъ лѣтописей, замѣчаетъ, что свѣдѣніе о томъ сообщилъ ему «г. Чеботарев, который терпѣть не может ъ, и я также», прибавляетъ знаменитый историкъ[3]).

О враждѣ извѣстнаго мистика А. Ѳ. Лабзина къ буквѣ ъ мы знаемъ по преданію, которое подтверждается слѣдующими словами изъ записокъ В. И. Панаева: «Въ бумагахъ покойнаго отца моего нашлось множество писемъ Лабзина подъ псевдонимомъ *Безъеровъ*, вѣроятно потому что онъ нигдѣ *еровъ* не ставилъ»[4]). Мы знаемъ, что Лабзинъ напечаталъ нѣсколько переводовъ изъ

---

[1]) Къ этой-то одѣ, какъ теперь несомнѣнно, относится двустишіе Державина:

«Прекрасно написалъ ты оду безъ еровъ;
Но лучше бы еще, когда бъ совсѣмъ безъ словъ». (Соч. Держ. III, 199).

[2]) Заимствую эти указанія изъ двухъ статей, за подписью *Григорія Книжника* напечатанныхъ: въ *Моск. Вѣд.* 1856, № 92, и зъ *Книжномъ Вѣстникѣ* 1862, № 11. Въ числѣ противниковъ *ера* г. Геннади называетъ также извѣстнаго Сковороду; по справкамъ, обязательно доставленнымъ мнѣ А. Ѳ. Бычковымъ, большая часть рукописей Сковороды оказывается съ *еромъ*; однакожъ у И. И. Срезневскаго нашлось нѣсколько собственноручныхъ писемъ малороссійскаго философа (1786—1788 г.), гдѣ онъ не употреблялъ ни **ъ**, ни **ь**.

[3]) «Hr. Чеботарев (der kein ъ leiden kan, ich auch nicht)»... см. *Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей.* Ч. IV, кн. 1, М. 1828.

[4]) *Вѣст. Евр.* 1867, IV, стр. 248, въ *Воспоминаніяхъ* Панаева.

Эккарстгаузена. Соображая то и другое свѣдѣніе, можно догадываться, что названное выше подъ цифрою 3 изданіе «Духъ Эккартсгаузена» находится въ связи со взглядами Лабзина, хотя переводъ этой книги и принадлежитъ М. Бранкевичу, какъ видно изъ его подписи подъ посвященіемъ И. В. Лопухину. Біографъ Лабзина г. Безсоновъ, жалуясь на трудность перечислить всѣ его сочиненія и переводы, свидѣтельствуетъ, что есть такія изданія, которыя напечатаны безъ его имени, но составлены подъ его руководствомъ[1]).

Въ исторіи нашего *ера* случайно является также одно изъ знаменитѣйшихъ именъ европейской науки, впрочемъ опять на сторонѣ противниковъ этой буквы. Находясь въ Петербургѣ въ 1830 году, Александръ Гумбольдтъ, на вечерѣ у извѣстнаго А. Н. Оленина[2]), выразилъ свое мнѣніе о совершенномъ излишествѣ *ера* въ нашей азбукѣ. На другое утро онъ получилъ написанное изящнымъ французскимъ языкомъ письмо за подписью: «la lettre ъ», въ которомъ кто-то съ жаромъ вступился за права этой буквы, основанныя не только на древности ея, но и на ея значеніи, особливо въ серединѣ словъ. Авторомъ письма, за котораго Гумбольдтъ сперва принялъ-было Д. Н. Блудова, оказался потомъ Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій, печатавшій свои сочиненія подъ псевдонимомъ Антонія Погорельскаго[3]).

Эпоху въ успѣхахъ русскаго правописанія составило появленіе въ 1791 году *Московскаго Журнала*. Всегдашнюю свою заботу о чистотѣ и правильности языка Карамзинъ распространялъ и на ороографію: отдавалъ себѣ строгій отчетъ въ употребленіи не только каждаго слова, но и каждой буквы, не устраняя изъ своего письма ни одной. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ однакожъ пи-

---

[1]) *Р. Архивъ* 1866, стр. 825.

[2]) Слышано отъ графа Ѳ. П. Литке, бывшаго также на этомъ вечерѣ.

[3]) Сколько мнѣ извѣстно, это письмо и отвѣтъ Гумбольдта были напечатаны четыре раза: 1) въ *Литер. Газетѣ* барона Дельвига, 1830, № 22; 2) въ *Маякѣ* 1842, кн. VIII; 3) въ сочиненіяхъ Погорельскаго, изд. 1853, т. II, и 4) въ *Русскомъ Архивѣ* 1865, стр. 1128—1138.

салъ не такъ, какъ мы теперь пишемъ и какъ самъ онъ писалъ впослѣдствіи: такъ въ *Моск. Журн.* мы читаемъ: *растьніе, щастіе, не чего, по томъ, поселенцовъ, Руской народъ, яицы, этова* (какъ слово просторѣчія), *естьли, сверьхъ, яишница, молошный, порутчикъ, серебреной, ширь, ни кто, лѣсница, ни чьмъ, прилѣжность, почтилліонъ.* Но онъ уже писалъ *истина, свѣтѣніе, лучше* (не *лутче*), *плечо, искусство, лекарь, лечить, завтрашній, причина, письмо, страдальцевъ, эѳиръ, вѣдь, прочее, наѣзки, ввечеру, пѣвцомъ, лицомъ* и проч.

Постепенно Карамзинъ видоизмѣнялъ нѣкоторыя частности своего правописанія. Такъ въ *Моск. Журналѣ* онъ писалъ сперва *почтилліонъ*, позднѣе же *почтильйонъ*, способъ написанія, который въ 1840-хъ годахъ былъ принятъ *Отеч. Записками*, а въ 60-хъ *Московскими Вѣдомостями* для словъ подобнаго рода (*батальйонъ*). Букву й употреблялъ онъ не только въ этомъ случаѣ, но иногда и въ началѣ иностранныхъ словъ, напр. въ имени *Йокке* (*Ист. Гос. Росс.* т. IV, стр. 161). Не любя надстрочныхъ знаковъ, не отмѣчая напр. ударенія, онъ однакожъ ввелъ *двоеточіе* надъ буквою е въ тѣхъ случаяхъ, когда прежде писали іо. Въ одной изъ книжекъ *Аонидъ* въ первый разъ написано такъ, въ концѣ стиха, слово *слёзы* и въ выноскѣ замѣчено: «Буква ё съ двумя точками замѣняетъ іо» [1]. Въ сложныхъ реченіяхъ, составленныхъ изъ двухъ отдѣльныхъ словъ, онъ въ концѣ перваго (муж. рода) иногда не писалъ ера. Такъ въ «Похвальномъ словѣ Екатеринѣ II» написано: «*Ангальт-Цербстскаго Дома*»[2]). Слово *если* писалъ онъ долго со вставкою буквъ ть, и только въ послѣдніе годы сталъ писать его такъ, какъ оно теперь пишется и какъ иногда писалось уже въ весьма давнее время. (Такъ эта ороографія встрѣчается уже, по крайней мѣрѣ разъ, въ *Духовномъ Регламентѣ*, напечатанномъ гражданскимъ шрифтомъ). Вообще же отличительную черту ороографіи Карамзина составляетъ обиліе большихъ буквъ, которыми у него начинаются не только всѣ иностранныя существи-

[1]) *Аониды*, кн. 2-ая (1797), стр. 176: «Опытная Соломонова мудрость».
[2]) *Соч. Карамзина*, т. VIII, 6. М. 1804.

тельныя имена (не говоря уже о собственныхъ, сущ. и прилаг.), но и многія свои, которымъ приписывалось особое значеніе. Такъ напр. онъ пишетъ всегда, не измѣняя этой привычкѣ до конца жизни: *Авторъ*, *Литтература*, *Герой*, *Поэтъ*, *Лѣтописецъ*, *Вѣра* (даже *Магометова*), *Судьба*, *Правительство*, *Природа*, *Держава*, *Члены* (о лицахъ), *Науки*, *Искусства* и проч. Это дѣлалось и другими на основаніи правила, что большою буквою означаются имена *почтенныя* [1]) и что взятыя съ иностранныхъ языковъ слова отличаются отъ «природныхъ россійскихъ прописною начальною буквою». Свѣтовъ сознавался, что на это нѣтъ достаточныхъ причинъ; но прибавлялъ, что такъ какъ большая часть писателей такъ поступаетъ, «то должно непремѣнно въ томъ всѣмъ согласиться и принять за правило, почитая за безполезное спорить о такихъ мѣлочахъ» [2]). Здѣсь не мѣсто говорить объ особенностяхъ Карамзинскаго языка; упомяну однакожъ объ одной, по связи ея съ орѳографіею. Карамзинъ не признавалъ глагольной формы *рѣшать*, которой нѣтъ во всѣхъ одиннадцати томахъ его Исторіи, и употреблялъ только форму *рѣшить*, считая ее несовершеннымъ видомъ. Того же мнѣнія былъ и Пушкинъ, который, въ особенной замѣткѣ, указывая на первую форму, какъ на ошибочную, хотя и многими употребляемую, заключаетъ: «Рѣшу спрягается какъ грѣшу» [3]). Очевидно, что разсуждать такъ значитъ налагать на языкъ произвольныя грамматическія оковы.

Впрочемъ Пушкина никакъ нельзя вообще упрекать въ подобномъ направленіи. Но, въ рукахъ нѣкоторыхъ другихъ, теоретическая разработка русскаго языка въ началѣ нынѣшняго столѣтія приняла этотъ характеръ. Такою явилась она уже въ первомъ изданіи академической грамматики (1802), вызвавшемъ извѣстную статью Карамзина въ *Вѣстникѣ Европы*: «Великій мужъ русской грамматики». Въ трудѣ Росс. Академіи, въ которомъ главное участіе принадлежало П. И. Соколову, первая часть по-

---

[1]) Правило, принятое уже Ломоносовымъ; см. его *Грамматику*, § 129.

[2]) *Опытъ новаго росс. правописанія*. Спб. 1787, стр. 16.

[3]) *Соч. Пушк.* (изд. Анн.), т. V, стр. 43.

священа правописанію; но она въ этомъ отношеніи очень неудачно поправляетъ Ломоносова, наприм. буквы и и ы причисляетъ къ *сложнымъ* гласнымъ по той причинѣ, что «онѣ состоятъ изъ двухъ письменъ», а ъ и ь называетъ *средними* [1]) буквами; когда е произносится какъ ю̂, она совѣтуетъ удерживать въ правописаніи лучше букву е, исключая *синіо*, *Маіоръ*, *Маіорскій*; о Карамзинскомъ начертаніи ё нѣтъ и помину. Въ главѣ объ «особенныхъ правилахъ правописанія» пропущены многіе случаи, на которые уже было обращено вниманіе Ломоносовымъ, Свѣтовымъ и Сумароковымъ, а вмѣсто того введены нѣкоторыя либо несостоятельныя, либо мелочныя правила; между прочимъ предлагается въ словахъ *щетъ*, *пещаный* и т. п. удерживать предпочтительно букву щ.

Въ 1808 году Ив. Март. Борнъ, учитель русскаго языка въ нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра, издалъ *Краткое руководство къ россійской словесности*, книгу, для насъ любопытную особенно тѣмъ, что въ ней напечатаны первыя грамматическія замѣтки Востокова, присоединенныя мѣстами къ тексту издателя, въ видѣ особыхъ примѣчаній, съ подписью *Остенекъ-Востоковъ*. Онъ является тутъ критикомъ Россійской Академіи и послѣдователемъ Карамзина. Въ главѣ «о правописаніи и словопроизношеніи» разъяснены съ особенною внимательностью случаи, когда буква е произносится какъ ю̂, и замѣчательно, что кромѣ этого послѣдняго начертанія принята въ многочисленныхъ примѣрахъ уже и буква ё (*берёза*, *дешёвой*, *жёлудь* и проч. [2]). Примѣчаніе оканчивается слѣдующими знаменательными словами: «Ломоносовъ въ грамматикѣ своей хотя не попалъ еще на настоящую точку, съ которой удалось мнѣ сію грамматическую мѣлочь разсматривать, однако сказалъ объ ней удовлетворительнѣе, нежели Академія, и по край-

---

[1]) Въ названіи этихъ буквъ долго не могли согласиться грамматисты. Французъ Модрю (Maudru), 1808 г., называетъ ъ *слюнобезгласною*!

[2]) Впослѣдствіи Востоковъ говорилъ: «Для изображенія звука ю̂, слышимаго въ просторѣчіи вмѣсто е, введено начертаніе ё; но употребленіе сего начертанія нѣкоторыми не одобряется, будучи признаваемо излишнимъ тамъ, гдѣ можно писать е» (*Русск. Грамматика*, Спб. 1839, стр. 253).

ней мѣрѣ не пренебрегъ войти въ нѣкоторую подробность о бездѣлицѣ, ежели можно назвать бездѣлицею вниманіе къ механизму языка, неизслѣдованнаго и необработаннаго — вниманіе, которое должно вести къ отысканію многихъ важнѣйшихъ сего правилъ, донынѣ еще подъ Изидинымъ покровомъ таящихся. (Смотри Карамзина: *Великой мужъ Росс. Грамматики*)» [1]). Такъ же любопытны, хотя и не со всѣми ими можно согласиться, тогдашнія замѣтки Востокова о буквахъ ѣ, ъ, ь; особенно справедливо то, что́ онъ говоритъ о буквѣ ъ, которую считаетъ излишнею: «..пишется она только въ окончаніи словъ, а слышна бываетъ вездѣ, и въ началѣ и въ серединѣ словъ, напр. лъошадь, желъаю, полъка, нъашъ, гнъу, приманъка, съало, масъло, невѣсъта. Ежели она во всѣхъ сихъ случаяхъ не пишется, а подразумѣвается, то можетъ и въ окончаніи подразумѣваться, тамъ гдѣ не будетъ стоять ь: но и сію букву весьма бы можно замѣнить апострофомъ или какимъ другимъ знакомъ». Кстати замѣтимъ, что послѣ буквъ ж, ч, ш, щ, въ концѣ именъ муж. р., Востоковъ ставилъ ъ, отличаясь тѣмъ отъ Карамзина, который писалъ *мечь*, *лучь*, но послѣ остальныхъ шипящихъ также писалъ ъ. Относительно прописныхъ буквъ Востоковъ держался правила, что онѣ пишутся, между прочимъ, въ началѣ названій «важныхъ государственныхъ мѣстъ и чиновъ». Впослѣдствіи онъ видоизмѣнилъ это правило, сказавъ, что изъ нарицательныхъ именъ прописною буквою пишутся: «титла, чины и должности лицъ разнаго званія, выключая самыя низшія степени, какъ-то: *солдатъ*, *матросъ*, *дьячекъ*, *пономарь*», также: «имена Правительствъ и мѣстъ Судебныхъ, Обществъ и сословій; напр.: *Государство*, *Правительство*, *Сенатъ*, *Департаментъ*, *Дворянство*, *Купечество* и пр.» [2]).

Въ 1811 году на грамматическое поприще выступаетъ Гречъ, и вскорѣ русское правописаніе надолго подчиняется его вліянію.

---

[1]) *Кр. руковод. къ росс. словесн.*, стр. 6. Замѣтимъ, что заглавіе статьи Карамзина приведено Востоковымъ не совсѣмъ вѣрно: у Карамзина (1802 г.) грамматика уже названа *Рускою*.

[2]) *Русск. Грамматика*, Спб. 1839, стр. 373.

Первымъ трудомъ его по теоріи языка была брошюра *Опытъ о русскихъ спряженіяхъ* [1]). Но еще важнѣе было начатое имъ въ слѣдующемъ году изданіе *Сына Отечества.* Здѣсь, какъ и во всѣхъ дальнѣйшихъ своихъ изданіяхъ, Гречъ, въ отношеніи къ языку вообще и къ правописанію въ особенности, является строгимъ послѣдователемъ Карамзина. Вся его грамматика была впослѣдствіи построена на сочиненіяхъ знаменитаго исторіографа. Нисколько не уменьшая услугъ, оказанныхъ Гречемъ русскому языку, особенно въ педагогической сферѣ, нельзя однакожъ не замѣтить, что онъ обращался съ нимъ такъ же, какъ Готшедъ съ языкомъ нѣмецкимъ. Господствующимъ направленіемъ Греча было не изслѣдованіе законовъ языка, для чего необходимо справляться и съ исторіею его, и съ народною, вообще съ живою рѣчью, а установленіе *правилъ* по избраннымъ литературнымъ образцамъ. Когда же образцы не давали отвѣта, или когда между ними замѣчалось разногласіе, — придумывались правила чисто-условныя,

[1]) *«Съ таблицею»*.(Спб. 1811). Въ началѣ эпиграфъ изъ Гёте. Въ маленькомъ предисловіи авторъ сознается, что основная мысль брошюры (раздѣленіе глаголовъ по значенію,—по объему дѣйствія,—на простые, однократные, учащательные и сложные) принадлежитъ Борну, его другу и предмѣстнику въ нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра. Общество любителей словесности, наукъ и художествъ, въ которомъ этотъ опытъ былъ читанъ, поручило Востокову разсмотрѣть рукопись, и его отзывъ, вполнѣ одобрительный, напечатанъ въ концѣ книжки. Слѣдующій грамматическій трудъ Греча былъ напечатанъ въ 1823 г. въ числѣ 50-ти экземпляровъ подъ заглавіемъ: *Корректурные листы Русской Грамматики*, тетрадь 1, въ 4 д. л., съ большими полями для замѣчаній. Въ предисловіи объяснено, что Общество любителей словесности предложило автору «привести въ порядокъ и издать собранныя имъ въ теченіе многихъ лѣтъ правила русской грамматики». Въ концѣ предисловія сказано: «Почтенный писатель нашъ В. А. Жуковскій сообщилъ мнѣ рукописныя свои замѣчанія о Р. Грам., изъ коихъ я заимствовалъ много новаго и полезнаго». (Жуковскій преподавалъ тогда русскій языкъ великой княгинѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ). Въ 1827 г. напечатаны: *Практич. русская грамматика*, и *Пространная р. гр.*, Греча; въ 1828 *Начальныя правила р. гр.*, и съ тѣхъ поръ тѣ же труды являлись въ разныхъ видахъ и подъ разными заглавіями.—Грамматическіе труды Востокова напечатаны были отдѣльно въ первый разъ въ 1831 году подъ заглавіями: *Русская Грамматика* и *Сокращенная р. грам. для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ* (по порученію Комитета для разсмотрѣнія учебныхъ пособій). Каждая изъ нихъ, особенно послѣдняя, перепечатывалась потомъ нѣсколько разъ. Въ началѣ Востоковъ заявилъ, какъ много онъ обязанъ труду чеха Пухмайера.

основанныя на механической правильности построенія фразы, или на внѣшнихъ соображеніяхъ. Свобода, разнообразіе, прихотливость языка, иногда видимыя отступленія отъ правилъ, не принимались въ разсчетъ, или служили поводомъ къ *исключеніямъ*. Положимъ напр., что вы употребили выраженіе: «можно бы подумать» или написали: «всклокоченные волосы». Нѣтъ, восклицалъ Гречъ: надобно сказать: «можно было бы подумать»[1]), — «всклоченные волосы», не обращая вниманія на то, что вся Русь говоритъ иначе. Такъ и по орѳографіи говорилось: «пишите *лекарь*» (какъ писалъ Карамзинъ): это слово происходитъ отъ глагола *лечить*; пишите *близъ* (нарѣчіе) для отличія отъ существительнаго *близь*; пишите *наизустъ*, а не *наизусть*, потому что предлогъ *изъ* требуетъ родительнаго падежа: *устъ*. Но авторитетъ Греча, проповѣдывавшаго эти произвольныя правила въ многочисленныхъ изданіяхъ своей грамматики и проводившаго ихъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Булгаринымъ, въ журналахъ, въ *Сѣверной Пчелѣ* и въ отдѣльныхъ книгахъ, былъ такъ великъ, что правила этого рода сдѣлались господствующими и держались почти неизмѣнно лѣтъ двадцать, то есть до середины 1830-хъ годовъ. Разумѣется, впрочемъ, что въ первое время существованія *Сына Отечества* встрѣчаются въ немъ начертанія словъ, позднѣе оставленныя самимъ издателемъ. Такъ въ 1812 году онъ еще писалъ, напр:, *естьли*, *щастіе*, *порутчикъ*, *Руские*, *угнѣтенный*, т. е. писалъ такъ, какъ Карамзинъ до появленія *Исторіи Государства Россійскаго*.

Нѣкоторыя отступленія отъ Карамзинской орѳографіи становятся особенно замѣтными сперва въ *Вѣстникѣ Европы* Каченовскаго, а потомъ въ *Библіотекѣ для Чтенія* Сенковскаго. Каченовскій (см. *В. Е.* 1830) не отдѣлялъ напр. частицы *не* отъ глаголовъ (*неслѣдуетъ*), любилъ ударенія (*ка́къ*, *та́къ*, *ни́же*, *нахо́дите*), не употреблялъ ни э (*ето*, *Поезія*), ни ё (*Гете*), писалъ *идти* (не *итти*), *искуство*, *другій*, *вразсужденіи* (хотя онъ же

[1]) На томъ будто бы основаніи, что глаголъ *быть* можетъ подразумѣваться только въ настоящемъ времени.

писалъ *не уже ли*); но особенно оригинально его правописаніе въ греческихъ словахъ, въ которыхъ онъ для звука и писалъ то *і*, то *ѵ*, напр. *Иліада*, *Іѳика*, *Ахиллесъ*, *Ѳерсітъ*, *Політіка; Улѵссъ*, *Смѵрна*, *сѵстема*. Отступленія *Библіотеки для Чтенія*, которая начала издаваться съ 1834 года, заключаются главнымъ образомъ въ менѣе частомъ употребленіи прописныхъ буквъ и въ стремленіи обозначать черточками (единитными знаками, какъ называли ихъ въ старину) совокупленіе двухъ или нѣсколькихъ словъ въ нарѣчіе (locution adverbiale); такъ здѣсь пишутся слова: *можетъ-быть* (иногда безъ запятой), *по-крайней-мѣрѣ*, *по-счастію*, *во-первыхъ*, *по-видимому*, *между-тѣмъ*, *едва-ли; несмотря* пишется слитно; тутъ же мы находимъ *смѣшонъ* и рядомъ съ этимъ ороографію *лице*.

Еще далѣе въ подобныхъ, для того времени новыхъ начертаніяхъ пошли *Отечественныя Записки*, основанныя въ 1839 году А. А. Краевскимъ. Здѣсь прилагательныя *собственныя имена* начинаются уже во многихъ случаяхъ маленькою буквой (*русскій*, *нѣмецкій*); однакожъ имена народовъ (*Русскіе*, *Шведы*) и учрежденій (напр. *Дворянское Уѣздное Училище*) пишутся еще по прежнему съ прописною буквой; послѣ ж, ч, ш, щ иногда является о (*бичомъ*), въ предлогахъ воз, из, раз сохраняется передъ всѣми буквами з (*разкрыть*, *изтреблять*); слова *чтó*, *нéчего*, *кáкъ*, въ извѣстныхъ случаяхъ, отмѣчаются удареніемъ; но особенно выдаются черточки для соединенія словъ одного и того же реченія, напр: *въ-самомъ-дѣлѣ*, *въ-слѣдствіе*, *въ-послѣдствіи*, *потому-что*, *для-того*, *въ-теченіе*, *должно-быть*, *какъ-можно-строже*. Мало по малу многія изъ такихъ словъ стали писаться даже слитно, напр. *вслѣдствіе*, чтó сначала возбуждало общее вниманіе и толки, особенно когда увидѣли написанныя такимъ же образомъ слова *ксожалѣнію*, *ксчастію*. Съ этими двумя послѣдними начертаніями, такъ же какъ и съ прилагательною формой *петербуржскій*, которою отличались *Отеч. Записки*, публика никакъ не могла примириться, и редакція, если не ошибаемся, принуждена была наконецъ отказаться отъ нихъ. Менѣе противодѣйствія нашло введен-

ное ею опущеніе ера въ сложныхъ словахъ подобныхъ слѣдующимъ: *генерал-адъютантъ*, *пол-листа*; однакожъ и эта орѳографія мало распространилась.

Съ этихъ поръ нарушено было то довольно общее однообразіе правописанія, которое установилось-было по образцу Карамзинскаго, и началась пестрота его въ подобныхъ приведеннымъ случаяхъ. Болѣе и болѣе стала обнаруживаться наклонность не употреблять прописныхъ буквъ, писать слитно слова, прежде писавшіяся отдѣльно, и сближать письмо съ говоромъ, особенно употребленіемъ о вмѣсто е (ё) послѣ ж, ч, ш, щ, что́ теперь, по примѣру *Голоса*, принято и нѣсколькими другими изданіями.

Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ частнымъ попыткамъ измѣнить въ томъ или другомъ отношеніи наше правописаніе. Эти попытки касались то самой азбуки нашей, то различныхъ способовъ передавать звуки существующими у насъ буквами. Такъ какъ то и другое часто соединяется въ предположеніяхъ одного и того же лица, то мы и будемъ разсматривать вмѣстѣ оба рода нововведеній.

Въ 1828 году нѣкто (по показанію г. Геннади, умершій 1835 П. І. Яковлевъ[1]) издалъ въ Москвѣ книжку: *Рукопись покойнаго К. А. Хабарова*, авторъ которой выдаетъ себя за отставнаго корректора и разсказываетъ, что тотчасъ по окончаніи своего ученія въ школѣ, онъ опредѣлился въ типографію. «Сталъ набирать, печатать, читать корректуру — разсказываетъ онъ въ своей автобіографіи — и въ годъ выучился всему типографскому дѣлу. Работа трудная — за то здоровая. Всѣмъ, потерявшимъ аппетитъ, всѣмъ разслабленнымъ отъ удовольствій, я бы совѣтовалъ только одинъ мѣсяцъ поработать въ типографіи въ должности тередорщика[2]). Увѣренъ, что они выздоровѣютъ совершенно». По увѣренію автора, онъ цѣлые 22 года постоянно занимался при разныхъ типографіяхъ, а потомъ, наскучивъ этимъ дѣломъ, завелъ книжную торговлю. Онъ убѣдился, что русская азбука,

---

[1]) См. *Книж. Вѣстн.* 1862 № 11: «Библіографич. справки по предполагаемому изгнанію изъ азбуки буквы ъ» Григорія Книжника.

[2]) Это слово, значащее печатникъ, взято съ итальянскаго tiratore. *Я. Г.*

форма литеръ требуютъ большихъ преобразованій. «Всякій разъ, набирая какую-нибудь книгу, продолжаетъ онъ, я думалъ о улучшеніи литеръ азбуки: вмѣсто отдыха, послѣ работы, чертилъ формы буквъ или задумывался надъ безтолковой азбукой нашей! Сдѣлавшись книгопродавцемъ и имѣя много свободнаго времени, я сталъ записывать свои мысли и предположенія о литерахъ и азбукѣ — вышло небольшое сочиненіе, которое и назначаю издать въ свѣтъ черезъ 25 лѣтъ послѣ моей смерти». Онъ умеръ будто бы въ 1803 году, и рукопись издана кочующимъ книгопродавцемъ Евгеніемъ Третейскимъ. Сочиненіе это напечатано въ той же книжкѣ подъ особымъ заглавіемъ: «Усовершенствованная руская азбука или средства облегчить изученіе оной и способъ сократить число рускихъ буквъ, поясненные примѣрами. Бутырки, 1800 г. января 5 дня». Въ маленькомъ предисловіи мнимый Хабаровъ утверждаетъ, что мысль о возможности улучшенія русской азбуки представилась ему, когда онъ сталъ набирать съ рукописи профессора Барсова, въ которой не было буквъ ъ и и и которая была, какъ видѣли выше, напечатана въ *Московскомъ журналѣ*.

Улучшенія Хабарова состоятъ въ томъ, что онъ предлагаетъ: 1) исключить изъ русской азбуки буквы: і, щ, ъ, ь, ѣ, э, ѳ, ѵ, такъ что вмѣсто 35-ти останется только 27 буквъ. По мнѣнію его, въ азбукѣ нашей недостаетъ двухъ буквъ ю̂ и й, но ихъ не нужно вводить туда: ô занѣнитъ ю̂, а знакъ ˘ надъ а, е, и, о, у, ы, ю, я замѣнитъ й. Вмѣсто і Хабаровъ совѣтуетъ употреблять вездѣ и, вм. щ — сч или шч, вм. ъ кавычку или черточку, вм. ь надстрочный знакъ ^, а вм. ѣ ставить е.—«Ѣ, говоритъ онъ, буква безполезная, но которая, какъ пронырливый лицемѣръ или хлопотливый бездѣльникъ, сдѣлалась не только нужною, но необходимою, полезною, — она одна можетъ дать вамъ патентъ на званіе граматнаго и ученаго человѣка — только узнайте напередъ гдѣ ее употреблять... а етаго-то... никто не знаетъ! Ѣ совершенный лицемѣръ... Одни говорятъ, пишите Ѣ во всѣхъ тѣхъ словахъ, въ которыхъ Малороссіяне произносятъ И! Покорнѣйше благода-

римъ! слѣдовательно чтобъ писать по русски надобно ѣхать въ Малороссію или имѣть у себѣ ручнаго Малороссіянина для справокъ?... Другіе, Богъ знаетъ съ чего рѣшительно вопіютъ: пишите ѣ въ словахъ: *гнѣздо*, *блѣдный*, *свѣтъ*, *мѣсяцъ*. *Но почему? зачѣмъ?* Развѣ меня не поймутъ, если я напишу: *гнездо*, *бледный* и проч. Развѣ смыслъ слова измѣнится отъ моей антипатіи къ езуитской буквѣ ѣ? Никакія усилія учености не могутъ доказать, что для насъ, имѣющихъ уже букву Е, нужно еще Ѣ... Одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ есть: такъ писали — такъ пишутъ всѣ граматные — но будто его доказательство?»

Мы видимъ, что Хабаровъ противъ буквъ ѣ употребляетъ совершенно тѣ же доводы, къ которымъ и въ наше время не разъ обращались, чтобы доказать ея излишество. Таковы же и аргументы его противъ другихъ осуждаемыхъ имъ на изгнаніе буквъ. Относительно *ѳиты* онъ справедливо замѣчаетъ: «Чему намъ учиться прежде: русской грамотѣ, или греческому, латинскому, французскому и татарскому языкамъ?».—Чтобы дать наглядное понятіе о правописаніи Хабарова, выпишемъ одинъ изъ предлагаемыхъ имъ самимъ примѣровъ новаго письма: «Глаз по своему образованию не может смотреť на себя без зеркала. Мы видим себя тоľко в′ других предметах. Чувство бытия, личносť, душа, все сие сусчествует тоľко потому, что вне нас сусчествует» и проч.

Утверждая, что письмо наше будетъ одинаково понятно, писать ли вездѣ е, или ѣ, и приводя тому примѣры, авторъ этой книжки между прочимъ говоритъ: «Скажу: веденіе — напишу веденіе, или вѣдѣніе — все равно». Неумѣстность такого примѣра портитъ всю его аргументацію: очевидно, что именно между этими двумя начертаніями величайшая разница, потому что каждое изъ нихъ отличаетъ слово, имѣющее свое самостоятельное значеніе.

Покойный Лажечниковъ въ романѣ *Басурманъ* (1838) попытался-было сблизить правописаніе съ произношеніемъ. Главныя черты его письма состояли въ слѣдующемъ: 1) мѣстоименія и

прилагательныя муж. и сред. рода въ род. пад. ед. числа оканчиваются на *ова*, *ева* : *ево*, *ничево*, *этова*, *старова*, *дальнева;* 2) буква ё пишется съ двоеточіемъ всякій разъ, когда она извѣстнымъ образомъ произносится, а послѣ шипящихъ буквъ на мѣсто ея ставится о: *чорный*, *шолковый*, *въ чомъ*, *вошолъ*; 3) *ѳита* вездѣ замѣняется буквою ф: *Афанасій*, *Марфа*; 4) слова, составляющія вмѣстѣ какъ бы одно понятіе, пишутся слитно или соединяются черточками: *какбы*, *какбудто*, *както*, *сверхтово*, *квечеру*, *можетбыть*, *снебольшимъ*, *вутѣшеніе*; *въ-самомъ-дѣлѣ*, *на-этотъ-разъ*, *Успенской-Соборъ;* 5) вмѣсто сч пишется щ: *нещастный*, *ращотъ*. Въ то же время, однакожъ, Лажечниковъ слѣдуетъ иногда противоположному правилу, т. е. усиливаетъ этимологическое начало, и пишетъ: *этѣ*, *этѣмъ*. Но его нововведенія не встрѣтили ни въ обществѣ, ни въ литературѣ сочувствія; напротивъ, они возбудили только насмѣшки, и во 2-мъ изданіи *Басурмана*, напечатанномъ въ 1841 г., мы уже не встрѣчаемъ этихъ странностей.

Въ 1842 году нѣкто г. Кадинскій, въ Петербургѣ, рѣшился выступить съ новою азбукой, составленною изъ латинскихъ буквъ, которымъ онъ въ разныхъ сочетаніяхъ давалъ совершенно условное значеніе для передачи звуковъ русскаго языка. Все это было изложено въ брошюрѣ, названной «Упрощеніе русской грамматики. Uproscenie ruskoi grammatichi» и напечатано двоякимъ шрифтомъ: русскимъ и вновь предлагаемымъ латинскимъ. Какъ поводъ къ своему изобрѣтенію, составитель выдаетъ некрасивость и неудобство русскаго шрифта, съ которымъ будто бы неизбѣжно связаны неясность при чтеніи и опечатки; далѣе ему кажется, что наша орѳографія будто бы такъ произвольна и трудна, что требуетъ измѣненія шрифта. Входить здѣсь въ подробности орѳографической затѣи г. Кадинскаго было бы утомительно и совершенно безполезно. Довольно, что въ свое время Бѣлинскій обстоятельно разобралъ эту брошюру [1]), справедливо замѣтивъ, что ее слѣдовало бы назвать не упрощеніемъ, а «затрудненіемъ» русской

[1]) *Соч. Бѣлинскаго*, т. IX, стр. 484—510.

грамоты или новою, еще ужаснѣйшею путаницею нашей грамматики. Знаменитый критикъ съ особенной охотою занялся этимъ разборомъ, потому что русское правописаніе, какъ видно, сильно интересовало его и самъ онъ носился съ мыслями о преобразованіяхъ по этому предмету. Нашъ алфавитъ казался ему по многимъ изъ своихъ буквъ некрасивымъ и даже безобразнымъ; употребленіе ѣ находилъ онъ основаннымъ часто на шаткихъ правилахъ и потому нужнымъ только въ грамматическихъ окончаніяхъ; да и тутъ онъ предпочиталъ вмѣсто этой не нравившейся ему буквы писать е съ облеченнымъ знакомъ (ȇ); нѣкоторыя другія буквы представлялись ему также излишними; кромѣ того Бѣлинскій недоволенъ былъ слишкомъ искуственною орѳографіей нашихъ прилагательныхъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ онъ предлагалъ: 1) буквы п, ц, ш, щ изъ угловатыхъ сдѣлать округленными посредствомъ верхней и нижней поперечной черты (любопытно, что эта мысль, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ буквѣ п, была лѣтъ черезъ 20 выполнена въ московской типографіи М. Н. Каткова[1]); 2) выкинуть изъ азбуки буквы: и, й, ѣ, э, ѳ, ѵ; изъ нихъ й замѣнить длиннымъ латинскимъ j, а букву е, посредствомъ надстрочныхъ знаковъ, различать по свойству выражаемыхъ ею трехъ звуковъ; 3) для именительнаго падежа именъ прилагательныхъ муж. р. ед. ч. и всѣхъ трехъ родовъ множ. ч. принять ихъ настоящія, естественныя, какъ ему казалось, окончанія (ой, ей—ыи, іи, еи: ед. боль*ной*, вся*кой*, син*ей*; мн. больныи, всякіи, синеи) вмѣсто искуственныхъ и книжныхъ; въ род. же пад. ед. ч. писать: славн*ово*, больш*ово*, верхн*ева*, нижн*ева*. Изъ этого видно, что въ предположеніяхъ Бѣлинскаго повторились мысли частью Ломоносова, также писавшаго *доброй*, *верхней* и не признававшаго э и ѳ, частью Тредіаковскаго, который писалъ во множ. *добрыи*, *верхніи*, а вмѣсто ѣ

[1]) Ту же мысль выразилъ въ *Маякѣ* 1843 года (т. VII) кто-то подписавшійся *Старая Кавыка* въ статьѣ: «Совѣтъ типографщику моему» и проч. Авторъ хлопочетъ особенно о красотѣ буквъ, предлагаетъ для звука д одно изъ начертаній, употребительныхъ въ скорописи (ꝺ или ɡ), находитъ, что вмѣстo ё слѣдовало бы, соотвѣтственно выговору, писать е̔, поправляетъ порядокъ нашей азбуки и т. п.

ставилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ е. Впрочемъ Бѣлинскій, серіозно предлагая эти измѣненія, какъ осуществимыя по его убѣжденію на практикѣ,—шелъ въ теоріи гораздо далѣе и доказывалъ, какъ было бы хорошо дать нашей азбукѣ болѣе латинскій характеръ, измѣнивъ значеніе нѣкоторыхъ изъ ея буквъ (такъ чтобъ напр. р значило п) и введя новыя латинскія же буквы вмѣсто тѣхъ, которыя бы такимъ образомъ остались за штатомъ. Но на такомъ коренномъ преобразованіи азбуки Бѣлинскій не настаивалъ, понимая, что «подобныя реформы не зависятъ отъ воли и желанія одного лица» и прибавляя, что онъ высказалъ свое мнѣніе только какъ мечту.

Что касается до г. Кадинскаго, то мы увидимъ ниже, что онъ не удовольствовался одною только попыткою дать ходъ своей странной орѳографіи.

Замѣтимъ, что мысли въ родѣ выраженныхъ Бѣлинскимъ о большемъ сближеніи нашей азбуки съ латинскою, высказывались и прежде, и послѣ него. Въ 1833 году, въ Москвѣ, появилась брошюра подъ заглавіемъ: «Новыя усовершенствованныя литеры для русскаго алфавита». Неизвѣстный авторъ заботится о томъ, чтобы облегчить и сократить *первоначальное ученіе*, и для того находитъ нужнымъ: перемѣнить въ нашей азбукѣ нѣкоторыя буквы, сообразно съ исправленіями, сдѣланными Петромъ Великимъ; къ заимствованнымъ прежде изъ латинскаго алфавита прибавить или приспособить еще нѣсколько буквъ, а излишнія вовсе исключить. Чтобы разомъ дать понятіе о предлагаемыхъ имъ измѣненіяхъ, выписываю другое заглавіе книжки, представляющее смѣсь латинскихъ буквъ съ русскими: «OPЫT WEDENIЯ NOVЫH RUSSKIH LITER». При такомъ нововведеніи, по мнѣнію автора, можно бы выкинуть изъ нынѣшней азбуки четверть буквъ и ограничиться 27-ю; «прекратились бы, говоритъ онъ, безпрестанные споры объ е, ѣ, э, и, і, ѵ, ф, ѳ и проч.; иностранцы не будутъ смотрѣть на наши буквы какъ на полуазіятскія; какое торжество для типографій! тогда прямо могутъ печатать красивыми Дидотовскими литерами или получать самые красивые шрифты изъ всѣхъ столицъ

Европы». Вовсе устраняются буквы и, щ, ъ, ь, ѣ, э, ѳ, ѵ; сохраняются: а, о, е (для звука к вообще) и т; вмѣсто остальныхъ буквъ предлагаются соотвѣтствующія латинскія начертанія (Б=B, В = V, Г = G и т. д.); вм. и, й — i, ĭ; вм. щ — сч, шч; вм. ъ — черточка, вм. ь — надстрочный знакъ.

Рядомъ съ этими фантастическими нововведеніями авторъ выражаетъ одну мысль, въ наше время уже осуществленную, но тогда еще совершенно новую, заимствованную имъ у германскихъ педагоговъ во время заграничнаго путешествія: онъ горячо рекомендуетъ звуковой способъ обученія грамотѣ.

Совершенно съ тою же идеею, по которой неизвѣстный москвичъ сорокъ лѣтъ тому назадъ перестраивалъ нашу азбуку, выступилъ недавно г. Засядко въ книгѣ: «О русскомъ алфавитѣ» (М. 1871). Ему также наша азбука кажется не красивою и не довольно четкою; кромѣ того онъ видитъ въ нашемъ письмѣ «чрезмѣрную растянутость, послѣдствіе излишняго числа письменныхъ знаковъ, и оттого напрасную трату времени, капитала и труда, и всѣ другія затрудненія для издателей, писателей и типографій». Поэтому авторъ считаетъ необходимымъ подвергнуть русскій шрифтъ коренному измѣненію, сохранивъ въ немъ «древній греческій корень», но исправивъ его съ помощію латинскаго алфавита. Особенно осуждается то свойство нашего шрифта, что онъ имѣетъ одну только форму для литеръ, которыя здѣсь почти всѣ прописныя: при введеніи Петромъ Великимъ гражданской печати не озаботились, въ наибольшемъ числѣ случаевъ, дать строчнымъ литерамъ форму, отличную отъ прописныхъ. Въ латинской азбукѣ, замѣчаетъ г. Засядко, изъ 26 литеръ только 8 имѣютъ одинакія очертанія съ прописными; у насъ, наоборотъ, изъ 36 литеръ, составляющихъ нашъ алфавитъ, только 5 (а, б, е, р, у) имѣютъ въ печатномъ шрифтѣ различныя очертанія для прописной и для строчной формы; а всѣ остальныя, въ томъ и другомъ случаѣ, печатаются совершенно сходно[1]). Авторъ находитъ это весьма стран-

---

[1]) До 1830-хъ годовъ для звука *т* была въ печати особая строчная буква, подобная рукописной (*m*), т. е. *ш* вверхъ ногами; строчное т было въ первый

нымъ, мѣшающимъ изяществу и четкости шрифта. Послѣ подробной критики нашего алфавита какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, т. е. какъ по очертаніямъ буквъ, такъ и по отношенію ихъ къ звукамъ (критики, въ которой о многомъ можно бы поспорить съ авторомъ), онъ приходить къ слѣдующимъ заключеніямъ: буквы ъ, ь, ѣ, ы, и, й, э, ю, я, ж, ц, ч, ш, щ, ѳ должны быть изгнаны; вновь предлагаются: 1) латинскія h и j для выраженія густаго придыханія (Номеръ вм. Гомеръ), и іотированія гласныхъ (jолка, моjо, поjотъ); 2) я и ю замѣняются слогами ja, ju; 3) вмѣсто шипящихъ вводятся: ç (ц), zh (ж), ch (ш), çh (ч), cçh (щ). За этими и другими предлагаемыми авторомъ измѣненіями, вотъ его русская азбука: A, B, V, G, D, E, H, Z, I, J, K, Л, M, N, O, П, P, C, T, U, Ф, X, Ç, Zh, Ch, Çh (всего 26 знаковъ). Ъ и Ь замѣняются надстрочными черточками.

А вотъ и образчикъ письма по этой азбукѣ:

Ia, jakop', ctojauka, npedjavleuije, objavit', pazjacuit', liuija, nepja, ctpyçja.

Это читается такъ:

Я, якорь, стоянка, предъявленіе, объявить, разъяснить, линія, перья, стручья.

Читатель видитъ, что, расходясь въ частностяхъ, изобрѣтатели двухъ новыхъ азбукъ, являющіеся на разстояніи почти 40 лѣтъ одинъ отъ другаго, чрезвычайно согласны между собою и не очень далеки отъ г. Кадинскаго. Едва ли была бы какая-нибудь польза въ серіозномъ разборѣ подобныхъ попытокъ, совер-

---

разъ придумано и употреблено въ печати покойнымъ академикомъ Кеппеномъ въ «Собраніи Словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи», Спб. 1827. Мало по малу это нововведеніе вошло въ общій обычай; но сперва оно казалось страннымъ: въ газетѣ *Сѣверная Пчела* оно является только съ начала 1833 года; слѣдовательно тогда этою новою буквой завелась типографія Греча, примѣру которой послѣдовали затѣмъ и другія. Самъ Кеппенъ упоминаетъ о своемъ нововведеніи въ Bulletin de la Classe historico-philologique 1847 г. (V, 48). Въ курсивномъ шрифтѣ до сихъ поръ остается еще въ употребленіи *т* рукописное; недавно, по желанію А. А. Куника, въ типографіи Академіи наукъ отлито строчное *т* и для этого шрифта. Отсюда видно, что не всѣ, подобно г. Засядко, считаютъ неудобствомъ одинаковость формы строчныхъ и прописныхъ буквъ.

шенно чуждыхъ практической почвы. Приходится повторить то, чтó сказалъ Полевой при появленіи первой изъ этихъ двухъ книгъ: «Несовершенство русскаго алфавита заставляло многихъ думать объ исправленіи и даже о перемѣнѣ онаго. Но употребленіе, вѣчный врагъ всѣхъ нововведеній, противится преобразователямъ нашего алфавита, и уничтожаетъ ихъ попытки. Нѣтъ сомнѣнія, что и сей новый *Опытъ введенія новыхъ русскихъ литеръ* не будетъ имѣть никакихъ слѣдствій» [1]).

Къ попыткамъ этого же рода можно отнести и стараніе нѣкоторыхъ, впрочемъ гораздо болѣе раціональное, видоизмѣнить или дополнить тѣ или другія русскія буквы для болѣе точной передачи звуковъ въ иностранныхъ словахъ, особливо въ именахъ собственныхъ. Тутъ сперва является Тредіаковскій, о предложеніи котораго ввести букву *голь* уже говорено выше. Позднѣе академикъ Палласъ, въ *Сравнительныхъ словаряхъ* [2]), далъ буквѣ г, для звука h, въ отличіе подстрочный значокъ (седиль). Академикъ Бётлингъ предлагалъ употреблять въ такихъ случаяхъ ҕ. Иные совѣтовали просто перенести въ русскій алфавитъ латинскую букву h. Бывшій профессоръ Гельсингфорскаго университета С. И. Барановскій въ своихъ географическихъ пособіяхъ прибѣгалъ для этого звука къ знаку греческаго густого предыханія (ʽ). Покойный Ястребцевъ въ изданной имъ книжкѣ «О умственномъ воспитаніи дѣтскаго возраста» [3]) ставитъ этотъ же знакъ, но не отдѣльно передъ гласною, а надъ самою буквой г, напр. онъ пишетъ Гʽигіена. Онъ же, для означенія англійскаго звука th, употребляетъ, какъ въ греческихъ именахъ, *ѳиту* [4]); тонкое произношеніе буквы л отмѣчаетъ онъ надстрочнымъ *ерикомъ*, напр. Паллʼʼасъ; наконецъ, для изображенія французскаго носоваго n (какъ въ словѣ Cousin) онъ сначала писалъ н' (съ апострофомъ), а потомъ, по совѣту египтолога Гульянова, сталъ ставить надъ н букву г, «такъ какъ

[1]) *Моск. Телеграфъ* 1833, № 14, стр. 263.
[2]) Ч. I. Спб. 1787: см. Explicatio literarum Alphabeti Rossici.
[3]) М. 1831; отрывки были напечатаны въ *Моск. Телеграфѣ* 1832.
[4]) Чтó и въ наше время дѣлаютъ иные: Gatherly = Гаѳерли.

во французской носовой буквѣ n, кромѣ *словесной стихіи*, выражаемой русскимъ н, находится еще часть *стихіи*, выражаемой буквою г». Въ 1830-хъ и 40-хъ годахъ стали у насъ являться еще нововведенія въ правописаніи чужихъ собственныхъ именъ и другихъ заимствованныхъ словъ. Такъ въ *Библіотекѣ для Чтенія* вошло въ обычай писать ихъ иностранными буквами, а при склоненіи ставить апострофъ между именемъ и падежнымъ окончаніемъ, напр. съ Lagrange'емъ, beau monde'а; но не есть ли это вопіющій образчикъ Грибоѣдовскаго «смѣшенія Французскаго съ Нижегородскимъ?» *Отеч. Записки* начали писать: *Уальтеръ Скоттъ*, *Уашингтонъ*, *Бэкнъ*; многіе приняли эту ороографію; другіе остались при прежней, какъ видно, напр., изъ напечатанной въ *Москвитянинѣ* 1849 года [1]) статьи М. Лихонина «О правописаніи иностранныхъ собственныхъ именъ».

Названный выше профессоръ Барановскій, въ брошюрѣ «О согласованіи правописанія съ произношеніемъ» [2]), представляя свои наблюденія надъ фонетикой главныхъ нарѣчій русскаго народа, совѣтуетъ писать: «мужеск*ого* и средн*его* рода», «для господствующ*его* *русского* нарѣчія»; далѣе: «розличіе, розпространять» (т. е. предлогъ *раз*, по его мнѣнію, долженъ всегда писаться *роз*, потому что иногда онъ такъ произносится). Впрочемъ г. Барановскій — усердный защитникъ не только буквы ѣ, которая на его слухъ имѣетъ свое особое произношеніе, но также *виты* и *гжицы*, полезныхъ, какъ онъ находитъ, для изображенія иностранныхъ звуковъ.

Мимоходомъ упомяну здѣсь о брошюрѣ г. В. Васильева: *Грамматическія разысканія* (1845), первая часть которой посвящена разсмотрѣнію буквы ѣ какъ въ произношеніи, такъ и на письмѣ. Хотя взглядъ автора и не совсѣмъ правиленъ въ строго-научномъ смыслѣ, однакожъ во многихъ случаяхъ онъ заслуживаетъ вниманія. Между прочимъ брошюра осуждаетъ покойнаго Межевича

1) Ч. IV, Отд. III. Науки и художества.

2) Напечатанной отдѣльно безъ означенія года и помѣщенной также въ *Иллюстраціи*, когда именно, не упомнимъ.

за употребленіе начертаній: *почотный*, *счотъ*, *въ чомъ*, *чорный*, и приводитъ изъ *Сѣверной Пчелы* слова Булгарина, выражавшія его негодованіе противъ тѣхъ, которые говорили, что должно писать, какъ говорятъ. Мы не будемъ слѣдить здѣсь за предлагаемыми г. Васильевымъ, не всегда основательными доводами, и предоставляемъ себѣ изложить ниже свое собственное мнѣніе объ этомъ нелегкомъ вопросѣ русской орѳографіи.

Въ 1852 году издатель С.-Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей Фурманъ вздумалъ возбудить въ этой газетѣ вопросъ о русскомъ правописаніи [1]). «Не только каждый журналъ, говоритъ онъ, но почти каждый нѣсколько замѣчательный писатель придерживается *своего* правописанія... Съ одной стороны мы видимъ постоянное сліяніе предлоговъ съ существительными, ксожалѣнію, впродолженіи, втеченіе и т. п.; съ другой замѣненіе буквы е буквою о, учоный, чорный, душою, отцомъ и т. п.; далѣе особенную любовь къ дательному падежу,—подобнаго роду, такого разряду [2]) и т. д.». Затѣмъ авторъ статьи старается доказать, что буквы ѳ и э совершенно излишни. «Ѳ, говоритъ онъ, сдѣлалась въ нашей азбукѣ буквою *мертвою*, т. е. осталась только въ нѣкоторыхъ старыхъ греческихъ словахъ; во всѣхъ же другихъ, переходящихъ въ нашъ языкъ, начиная съ вѣка Екатерины II, является вмѣсто ѳ буква т. Слѣдственно, мертвый членъ можно отсѣчь легко, безъ всякаго ущерба для всего тѣла, особенно если онъ можетъ быть замѣненъ другимъ, *вполнѣ ему равносильнымъ*... Русскій языкъ не имѣлъ нужды поддѣлываться подъ греческій звукъ, а прямо превратилъ его въ свой губной звукъ, для выраженія котораго назначена буква ф. Для чего же ѳ? Развѣ для того только, что славянскіе учители были Греки и произносили ѳ по гречески. Для ихъ уха было странно превратить зубной звукъ въ губной; а быть можетъ они даже не угадывали, въ какой звукъ славянскій говоръ превратитъ ихъ ѳ. Вотъ какъ явилась въ славянской азбукѣ ѳ; явилась она *разумно*,

1) *Вѣд. Спб. гор. полиціи* 1852, №№ 213 и 226.

2) Намекъ на Сенковскаго, который часто употреблялъ это польское окончаніе род. падежа.

не какъ лишняя, но какъ буква со своимъ особеннымъ звукомъ. Славянскій языкъ, по свойству своему, не принялъ этого звука. Зачѣмъ же остался знакъ, его выражавшій? Съ какой стати буква ф получила вовсе не нужный дупликатъ?» Что касается буквы э, то Фурманъ совершенно неудачно силится доказать ея безполезность и мнимую сбивчивость ея употребленія. Все дѣло въ томъ, что она соотвѣтствуетъ дѣйствительно-существующему въ языкѣ звуку и что она необходимо принадлежитъ къ системѣ нашихъ гласныхъ, которая безъ нея не имѣла бы полнаго на письмѣ изображенія. Наши іотированныя гласныя (по Ломоносову, потаенно двоегласныя) произошли отъ чистыхъ: а, о, у; я=йа, ё=йо, ю=йу; очевидно, что и е=йэ, т. е. что это — іотированное э; безъ послѣдняго начертанія мы не могли бы правильно изобразить состава буквы е.

Замѣтки Фурмана и возбужденные ими толки подали поводъ г. Стоюнину помѣстить въ Полицейской же газетѣ [1]) дѣльную статью «о русской азбукѣ», гдѣ онъ противъ безотчетныхъ умствованій выставляетъ знамя науки. Разсматривая постепенное развитіе нашей азбуки со времени введенія гражданской печати, онъ останавливается подробнѣе на мнѣніяхъ Тредіаковскаго, Ломоносова, Сумарокова и наконецъ вступается за оспариваемыя нѣкоторыми права буквы ѣ. «Въ грамматическомъ устройствѣ языка», говоритъ г. Стоюнинъ, «обѣ буквы—ѣ и е—имѣютъ свое значеніе и свои особенные, отличные одинъ отъ другаго законы. Мы можемъ уничтожить знакъ, но не уничтожимъ законовъ, которые всегда останутся въ языкѣ: вредъ будетъ состоять только въ томъ, что мы лишимся *видимыхъ* фактовъ, какъ представителей звука. Пусть ѣ уступитъ всѣ свои права е, тогда у насъ для одной буквы явится множество правилъ, различныхъ, несогласныхъ и, можетъ быть, часто противорѣчащихъ правилъ, которыя теперь распредѣляются между *двумя* буквами и составляютъ немногосложныя и простыя правила. Но намъ скажутъ: вѣдь исключена же буква

---

1) 1852, №№ 242 и 243.

юсъ, которая имѣетъ свои особенности, отличныя отъ коренныхъ у и *я*? Да, въ письмѣ она исключена, но мы безпрестанно должны къ ней обращаться при изученіи грамматическаго образованія многихъ русскихъ словъ; въ русскомъ письмѣ ея нѣтъ, но въ русской грамматикѣ она все-таки существуетъ во всей своей силѣ и не можетъ оттуда никогда исчезнуть. Въ такомъ случаѣ не можетъ ли и буква ѣ существовать только въ одной грамматикѣ? Какая же изъ того польза? Развѣ та, что большинство не будетъ затрудняться въ правописаніи многихъ словъ; но вѣдь и кромѣ буквы ѣ есть не мало случаевъ въ русскомъ правописаніи, гдѣ затрудняется большинство: неужели все это уничтожать и измѣнять по требованію большинства, которому между тѣмъ легко можетъ помочь наука? Такимъ образомъ буква ѣ не можетъ назваться *условною* буквой, до которой нѣтъ дѣла филологіи; нѣтъ, она имѣетъ свое свойство, свое значеніе, имѣетъ полное право стать подъ защиту разумной науки».

Особенною смѣлостью отличается ороографическая попытка, выразившаяся изданіемъ книги: «Філоктіт, трагедія Софокла. С греческова перевел і замѣчаніямі объясніл II. Т. Санктпетербург 1856». Въ предисловіи переводчикъ говоритъ: «... я держался правопісанія, которое назову правопісаніемъ безъяцкім — безъяцкій, безъяк, без ѣ; прідержіваясь этова правопісанія я выпустіл із азбукі букву ѣ і все ізлішнія буквы, знакі не імеющіе іли потерявшіе значеніе и смысл, я старался довесті русское правопісаніе до возможноі простоты; мне кажется, я надеюсь на то, я даже уверен в том, что это правопісаніе со временем должно воідті в употребленіе, ібо оно раціонально, оно просто, оно унічтожает всякія устаревшія, потерявшія значеніе, безсмысленныя і затрудняющія формы азбукі. Впрочем раціональная послѣдовательность требует ввесті новыі знак ҿ для обозначенія мягкова о, т. е. ё, іо, какъ напрімер в словах: ещҿ, всҿ перевҿл; такім образом все гласныя будут іметь знак для обозначенія іх смягченія, а іменно: а—ja=я, э—je=е, і—ji=ї, о—jo=ҿ, у—jу—ю;

о знаке ç не буду спорітъ: еслі можно прідумать лучшії, более удобный знак, то тем лучше».

Ороографію того же рода находимъ въ книгѣ: «Греческая мифология, или сказание о вере и богах древних народов. Н. Причудинскова». (Спб. 1860. 12⁰). Авторъ находитъ, что при множествѣ предметовъ, которые русскому человѣку нужно изучать, ему нельзя «терять время на то, чтобы научиться писать букву ѣ и другія безполезныя буквы — нет, нет и тысячу раз нет!... Университетское изучение русскова языка и славянских наречий», объясняетъ онъ, «убедило меня в возможности выпустить букву ѣ и другия лишния буквы (ѳ, і, ъ въ конце слов); вот почему я написал эту книжку безъяцким правописанием». Послѣдкія слова и другія особенности этой книжки, хотя и не совсѣмъ согласныя съ тѣмъ, что мы видѣли въ предыдущей, заставляютъ предполагать, что обѣ одного происхожденія [1]).

Въ 1857-мъ году является опять г. Кадинскій; на этотъ разъ его книжка озаглавлена: «Преобразованіе и упрощеніе русскаго правописанія». Чтобы дать понятіе о скромномъ взглядѣ самого автора на свое изобрѣтеніе, достаточно выписать нѣсколько строкъ изъ послѣдней страницы этого творенія: «.... pri Latinscoi asbucae y pri moyx pravilax ni odin rebénoc ne moget sdeelath oxibchi v' pravopisaniy; potomu chto u menea caghdy zvuc imeeiet sobstvennoie nacertanie, nezameenimoie nicachim drughim nacertaniem; tac chto vseacoi proizvoll v' pravopisaniy na vsegda ustraneaietsea. Y docolae Ruscaia rech budet gith v' ustax naroda, dotolee moié pravopisanie soxranit neizmeenno svoi xaracter». При появленіи этой книжки, Сенковскій, остроумно поднявъ на смѣхъ такое письмо [2]), воспользовался случаемъ, чтобы и съ своей стороны предложить нововведеніе, не менѣе странное. Считая «истиннымъ горемъ русской грамоты отсутствіе въ ней всякой

[1]) По мнѣнію г. Геннади, это — соч. Н. Тимаева; начальными буквами его имени означено и предыдущее изданіе.

[2]) *Сынъ От.* 1857, № 32.

методы выражать съ надлежащею вѣрностью иностранныя собственныя имена», онъ придумалъ слѣдующій оригинальный способъ поправить эту бѣду. «Есть у насъ», говоритъ *Брамбеусъ* (такъ онъ подписался подъ статейкой), «одна *оборотная* буква (э). Основаніе системы положено: нельзя ли дать ей нѣкоторое развитіе... распространить кругъ оборотности? Почему бы оборотное г не могло выражать у насъ латинскаго, нѣмецкаго и англійскаго h[1])? Почему оборотный ерикъ ч, поставленный послѣ н, не указывалъ бы на французское носовое n? или оборотное л на англійское th?... Французское u можно было бы удобно выразить посредствомъ того же мягкаго знака, поставленнаго послѣ твердаго русскаго у такъ: уь. Глухое h хорошо выражается оборотнымъ апострофомъ: фамилія Victor Hugo приняла бы въ русской печати видъ «Викторъ 'Уьго»... и т. д. Сенковскій (серіозно или шутя?) находилъ эту мысль полезною и выражалъ желаніе, чтобы она удостоилась вниманія и утвержденія главнѣйшихъ періодическихъ изданій.

Послѣ г. Кадинскаго соотечественникъ его г. Котковскій пошелъ еще далѣе и въ изданной въ 1862 Кіевѣ брошюрѣ Postęp i wsteczność и проч. доказывалъ, что всѣ Славяне должны принять польскую азбуку и польское правописаніе (см. *Кіев. Курьер*, 1862 № 35, статья К. Шейковскаго «О польском правописаніи»). Вотъ что между прочимъ говоритъ рецензентъ этой брошюры: «Г. Котковскій видит в *гражданицѣ* (так он называет теперешній русскій алфавит) много азіятскаго. Но в своей брошюрѣ он употребляет такіе филологическіе пріемы, которые и в Азіи уже не употребительны» и проч.

Въ 1860 году начали выходить въ Воронежѣ *Филологическія Записки*, изданіе, которое и до сихъ поръ ведется съ похваль-

---

[1]) Сенковскій по видимому не зналъ, что мысль объ *оборотномъ* г уже выражена въ слѣдующемъ примѣчаніи къ *Разговору* Тредіаковскаго: «Нѣкто ізъ іскусныхъ людей, котораго я къ себѣ благосклонность почітаю, вымышляетъ сей буквѣ двѣ фігуры, а именно сію ч і сію ъ: но мнѣ сіе не нравітся для того что онѣ обѣ странны, і дікі очамъ россійскімъ» (*Разг.*, Спб. 1748, стр. 382).

нымъ постоянствомъ и любовью къ наукѣ. Въ первомъ же выпускѣ его напечатана довольно обширная статья издателя А. А. Хованскаго «Взглядъ на правописаніе вообще». Хотя эта статья и не представляетъ полнаго и систематическаго труда, однакожъ авторъ ея заслуживаетъ благодарность за эту первую въ своемъ родѣ попытку выяснить современное положеніе русскаго правописанія и обозрѣть его видоизмѣненія въ разныхъ органахъ нашей печати. Г. Хованскій по большей части не входитъ въ критическое разсмотрѣніе того или другаго способа начертанія словъ, а довольствуется указаніемъ нѣкоторыхъ, самыхъ видныхъ разнорѣчій правописанія и приходитъ къ такому заключенію: «Что же намъ наконецъ остается дѣлать, чтобы установить единство въ правописаніи? Остается одно — доказывать право употребленія той или другой буквы, изыскивать и выяснять то начало, на которомъ можно было бы основать неоспоримое доказательство того или другаго правила, — въ остальномъ согласиться не трудно, а согласіе въ этомъ необходимо: оно святое дѣло» [1]).

Кажется, эта статья не осталась безъ послѣдствій и имѣла нѣкоторое участіе въ возбужденіи тѣхъ орфографическихъ совѣщаній, которыя въ первой половинѣ 1862 года обращали на себя вниманіе всего грамотнаго Петербурга. По крайней мѣрѣ г. Стоюнинъ, въ рефератѣ прочитанномъ въ первомъ засѣданіи, не забылъ упомянуть о статьѣ г. Хованскаго. Впрочемъ довольно необыкновенное явленіе этого грамматическаго конгресса было въ связи съ господствовавшими тогда въ нашемъ обществѣ стремленіями къ облегченію народнаго образованія, къ распространенію грамотности. Съ 1860 года во 2-ой петербургской гимназіи происходили, по два раза въ мѣсяцъ, педагогическія собранія. На одномъ изъ нихъ, въ январѣ 1862, г. Стоюнинъ предложилъ «пригласить всѣхъ учителей русскаго языка, занимающихся въ Петербургѣ, съ тѣмъ чтобы они согласились въ общихъ орфографическихъ основаніяхъ и, разъяснивъ нѣкоторые спорные

---

[1]) *Фил. Зап.* 1860, вып. I, стр. 65.

пункты, упростили бы самую орѳографію» [1]). Мысль эта была одобрена собраніемъ, и въ Великомъ посту начались совѣщанія, въ которыхъ, кромѣ педагоговъ, приняли участіе и нѣкоторые журналисты; было тутъ много и любопытныхъ. Отчеты объ этихъ разсужденіяхъ печатались въ журналѣ *Учитель*, и притомъ печатались одно время съ новою, одобренной въ собраніяхъ орѳографіей. Въ первомъ собраніи, на которомъ присутствовало болѣе ста человѣкъ, и въ томъ числѣ нѣсколько дамъ, г. Стоюнинъ прочелъ составленную имъ записку о предлежавшей этимъ сходкамъ задачѣ. Его программа отличалась умѣренностью, и если бъ совѣщавшіяся лица остались вѣрны главнымъ его началамъ, то вѣроятно тогдашнія собранія имѣли бы большій успѣхъ, нежели какой въ самомъ дѣлѣ выпалъ на долю ихъ. Г. Стоюнинъ очень хорошо понималъ, что невозможно предоставить въ орѳографіи исключительнаго господства ни этимологическому основанію, ни фонетическому и что рѣчь можетъ итти только о примиреніи ихъ, объ опредѣленіи, «въ какихъ случаяхъ держаться словопроизводства, въ какихъ произношенія». Онъ очень умно замѣтилъ, что *историческое основаніе*, т. е. не одна филологическая сторона, но и давняя привычка, обратившаяся въ законъ, «никакъ не допускаетъ крутыхъ и рѣзкихъ преобразованій и измѣненій, которыя должны были бы заставить все настоящее дѣйствующее поколѣніе переучиться писать и даже читать, и которыя могутъ угрожать будущимъ поколѣніямъ не понимать безъ особеннаго ученья того, что напечатано до настоящаго времени [2])». Къ сожалѣнію, г. Стоюнинъ, развивая далѣе частности своего плана, самъ забылъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ свое основное начало и предлагалъ между прочимъ такія нововведенія, которыя конечно принадлежатъ къ разряду коренныхъ преобразованій письма; напр. онъ предлагалъ писать по слуху: *голанецъ*, *голанскій*, *лапланецъ*, вм. *голландецъ* и проч., т. е. такъ, какъ до тѣхъ поръ никто не писалъ.

[1]) *Учитель* 1862, стр. 132.
[2]) *Учит.* 1862, стр. 266.

Программа г. Стоюнина была принята собраніемъ; положено считать вопросы рѣшенными только по общему согласію, и приступлено къ разсмотрѣнію русскаго алфавита, причемъ немедленно рѣшено исключить изъ него *ѵижицу*.

Собравшіеся во второй разъ, при самомъ открытіи совѣщаній, отступили уже отъ руководящей мысли первоначальнаго плана, заявивъ себя, большинствомъ голосовъ, на сторонѣ коренныхъ преобразованій, т. е. такихъ, которыя клонятся къ измѣненію правилъ, принятыхъ всѣми. По прочтеніи г. Кеневичемъ остроумной записки, направленной противъ буквъ ѣ, ъ, ь, ѳ и ѵ, происходили долгіе споры о буквѣ ѣ; наконецъ почти всѣ согласились, что исключеніе ея было бы желательно, не смотря на возраженія г. Стоюнина и нѣкоторыхъ другихъ педагоговъ, указывавшихъ на практическія неудобства такого исключенія. «Есть ли возможность, спрашивалъ г. Стоюнинъ, учить орѳографіи безъ ѣ, пока эта буква не выйдетъ изъ печати, и можно ли надѣяться, что такое нововведеніе будетъ принято въ литературѣ и вообще грамотными людьми? Ученіе дѣтей происходитъ по книгамъ, а разлада или разрыва между ученіемъ и тѣмъ, что дѣти находятъ въ своихъ учебныхъ книгахъ, быть не должно. Дѣлать же пробу въ надеждѣ, что со временемъ такая орѳографія утвердится, не значитъ ли играть учениками, чего никто также позволить себѣ не можетъ»[1]. Кѣмъ-то было сдѣлано еще другое, не менѣе основательное возраженіе: «Положимъ, что правила правописанія, одобренныя настоящимъ собраніемъ, будутъ приняты и установятся въ свѣтской литературѣ; но духовная-то литература что́ скажетъ? Будетъ ли она согласна принять ихъ? А ея согласіе очень важно: мы теперь хлопочемъ о распространеніи грамотности въ народѣ, а народъ, какъ всякому изъ присутствующихъ извѣстно, всего охотнѣе берется за книги духовнаго содержанія».

Съ 3-го засѣданія увлеченіе педагоговъ желаніемъ передѣлать кириллицу, вопреки *историческому началу*, признанному въ

[1]) *Учит.*, стр. 302. Ср. выше, стр. 60, защиту буквы ѣ въ прежней статьѣ г. Стоюнина.

1-мъ собраніи, замѣтно растетъ. Пренія касались особенно предложенія не употреблять буквъ ъ и ь и замѣнить ихъ надстрочными знаками. Но «вопросъ о знакѣ смягченія возбудилъ вопросъ о типографскомъ удобствѣ. Г. Кеневичъ объявилъ, что онъ наводилъ справки въ типографіи Академіи наукъ и тамъ узналъ, что предлагаемый имъ знакъ ударенія надъ согласною буквою значительно долженъ увеличить типографскую буквенную кассу, такъ какъ нужно будетъ отливать особенно каждую согласную букву со знакомъ». Это заявленіе заставило собраніе отложить вопросъ о буквахъ ъ и ь. Между тѣмъ однакоже всѣ согласились принять за основаніе такое правило: каждая буква должна выражать опредѣленный звукъ; каждый существующій въ языкѣ звукъ долженъ имѣть соотвѣтствующую букву въ алфавитѣ, но только одну; знакъ, не соотвѣтствующій никакому звуку, не долженъ входить въ разрядъ буквъ, а быть знакомъ надстрочнымъ[1]). На этомъ основаніи одобрено предложеніе г. Стоюнина ввести въ азбуку букву ё, и большинствомъ голосовъ опредѣлено ставить ее между прочимъ послѣ ж, ч, ш, щ и ц тамъ, гдѣ она звучитъ какъ о. Затѣмъ, для изображенія звука и, большинство отдало предпочтеніе буквѣ і и рѣшило оставить ее въ алфавитѣ, исключивъ и, а вмѣсто й употреблять і съ краткимъ знакомъ[2]). Замѣтимъ, что тутъ, вопреки первоначальному постановленію собранія, вопросы рѣшаются уже по большинству голосовъ, а не съ общаго согласія.

Въ слѣдующемъ засѣданіи г. Стоюнинъ, одобривъ принятыя совѣщавшимися заключенія, какъ согласныя съ установленнымъ предварительно основаніемъ (въ чемъ однакожъ трудно убѣдиться), напомнилъ между тѣмъ, что всѣ предложенныя исключенія буквъ могутъ быть заявлены «только какъ разумное желаніе, чтобы упростить и облегчить нашу орѳографію; ввести же эти новизны въ общее употребленіе, въ печать», замѣтилъ онъ, «не въ нашей власти; поэтому нельзя ихъ вводить и въ педагогическую

[1]) *Учит.*, 345.
[2]) *Учит.*, 347.

практику, пока онѣ не примутся въ печати»[1]). Затѣмъ онъ совѣтовалъ заняться болѣе практическими вопросами правописанія и перейти къ третьему отдѣлу программы, т. е. *перебрать всѣ разногласія въ орѳографіи по частямъ рѣчи*. Согласно съ этимъ и были разсмотрѣны нѣкоторые частные случаи, и тутъ высказаны коекакія дѣльныя и интересныя замѣчанія, но постановлено опять нѣсколько совершенно непрактическихъ по новизнѣ своей правилъ, напр. по предложенію г. Стоюнина опредѣлено писать: *щастіе*, *щитать*, *пищая бумага*, и далѣе: *рассказъ*, *рассужденіе*, *бесснѣжье*, *бессловесный*, или еще: *Лягарпъ*, *Ляморисьеръ*, *маёръ* (вм. маіоръ), *петербурскій*, *выборскій*, *францускій*, *персицкій*. Г. Кеневичъ, прочитавшій особую записку о правописаніи слитныхъ предлоговъ *воз*, *из*, *низ*, *раз*, *без* и *чрез* и подавшій ею поводъ къ приведенному окончательному заключенію по этому предмету, вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ весьма основательный разборъ орѳографіи этихъ предлоговъ въ словарѣ Даля, который пишетъ: *бесбруйный*, *бесвязный*, *бесславіе*, *бесловесный* и т. п.

Изъ помѣщенныхъ выше примѣровъ новаго правописанія, задуманнаго педагогическими собраніями, достаточно видно, какъ они незамѣтно удалились отъ первоначально принятой ими программы и, въ прямомъ противорѣчіи съ нею, стали на путь, по которому итти далѣе было трудно. Отчетъ о 6-мъ совѣщаніи кончается заявленіемъ, «что по случаю наступающаго лѣта и каникулъ орѳографическія собранія откладываются до осени. Очередные вопросы слѣдуютъ: о флексіяхъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ». Осенью однакожъ орѳографическія совѣщанія не возобновились; въ *Учителѣ* прочли только нѣсколько замѣтокъ по этому предмету, присланныхъ заинтересованными лицами на обсужденіе бывшихъ собраній и по большей части отличавшихся смѣлостью предложеній. Такимъ образомъ орѳографическія совѣщанія 1862 года не привели ни къ какому практическому результату и остались только любопытнымъ и по-

---

[1]) *Уч.*, 401.

учительнымъ эпизодомъ въ исторіи попытокъ перестроить нашъ алфавитъ и наше правописаніе на новыхъ основаніяхъ. Если бъ затѣявшіе это дѣло сумѣли удержаться на практической почвѣ, если бъ ограничили свою задачу разъясненіемъ нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ и рѣшеніемъ, которое изъ двухъ или трехъ уже употребительныхъ начертаній болѣе раціонально, то можетъ быть результатъ былъ бы другой и публика сказала бы совѣщавшимся лицамъ спасибо. Но въ данныхъ условіяхъ орѳографическія собранія 1862 года послужили только новымъ подтвержденіемъ той истины, что никакія крутыя преобразованія въ языкѣ, предпринятыя по теоріи, не удаются, хотя бы и имѣли за себя авторитетъ извѣстныхъ спеціалистовъ.

Органы нашей журналистики очень различно отнеслись къ орѳографическимъ совѣщаніямъ. Въ апрѣльской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* явилась юмористическая статья въ видѣ отрывковъ изъ не существующаго журнала *Самодуръ*, напечатанныхъ на основаніи новой орѳографіи, въ которой осуществлены не только предположенія, одобренныя собраніями, но и нѣкоторыя черты частныхъ мнѣній, не принятыхъ ими [1]). Въ мартовской книжкѣ *Библіотеки для чтенія* неизвѣстный авторъ статьи «По вопросу объ упрощеніи русской орѳографіи» нападаетъ съ ожесточеніемъ на всякую связь правописанія съ грамматикой, и потому, находя даже предположенныя преобразованія недостаточными, требуетъ чисто-фонетической орѳографіи, не касаясь однакоже вопроса о практической возможности осуществленія такой мысли [2]). Особенно-живая статья по поводу петербургскихъ совѣщаній о правописаніи явилась въ журналѣ *Время* (март. книжка) подъ заглавіемъ: «Ортографическая распря». Извлеченіе изъ нея помѣщено въ приложеніяхъ къ настоящему труду. Съ безусловнымъ сочувствіемъ къ преобразовательнымъ планамъ конгресса отнесся *Книжный Вѣстникъ*, напечатавъ (въ № 5) статью г. Бѣ-

---

[1]) *Отеч. Зап.*, т. CXLI, статья «Все и ничего», стр. 239—254.

[2]) *Библ. для Чт.* т. 170, стр. 76—92.

лобородова, «Нѣсколько словъ объ упрощенія правописанія»[1]). Авторъ не сомнѣвается въ благотворныхъ результатахъ совѣщаній, приходитъ къ заключенію, что «какъ народъ нельзя заставить говорить такъ, какъ пишется, то, натурально, надо писать, какъ говорится», и представляетъ образчикъ новой ороографіи, въ которой идетъ еще далѣе совѣщающихся и пишетъ напр.: географическаво, гражданскова, общева.

Между провинціальными газетами всѣхъ серіознѣе взглянулъ на дѣло *Кіевскій Курьеръ*. Въ статьѣ: «По поводу преобразованія нашего правописанія» разсказано о преніяхъ 2-го собранія и между прочимъ замѣчено, что тутъ были «и такіе господа, которые позволили себѣ недостойное глумленіе надъ наукою, что́ хотя было и остроумно, но вовсе не умно. Смѣйтесь надъ педантизмомъ, надъ рутиной, сколько вамъ угодно, а науку, воли которой не перемѣнить, оставьте въ покоѣ». Всего любопытнѣе что вмѣстѣ съ тѣмъ редакція объявила, что съ слѣдующаго (12) нумера она изгоняетъ изъ своей газеты ъ въ концѣ словъ, и дѣйствительно во все остальное время изданія газеты, т. е. до конца іюля мѣсяца того же года, *Кіевскій Курьер* печатался безъ еровъ, начиная отъ заглавія и кончая подписью: «Редактор Петр Стрешнев».

Въ Москвѣ *Новое Время* напечатало по тому же поводу статью одного изъ тамошнихъ преподавателей, г. Робера, вступившагося за честь русской ороографіи. Въ его статьѣ особенно важно заявленіе, что онъ, «къ удивленію своему, не видитъ ни малѣйшей причины къ такому возстанію противъ нашей ороографіи», какое произошло въ Петербургѣ. «Едва ли какой языкъ», по его мнѣнію, «представляетъ такую правильность, такое богатое развитіе въ производствѣ словъ, какъ русскій языкъ... И едва ли есть языкъ, въ которомъ бы такъ ясно производство слова выражалось въ правописаніи. Только въ очень немногихъ случаяхъ наше правописаніе отступило отъ производства... Всякое коренное измѣненіе въ нашемъ правописаніи будетъ замѣною правилъ, осно-

[1]) Эта же статья была напечатана и въ С. О. 1862, № 36.

ванныхъ на разумныхъ началахъ, другими, основанными на простомъ условномъ соглашеніи: гдѣ же будетъ болѣе сбивчивости и шаткости»? Вслѣдъ за тѣмъ составитель предлагаемаго очерка помѣстилъ въ *Современной Лѣтописи* свои соображенія «по поводу толковъ о правописаніи»[1]). Не могу здѣсь умолчать объ этой статьѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, она выражала не одно личное мое мнѣніе, а во-вторыхъ, она вызвала возраженіе со стороны одного изъ тѣхъ членовъ орѳографическихъ собраній, которые принимали въ нихъ самое дѣятельное участіе. Статья моя была главнымъ образомъ посвящена вопросу о возможности сократить или пополнить нашъ алфавитъ. Желающіе ознакомиться съ тогдашними замѣчаніями моими найдутъ ихъ въ приложеніи къ настоящему труду. Здѣсь же упомяну только, что я находилъ неумѣстною въ *русскомъ* алфавитѣ *греческую* букву (*ѳиту*) и кромѣ того считалъ полезнымъ прекратить употребленіе въ концѣ словъ *ера*, который тутъ можетъ всегда подразумѣваться. Съ этимъ послѣднимъ взглядомъ предварительно согласились уважаемые сочлены мои по Академіи наукъ: покойный Востоковъ и И. И. Срезневскій. Только впослѣдствіи я узналъ, что Востоковъ уже въ самомъ началѣ своего филологическаго поприща былъ того же мнѣнія[2]).

Такъ взглянула на этотъ вопросъ и редакція газеты, гдѣ появилась означенная статья моя, и въ выноскѣ было помѣщено примѣчаніе: «Намъ также кажется, что дѣло слѣдуетъ начать съ отмѣны *ера* въ концѣ словъ; но мы полагаемъ, что для этого нужно согласіе по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ изъ наиболѣе распространенныхъ нашихъ журналовъ. Мы заранѣе заявляемъ готовность присоединиться къ договору». Такое устраненіе буквы ъ (было замѣчено въ той статьѣ) не только сберегло бы много мѣста и времени, но уменьшило бы и издержки печатанія. При этомъ редакція газеты исчислила, что «сбереженіе составило бы приблизительно 8% на наборѣ, печати и бумагѣ. Изданіе, тра-

---

1) *Совр. Лѣт.* 1862, № 28 (іюль).

2) См. выше, стр. 45; Борна *Крат. рукод. къ росс. слов.*, стр. 1?.

тящее на эти предметы 100.000 р., платитъ за букву ъ приблизительно 8000 р.».

Относительно этого уже и въ ороографическихъ собраніяхъ было исчислено г. Кеневичемъ, что ъ и ь «составляютъ болѣе чѣмъ двадцатую часть всего печатаемаго [1]). Такъ въ сочиненіи Буслаева «Историческіе очерки народной поэзіи», въ томѣ 40 листовъ; можно полагать, что изъ нихъ слишкомъ 2 листа заняты полугласными. Въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, который предполагается издать въ 40 томахъ, два тома будутъ заняты только полугласными; между тѣмъ изданіе тома обходится среднимъ числомъ около 15 тысячъ; слѣдовательно издатели Энциклопедическаго Лексикона платятъ 30 тысячъ р. только за полугласныя».

Десять лѣтъ прошло со времени всѣхъ этихъ разсужденій; однакожъ буква ъ и до сихъ не потеряла своего права гражданства на концѣ словъ въ русскомъ письмѣ, и невольно припоминается замѣчаніе русской грамматики, изданной въ 1750 г. на шведскомъ языкѣ: «Хотя этотъ знакъ въ произношеніи и начертаніи словъ не только никакой пользы не приноситъ, а напротивъ еще скорѣе затрудняетъ чтеніе, однакожъ онъ такъ вошелъ во всеобщій обычай, что почти нельзя ожидать, чтобы названный знакъ когда-нибудь былъ исключенъ изъ числа русскихъ буквъ»[2]).

---

[1]) Въ прошломъ столѣтіи враги буквы **ѣ** сдѣлали ариѳметическое вычисленіе, и нашли, что эта буква занимаетъ $^1/_{16}$ долю всего типографскаго набора буквъ (Сѣоюнинъ, *О русской азбукѣ*). *Въ Книжномъ Вѣстникѣ* утверждали, что отказавшись отъ буквъ **и**, **й**, **ѣ**, **ѳ**. **ѵ**, **ъ** и **ь**, мы «выиграемъ *шестую* часть времени и капитала, т. е. на $^1/_6$ часть будемъ меньше тратить бумаги, чернилъ, перьевъ и пр., а слѣдовательно меньше потребуется времени и писарей». (*К. В.* 1862, № 5). Еще до того Сенковскій, по поводу книжки Кадинскаго, говорилъ: «Пагубнѣе всѣхъ и всего этотъ тунеядъ **ъ**, эта піявка, высасывающая лучшую кровь русскаго языка, этотъ злокачественный наростъ — родъ грамматическаго рака — на хвостѣ русскихъ словъ: онъ пожираетъ болѣе восьми процентовъ времени и бумаги, стóитъ Россіи ежегодно болѣе 4.000.000 руб., — а какую приноситъ ей выгоду или честь?» и т. д. (*Листки бар. Брамбеуса*. Спб. 1858, стр. 633).

[2]) «Россійская Грамматика. Thet är Grammatica Russica eller Grundelig Handledning till Ryska Språket &c. Utgifven af Michael Groening». Stockholm 1750.

Послѣ 1862 года было только одно довольно крупное изданіе, которое умѣло отрѣшиться отъ предразсудка, считающаго конечный ъ необходимымъ. Это *Настольный Словарь* покойнаго Толля, гдѣ ъ на этомъ мѣстѣ удержанъ только въ заглавныхъ словахъ; въ объясненіяхъ онъ исключенъ, оставаясь однакожъ какъ въ серединѣ словъ, гдѣ нужно (напр. въ словѣ «объявить»), такъ и при предлогахъ, состоящихъ изъ одной согласной (въ, къ). Такъ же точно и *ѳита* совершенно устранена изъ этого словаря.

Что касается до буквы ѣ, то въ статьѣ 1862 года я находилъ, что изгнаніе этой буквы равнялось бы уничтоженію этимологическаго характера нашей орѳографіи. Г. Кеневичъ, оставаясь вѣрнымъ тому, что̀ онъ говорилъ въ собраніяхъ, является и въ возраженіи своемъ на мою статью непримиримымъ врагомъ этой буквы[1]). Главнымъ основаніемъ служитъ ему то, что правильное употребленіе ея въ корняхъ словъ издавна не вполнѣ соблюдается, такъ что во многихъ случаяхъ мы не пишемъ ея тамъ, гдѣ она въ древности писалась; во флексіяхъ же можно равнымъ образомъ обойтись безъ нея, такъ какъ мѣсто, занимаемое словомъ въ предложеніи, достаточно опредѣляетъ грамматическую форму слова. Въ заключеніе авторъ спрашиваетъ: «Сто́итъ ли учиться тому, что, требуя отъ учащагося большихъ усилій, не дастъ ему никакого положительнаго знанія, не развиваетъ его способностей и ни въ какомъ случаѣ не можетъ принести пользы? Сто́итъ ли терять время, замѣтьте, лучшее время жизни, на то, чтобы пріобрѣсть навыкъ совершать дѣйствіе, не имѣющее ни опредѣленной цѣли, ни разумнаго основанія». — Едва ли можно согласиться съ г. Кеневичемъ въ посылкахъ, на которыхъ построены его вопросы. Едва ли знаніе разнохарактернаго состава словъ языка и различнаго образованія его флексій можно считать безцѣльнымъ, неразумнымъ и безполезнымъ. Нельзя сказать, чтобы неодинаковое начертаніе такихъ словъ, какъ напр. *сведеніе* и *свѣдѣніе*, ни на чемъ не было основано. Если скажутъ, что для различенія этихъ двухъ словъ при одинаковомъ начертаніи ихъ достаточно

[1]) *Сѣв. Пчела.* 1862, № 314: «Нѣсколько замѣчаній по поводу статьи г. Грота».

было бы знака ударенія, то можно спросить, чѣмъ же этотъ способъ былъ бы лучше и былъ ли бы онъ достаточно знаменателенъ?

Въ истекшее десятилѣтіе самыя замѣтныя отступленія отъ господствующаго правописанія позволилъ себѣ покойный В. И. Даль въ своемъ словарѣ. Вотъ главныя особенности его письма:

1) Находя, будто фонетикѣ русскаго языка противно удвоеніе одной и той же буквы, онъ во многихъ случаяхъ не допускаетъ такого удвоенія и пишетъ, напримѣръ: *беславіе*, *бесмертіе*, *бесмысліе*, *конченый*, *опредѣленый*, *исполненый*, также: *вобще*, *вображеніе*, *возжать* и т. п. Однакожъ надобно замѣтить, что Даль самъ не выдерживаетъ своего правила и, по мѣрѣ удаленія отъ начала словаря, болѣе и болѣе измѣняетъ себѣ: такъ предлогъ *из* передъ с онъ уже пишетъ то цѣликомъ, то ставя з въ скобкахъ, напр. *изсасывать*, *изсиня*, *и(з)спесивѣть*, *и(з)страдать*, *и(з)стари*, хотя въ обоихъ случаяхъ не слышно никакой разницы въ произношеніи; а предлогъ *раз* онъ уже нигдѣ не сокращаетъ передъ с и пишетъ: *разсаживать*, *разсуждать* и проч. Да и трудно было бы остаться вѣрнымъ правилу, основанному на совершенно ложномъ положеніи: русская фонетика не только не чуждается удвоенія буквъ, но напротивъ часто безъ основанія сдваиваетъ согласныя, особенно букву н, какъ видно изъ произношенія страдательныхъ причастій и прилагательныхъ въ родѣ: *деревянный*, *соломенный*, *мысленный*, также глагола *итти*, словъ подобныхъ *прочій*, *причина*, *поручикъ* и проч. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ правописаніе давно уступило говору, и до сихъ поръ пишутъ съ двойнымъ н причастія и прилагательныя, а прежде писали на томъ же основаніи: *впротчемъ*, *притчина*, произнося: впроччемъ, и т. д.

2) Постояннѣе Даль держится своего правила въ иноязычныхъ словахъ, которыя считаетъ справедливымъ писать только по слуху, безъ соображенія съ подлинною ихъ ороографіею; но между тѣмъ, строго слѣдуя принятому началу, онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ произношеніемъ, когда напр. пишетъ: *каса*, *маса* и т. п.

Другія особенности орѳографіи Даля касаются частныхъ случаевъ, и я не буду останавливаться на нихъ, тѣмъ болѣе что онѣ уже обозначены мною въ другомъ мѣстѣ [1]). Нѣкоторыя черты этого правописанія нашли у насъ послѣдователей: есть люди, которые пишутъ *Росія*, *Прусія*, *комисія*, *професоръ*, *колегія*, *класъ* и проч. Но объ этомъ ниже.

Въ послѣдніе годы одинъ изъ типографскихъ корректоровъ въ Петербургѣ, г. Студенскій, убѣдившись на опытѣ въ неудобствахъ пестроты нашего правописанія, издалъ одну за другою двѣ справочныя книжки для авторовъ и переводчиковъ. Первая изъ нихъ (1869, 52 стр.) озаглавлена: «Корректурный Списокъ 700 словъ наиболѣе требующихъ одинаковаго начертанія»: вторая (1870) названа: «Корректурно-грамматическій или корректорскій списокъ». Послѣдняя, и по объему (200 стр.) и по плану, гораздо обширнѣе первой и заключаетъ въ себѣ 4 отдѣла: I. Рукопись. — Издатель. — Списокъ словъ, требующихъ одинаковаго начертанія. — Корректура. — Наборщики. — Типографія. — II. Грамматика и правописаніе. — III. Лексикографія. — IV. Языкъ и философія языка.

Нельзя не признать справедливою мысль автора о потребности въ такомъ пособіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ не пожалѣть, что у него исполненіе вовсе не соотвѣтствуетъ доброму намѣренію. Ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ нѣтъ системы; вмѣсто серіознаго отношенія къ дѣлу, вездѣ странное балагурство; положительныхъ свѣдѣній мало, лишняго пропасть и наконецъ множество невѣрныхъ указаній и просто ошибокъ, такъ что пользоваться этою книжкой невозможно Что сказать, напр., о слѣдующихъ замѣчаніяхъ: «*Борются* матеріально, тѣлесно, напр. боксеры; *борятся* съ предразсудками и пр. *Надѣются* и *надѣятся* — разсужденія тѣ же» (стр. 28), или: «*С*ѣверная Америка, а не сѣверная, *Ю*жная Америка, а не южная, и это потому, что Америка самой природой такъ перехвачена въ срединѣ, какъ талія самой отчаянной ко-

[1]) См. *Филол. разысканія* Я. Грота. Разборъ *Толковаго Словаря* для присужденія автору Ломоносовской преміи. стр. 43—47.

кетки. — А грудь?.. пожалуй спросите вы. — Соединенные Штаты. — А башмачокъ? — Огненная Земля... Сл. у Бокля о плодородіи Бразиліи и гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ о въѣздѣ Колумба» (стр. 72 . Но довольно... Иначе пришлось бы выписать почти всю книжку.

Недавно на нѣкоторыя трудности современнаго нашего правописанія указалъ бывшій преподаватель военно-учебнаго вѣдомства г. Новаковскій въ особой статьѣ, которую онъ представилъ въ Академію наукъ и потомъ напечаталъ[1]); въ этой статьѣ, имѣющей цѣлію примиреніе этимологической ороографіи съ говоромъ, авторъ приглашаетъ Академію къ рѣшенію спорныхъ вопросовъ своимъ авторитетомъ.

Мысль, что единство ороографіи можетъ быть установлено только рѣшеніемъ ученаго ареопага, очень естественна. Ее выражали не разъ, и тѣмъ настойчивѣе, что примѣръ тому видѣли во Франціи. Такъ и одинъ изъ бывшихъ нашихъ сочленовъ, покойный П. А. Плетневъ, при разборѣ грамматическаго сочиненія, изданнаго въ 1844 г., замѣтилъ: «До тѣхъ поръ мы будемъ писать по привычкѣ или по прихоти, пока этотъ грамматическій вопросъ» (т. е. вопросъ объ ороографіи) «не рѣшенъ будетъ, какъ во Франціи, единодушно обществомъ истинныхъ представителей Русскаго слова»[2]). Надобно однакожъ замѣтить, что примѣръ Франціи остается до сихъ поръ чуть ли не единственнымъ въ этомъ отношеніи: да и тамъ давно уже рѣшенія академіи принимаются не безусловно и не безъ критики, чему новѣйшимъ доказательствомъ можетъ служить недавно оконченный превосходный словарь Литтрé. Въ Швеціи, гдѣ учрежденная королемъ Густавомъ III академія также пыталась быть законодательницей въ дѣлѣ языка и, между прочимъ, правописанія, успѣхъ ея былъ далеко не полный. Можно навѣрное сказать, что и у насъ опредѣленія Академіи, если бъ и можно было достигнуть въ средѣ ея общаго соглашенія по этому предмету, не привели бы къ едино-

---

[1]) *Филол. Записки* 1872, вып 1 и 2.

[2]) *Соврем.* 1844, т. XXXIX, стр. 311.

образію въ правописаніи: не только въ разныхъ органахъ печати нельзя предполагать такой уступчивости, которая побудила бы ихъ отказаться отъ своихъ орѳографическихъ привычекъ, но можетъ статься и тѣ, которые теперь взываютъ къ авторитету Академіи, первые отвергли бы ея опредѣленія, если бъ эти послѣднія не были согласны съ ихъ собственными взглядами.

Поэтому Академія, по выслушаніи письма г. Новаковскаго, передала его статью въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, которое поручило мнѣ разсмотрѣть ее. Настоящій трудъ и предпринятъ по этому поводу. Въ своей запискѣ г. Новаковскій, жалуясь на пестроту и шаткость нашей орѳографіи, указываетъ на необходимость согласить два разнородныя начала ея, и для того выставляетъ нѣсколько частныхъ случаевъ, въ которыхъ, съ помощію этимологіи и логическихъ доводовъ, доказываетъ преимущество одного начертанія передъ другимъ или предлагаетъ новое.—Такъ онъ совѣтуетъ писать: 1) *итти* вмѣсто *идти* или *итти;* 2) *попрежнему*, *помоему*, *понынѣшнему*, не отдѣляя предлога; 3) *въ слѣдствіе*, т. е. отдѣляя предлогъ, вм. *вслѣдствіе*; 4) *ниодинъ* слитно вм. *ни одинъ*, соображаясь съ словами: *никто*, *ничто*, *никогда* и проч.; 5) *двѣстѣ*, какъ двойств. число, вм. *двѣсти*. Особенно настаиваетъ онъ на томъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда е съ удареніемъ слѣдуетъ за шипящими буквами ж, ч, ш, щ, писать не о и не просто е, а е съ двоеточіемъ (ё), за исключеніемъ немногихъ словъ (*свѣжо*, *горячо*, *плечо*, *хорошо*), въ которыхъ окончаніе на о уже утвердилось.

Разбирая эти вопросы, затронутые г. Новаковскимъ, я счелъ нужнымъ расширить свою задачу и пересмотрѣть съ исторической точки зрѣнія все нынѣшнее наше правописаніе. Замѣчанія мои, по мѣрѣ ихъ составленія, читались то въ Академіи, то въ петербургскомъ Филологическомъ обществѣ, и хотя не во всѣхъ случаяхъ можно было достигнуть единогласныхъ заключеній, но по крайней мѣрѣ каждый спорный вопросъ подвергался многостороннему обсужденію, и предлагаемые ниже выводы основаны на внимательномъ соображеніи разнообразныхъ мнѣній.

Наконецъ, уже во время печатанія настоящаго опыта, въ *Голосѣ*[1]) появилась статья г. Скандовскаго о томъ, что разнорѣчія правописанія могутъ иногда, въ нашихъ гимназіяхъ, имѣть очень прискорбныя послѣдствія для экзаменующихся учениковъ. Жаль, ежели въ самомъ дѣлѣ есть преподаватели, которые на обычныя ороографическія разнорѣчія письма смотрятъ какъ на ошибки. Но здѣсь не мѣсто касаться этой стороны предмета. Для насъ любопытны наблюденія автора (хотя мы съ нимъ и не во всемъ согласны) надъ особенностями ороографіи современныхъ газетъ и журналовъ; не лишенъ также интереса разсказъ его «о томъ, что̀ происходило въ нынѣшнемъ году во 2-ой московской гимназіи въ комиссіи, обсуждавшей учебникъ русскаго правописанія, составленный *И. Е. Соснецкимъ*. Комиссія состояла изъ директора, инспектора и трехъ преподавателей русскаго языка и словесности; инспекторъ (г. Гулевичъ) участвовалъ въ ней тоже въ качествѣ преподавателя словесности и русскаго языка. При обсужденіи разныхъ вопросовъ каждый изъ насъ», говоритъ авторъ, «не разъ и не два оказывался несостоятельнымъ, и мы провѣряли себя академическимъ и другими словарями, которые, въ свою очередь, отказывались иногда отъ рѣшенія нашихъ вопросовъ. Г. Гулевичъ представилъ болѣе сотни словъ, предлагая устранить въ нихъ двоякое правописаніе и постановить что-нибудь одно, на научныхъ, прочныхъ основаніяхъ. Но мы не пришли тогда ни къ какимъ прочнымъ результатамъ, такъ какъ поднимались вопросы и о совершенномъ устраненіи нѣкоторыхъ словъ». Далѣе авторъ такъ разсуждаетъ: «Прочные результаты, безъ сомнѣнія, желательны во всякомъ дѣлѣ, но едва ли они достижимы тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ установленіи прочнаго въ непрочномъ, *обязательныхъ навсегда и для всѣхъ* правилъ *въ живомъ еще языкѣ*. Тутъ возможно только *временное* соглашеніе. Потрудитесь-ка сосчитать число грамматическихъ, *по нашему*, ошибокъ въ грамматикѣ *Ломоносова* и въ грамматикѣ *Востокова!* Устанете. Но кто же обвинитъ ихъ въ незнаніи грамматики?» — На эти замѣчанія, какъ надѣемся, предыдущее уже заклю-

[1]) 1872, № 162.

чаетъ въ себѣ отвѣтъ. Въ каждую эпоху правописаніе, дѣйствительно, представляетъ свои особенности, свою фазу развитія. Многаго, что̀ писалъ Ломоносовъ, теперь конечно никто уже не напишетъ, напр. *дватцать*, *бутто*, *съ перьва*. Но нельзя же не согласиться, что въ нынѣшнихъ начертаніяхъ этихъ словъ виденъ успѣхъ науки, и что она должна постоянно стремиться къ большему и большему установленію правильнаго письма. А что касается до Востокова, то и нынѣшнимъ грамотеямъ полезно было бы почаще справляться съ нимъ. Иное дѣло обычай, иное — наука. То, что Востоковъ предписываетъ, соображаясь только съ употребленіемъ, напр. большія буквы въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, могло измѣниться; но его научные выводы еще не скоро утратятъ свою цѣну.

Наше перечисленіе главныхъ фактовъ въ исторіи русскаго правописанія было бы неполно, еслибъ мы не упомянули объ ученыхъ трудахъ, способствовавшихъ къ ближайшему разъясненію происхожденія славянской азбуки и употребленія ея, начиная съ древнѣйшихъ временъ: послѣ Востокова важныя услуги въ этомъ дѣлѣ оказали Павскій, Срезневскій и Буслаевъ, которыхъ изслѣдованія необходимо принимать въ соображеніе и при разсмотрѣніи орѳографіи позднѣйшаго времени. Собственное правописаніе покойнаго Павскаго отличалось нѣкоторыми особенностями (напр. *естьли*, *этъ*), которыя, однакожъ, не смотря на его ученый авторитетъ и на успѣхъ его книги, не перешли въ общее употребленіе. Указаніе на учебники повело бы насъ слишкомъ далеко.

V.

Изъ историческаго очерка нашей гражданской грамоты видно, что повторяющіяся у насъ отъ времени до времени попытки улучшеній по этой части относятся къ двумъ различнымъ предметамъ: 1) къ составу азбуки, и 2) къ правописанію словъ при имѣющейся азбукѣ.

Въ первомъ отношеніи, какъ уже было замѣчено, эти попытки не имѣли до сихъ поръ почти никакого успѣха; удалось

только устранить вошедшее-было въ обычай, съ середины прошлаго столѣтія, начертаніе ió (напр. всió) и на мѣсто его ввести ё, которое однакожъ никогда не было въ большомъ ходу и нынче пишется только въ рѣдкихъ случаяхъ; 1) для различенія словъ, одинаково изображаемыхъ, напр. *ведро* и *вёдро*, *признáетъ* и *признаётъ*, 2) въ стихахъ, для болѣе нагляднаго обозначенія риѳмы, напр. *заботъ* и *гнётъ*, и 3) въ иностранныхъ именахъ и другихъ реченіяхъ: *Гёте*, *Лёве*, *манёвры*, *сапёръ*. — Кромѣ того, въ свѣтскихъ книгахъ почти уже не употребляется ѵ: большинство пишетъ *символъ*, *миро*, и многіе отказались отъ *ѳиты*.

Посмотримъ, есть ли дѣйствительная потребность въ пополненіи или сокращеніи нашей азбуки.

Изъ собственныхъ нашихъ звуковъ только одинъ, по настоящему, не имѣетъ соотвѣтственной буквы; это тотъ звукъ г, который слышится въ словахъ *Господь*, *благо*, *богатство*, въ нарѣчіяхъ *всегда*, *когда* и т. п., въ косвенныхъ падежахъ слова *Богъ* и нѣкоторыхъ собственныхъ именъ иностраннаго происхожденія: *Петербурга*, *Лейпцига* и проч. Конечно, имѣть знакъ для отличенія такого г (который у славянскихъ народовъ, пишущихъ латинскою азбукою, выражается буквою h) было бы желательно, но оно тѣмъ менѣе необходимо, что приведенныя слова далеко не всѣми Русскими произносятся съ подобнымъ оттѣнкомъ звука г: такъ въ Рязанскомъ и нѣкоторыхъ другихъ нарѣчіяхъ онъ всегда выговаривается твердо, какъ въ словахъ *городъ*, *говорить*. Затѣмъ рѣчь можетъ итти только о надобности особаго знака для передачи звука h въ словахъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ; но тутъ является болѣе общій вопросъ, вопросъ о принципѣ: слѣдуетъ ли имѣть въ азбукѣ буквы для выраженія иноязычныхъ звуковъ? Вопросъ этотъ прекрасно рѣшенъ еще Ломоносовымъ: «Ежели для иностранныхъ выговоровъ, замѣчаетъ онъ, вымышлять новыя буквы, то будетъ наша азбука съ Китайскую, и таково же смѣшно по правдѣ покажется, естьли бы для подлиннаго выговору нашихъ реченій, въ которыхъ стои́тъ буква ы, звукъ въ какой нибудь чужестранной языкъ приняли, или бы вмѣ-

сто ея новую вымыслили». Собственно же относительно г Ломоносовъ, хотя и соглашается, что эту букву «выговаривать пристойно какъ h, гдѣ h; какъ g, гдѣ g у иностранныхъ», однако прибавляетъ, что «въ томъ нѣтъ дальней нужды» [1].

Одну чужую букву наша азбука изстари имѣла и до сихъ поръ имѣетъ: это греческая ѳ, которая конечно служитъ только къ затрудненію нашего письма, хотя, по увѣренію Мелетія Смотрицкаго, «между ф и ѳ различіе опасно хранимо есть, ниже бо можетъ пишемо быти Ѳеоѳилъ, Ѳіліппъ, Ѳекла; но Ѳеофілъ» и т. д. Ломоносовъ же, вѣрный своему началу, говоритъ [2], что *Ѳита* «отъ первыхъ сочинителей Словенской азбуки въ нее внесена напрасно: ибо она Славянамъ и Россіянамъ столько не надобна, какъ Французамъ Ч или Ы, Нѣмцамъ Ж, Китайцамъ Р, которыхъ выговора они въ своихъ язы́кахъ [3]) не имѣютъ». Не смотря на то, самъ Ломоносовъ, даже и въ своей Грамматикѣ, писалъ то *Федоръ*, то *Ѳедоръ*, *Тимоѳей* [4]) и т. п. По мнѣнію Павскаго, при первоначальномъ изобрѣтеніе кириллицы, въ ней не было *ѳиты*; предположеніе его основывается на томъ, что эта буква, рядомъ съ ѯ, ѱ и ѵ, стоитъ въ самомъ концѣ азбуки и какъ будто прибавлена, вмѣстѣ съ ними, позднѣе [5]). По замѣчанію И. И. Срезневскаго, ѳ, нужная только для греческихъ и еврейскихъ словъ, уже въ древнихъ рукописяхъ очень часто была замѣняема буквою ф, а иногда и буквою т [6]). И нынче многіе ея уже совсѣмъ не пишутъ.

По всему этому нельзя ли бы, наконецъ, совершенно исключить букву ѳ изъ русскаго письма? Иностранныя слова можемъ мы вообще писать только такъ, какъ произносимъ ихъ, потому

---

[1]) *Росс. Грам.* §§ 85, 99.

[2]) Тамъ же, § 22.

[3]) Любопытно, что Ломоносовъ въ своей Грамматикѣ постоянно отмѣчаетъ такимъ удареніемъ слово *язы́къ* въ значеніи человѣческой рѣчи, для отличія отъ *языќ, языко́въ* въ смыслѣ тѣлесномъ. Это различіе и теперь еще строго соблюдается въ нашихъ духовныхъ училищахъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ.

[4]) См. изд. 1755, стр. 27 и 94.

[5]) *Филолог. наблюденія*, Разсужд. I, § 21.

[6]) *О Русс. правопис. Журн. Мин. Нар. Просв.* 1867.

во 1-хъ, что имѣемъ ограниченный запасъ буквъ, а во 2-хъ, что по неволѣ подчиняемъ иностранный выговоръ законамъ своей фонетики. Есть множество случаевъ, въ которыхъ иностранныя слова передаются по-русски въ искаженномъ видѣ не только по правописанію, но и по измѣненію самыхъ звуковъ, то въ окончаніяхъ, то въ самомъ корнѣ слова. Мы напр. говоримъ и пишемъ: *монастырь* (гр. μοναστήριον), *коленкоръ* (фр. calicot), *билетъ* (фр. billet), *трактиръ* (фр. traiteur). Такъ точно мы постоянно искажаемъ и тѣ греческія слова, въ которыхъ употребляемъ вмѣсто υ (*ипсилона*) букву η (и, т. е. *иже*), напр. *типъ*, *лира*, *гимназія*, *мистика* (вм. тѵпъ, лѵра и проч.). Такимъ же образомъ мы искажаемъ *въ произношеніи* и греческія слова съ *ѳитою*, выговаривая эту букву по-своему, т. е. не какъ *шепелеватое* с (по выраженію Ломоносова), а какъ ф; но *на письмѣ* хотимъ скрыть это искаженіе и употребляемъ чужую, невозможную для насъ букву. Нельзя не согласится съ Хабаровымъ, что тутъ есть своя доля лицемѣрія. Испортивъ слово, сдѣлавъ его неузнаваемымъ въ такихъ звукахъ какъ *Фекла*. *Фивы*, *Федоръ*, *Тимофей*, *Феклистъ* (вм. Ѳеоктистъ)[1]), мы хотимъ все дѣло поправить *для виду* и пишемъ *Ѳекла*, *Ѳивы*, безъ всякой пользы, только чтобы щегольнуть мнимымъ знаніемъ греческаго языка. Но когда мы въ другихъ случаяхъ произносимъ ѳ какъ т (напр. въ словахъ *театръ*, *математика*), то поступаемъ честнѣе и ничѣмъ не стараемся отличить на письмѣ 1-ое фальшивое т отъ 2-го истиннаго. Такъ же поступаютъ Итальянцы и Шведы, напр. въ словахъ: teologia, teologi, teatro, teater, trono, tron и т. п[2]). И за что же отдаемъ мы предпочтеніе именамъ *Федоръ*, *Феклистъ* и пр., отмѣчая на письмѣ ихъ греческое происхожденіе и оставляя многія другія, не менѣе искаженныя, безъ такого обозначенія, напр. *Егоръ*, *Степанъ*, *Осипъ*?

---

¹) Иностранцы, желая показать обрусѣвшій характеръ такихъ именъ, пишутъ Fedor, а не Theodor.

²) Нѣмцы, Французы и Англичане продолжаютъ отличать не только th отъ t, но и ph (греч. φ) отъ своего одинаково произносимаго f.

Такимъ образомъ, въ теоріи отмѣна ѳ является совершенно справедливымъ дѣломъ: гораздо лучше было бы вездѣ сознательно передавать звукъ ф соотвѣтствующею ему буквою, какъ многіе уже и дѣлаютъ, нежели писать, какъ иногда случается видѣть даже въ изданіяхъ относительно ученыхъ грамотеевъ: *Ѳебъ*, *Никиѳоръ*, *ѳинансы*, *сѳера*, *исторіограѳъ* и т. п. Противится тому только давняя привычка, поддерживаемая однимъ весьма вѣскимъ соображеніемъ. Дѣло въ томъ, что ни одно собственно русское слово не содержитъ въ себѣ ни ѳ, ни ф: та и другая буква служатъ только для начертанія заимствованныхъ словъ: справедливо ли же будетъ, могутъ сказать, дать одной изъ нихъ предпочтеніе передъ другою, и тѣмъ, затмивъ происхожденіе многихъ иноязычныхъ словъ, отвергнуть разумную цѣль, съ какою введены къ намъ обѣ буквы? Цѣль эта могла быть, дѣйствительно, разумною въ свое время, когда область заимствованія чуждыхъ словъ ограничивалась одною Греціею; но теперь, когда всѣ языки міра служатъ источниками нашихъ заимствованій, когда буквою ф означается звукъ, существующій и у множества другихъ народовъ, — когда въ бесчисленныхъ случаяхъ мы не имѣемъ возможности точно означать своими буквами натуру иностраннаго звука, надобность въ отличіи ф отъ ѳ миновалась или по крайней мѣрѣ уменьшилась: принципъ поясненія на письмѣ происхожденія иностранныхъ словъ не можетъ быть выдерживаемъ. Притомъ, когда я пишу, напр., русскія фамильныя прозванія: *Федоровъ*, *Тимофеевъ*, *Фадеевъ*, *Фоминъ*, какая мнѣ нужда самому помнить и другимъ напоминать, что эти имена греческаго происхожденія? Итакъ пусть, по крайней мѣрѣ, употребленіе ф вмѣсто ѳ не считается ошибкою; пусть каждому будетъ предоставлено на волю либо употреблять обѣ буквы въ разнородныхъ случаяхъ, либо писать всегда ф по произношенію. Достигнуть въ этомъ общаго соглашенія едва ли когда-нибудь удастся. Древность *ѳиты* и видимая ея цѣлесообразность всегда или, по крайней мѣрѣ, очень долго еще будутъ мѣшать совершенному ея изгнанію. Между тѣмъ она родная сестра покойной *ижицы*, и обѣимъ, по-настоящему, одна дорога.

Что касается тѣхъ собственно-русскихъ буквъ, которыя многимъ кажутся лишними въ нашемъ письмѣ, именно: и, э, ѣ, ъ, то къ сказанному мною уже прежде прибавлю только слѣдующее:

1) Изъ нашихъ гласныхъ звукъ і всѣхъ чаще встрѣчается въ языкѣ, и потому двоякое изображеніе его имѣетъ практическое значеніе для красоты и удобства письма, такъ какъ беспрестанное повтореніе точки надъ строкою вредило бы и въ томъ и въ другомъ отношеніи.

2) Безъ э система нашихъ звуковъ на письмѣ была бы не полна[1]). Въ новѣйшее время эту букву стали часто употреблять въ иностранныхъ собственныхъ именахъ для означенія чистаго, т. е. неіотированнаго звука е въ серединѣ или въ концѣ слога. Такъ напр. пишутъ *Бэкнъ*, *Тэнъ*, *мэрія*. Въ сущности всякая тонкая гласная въ русскомъ языкѣ можетъ быть приставляема только къ тонкой же согласной, при которой извѣстное іотированіе такой гласной неизбѣжно. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ только сравнить, напр., русское *ни* съ франц. *ni* или *nid*; слѣдовательно и э въ такомъ случаѣ произнесется не иначе какъ наше же е послѣ согласной, а не такъ, какъ еслибъ эта согласная была отолщенная (*бъэ*, *тъэ*); и потому употребленіе э послѣ согласныхъ оказывается безполезнымъ.

3) Въ возраженіяхъ противъ употребленія ѣ много справедливаго, но только въ отношеніи къ нѣкоторымъ корнямъ и окончаніямъ словъ, гдѣ дѣйствительно эта буква пишется либо непослѣдовательно, либо несогласно съ производствомъ и древнимъ обычаемъ; но, во флексіяхъ она имѣетъ важное грамматическое значеніе и можетъ, въ этомъ отношеніи, по праву быть названа *знаменательною*. Сильное въ правописаніи охранительное начало, основанное на исторіи языка, едва ли когда-нибудь допуститъ, чтобъ буква ѣ исчезла изъ русскаго письма, а потому и направленныя противъ нея гоненія стоятъ не на практической почвѣ. Сколько

---

[1]) Ср. выше, стр. 66.

путаницы произошло бы отъ уничтоженія буквы ѣ! Еслибъ напр. писать: *елъ*, *смелъ*, *умелъ* (вм. *ѣлъ*, *смѣлъ*, *умѣлъ*), то почему бы и не произносить этихъ словъ такъ, какъ мы произносимъ: *шелъ*, *мелъ*, *велъ?* произошло бы смѣшеніе словъ: *мѣлъ* и *мелъ*, *смѣлъ* и *смелъ*, *нѣкогда* и *некогда*, *чѣмъ* и *чемъ* и множества другихъ.

4) Бесполезность буквы ъ *въ концѣ словъ* до такой степени очевидна, что нельзя не желать отмѣны такого употребленія ея и не надѣяться, что русская печать рано или поздно освободится отъ этого лишняго и во многихъ отношеніяхъ обременительнаго прироста. Въ серединѣ словъ, гдѣ ъ имѣетъ существенное значеніе, нѣтъ никакой надобности замѣнять его другимъ знакомъ. Но въ концѣ словъ сохраненіе этой буквы въ нашу эпоху, когда время такъ дорого, есть анахронизмъ. Объ изгнаніи буквы ь не можетъ быть рѣчи.

Перейду теперь къ правописанію въ собственномъ смыслѣ и постараюсь разсмотрѣть спорные вопросы по слѣдующимъ группамъ:

1) Удвоеніе согласныхъ.
2) Правописаніе предлоговъ.
3) Буква ы вмѣсто ъи
4) Уподобленіе звуковъ.
5) Встрѣча зубныхъ съ буквою щ въ окончаніяхъ.
6) Употребленіе о послѣ шипящихъ ж, ч, ш, щ и послѣ ц.
7) Смѣшеніе шипящихъ.
8) Окончанія прилагательныхъ именъ.
9) Глагольныя окончанія и формы.
10) ъ и ь въ концѣ словъ.
11) Буква ѣ.
12) Правописаніе иноязычныхъ словъ.
13) Правописаніе именъ собственныхъ на ла и ко.
14) Большая буква въ началѣ словъ.
15) Сліяніе двухъ или трехъ словъ въ одно.
16) Правописаніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ.
17) Строчные и надстрочные знаки.

1. Удвоеніе согласныхъ.

Удвоеніе согласныхъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, противно духу русскаго языка; но это мнѣніе справедливо развѣ только въ отношеніи къ церковно-славянскому или древнему русскому языку, на что указываетъ ороографія: *бесъмени*, *бесловесьный*.

Нынѣшній языкъ, напротивъ того, показываетъ во многихъ случаяхъ склонность къ удвоенію согласныхъ. Такое удвоеніе происходитъ въ немъ либо по закону образованія словъ, либо по безотчетному требованію слуха.

По закону словообразованія произносятъ и пишутъ, напр., *беззаконный* (два удвоенія въ томъ же словѣ), *одиннадцать*, *оттереть*, *иззябнуть*, *поддать*, *раззадорить*, *ранній*, *гульливый*.

Однакожъ, когда могутъ встрѣтиться три или четыре согласныя рядомъ или когда составъ слова не такъ ясенъ, то иногда и въ выговорѣ и на письмѣ удвоеніе пропадаетъ. Мы говоримъ и пишемъ: *отворить* (вм. оттворить), *встать* (вм. взстать), *вступить* (вм. взступить), *разъвать*, *разинуть* (вм. раззѣвать, раззинуть), *разорить* (вм. раззорить). Въ двухъ послѣднихъ глаголахъ многіе, впрочемъ, пишутъ и два з.

Къ удвоенію согласныхъ должно относить и тотъ случай, когда въ слѣдствіе уподобленія звуковъ та же буква слышится два раза, хотя на письмѣ этого и не видно, напр. въ словахъ: *безсовѣстный*, *возстановить*, *изсушить*, *разсѣять*, *отдать*, *пріѣзжій*, *высшій*, *лучшій*.

Особенное явленіе представляетъ удвоеніе буквы н, безъ всякаго этимологическаго основанія, по прихоти слуха, въ страдательныхъ причастіяхъ и въ прилагательныхъ именахъ, напр.: *желанный*, *сказанный*, *приведенный*, *сожженный*, *спасенный*, *бездыханный*, *стеклянный*, *деревянный*, *огненный*, *мысленный*, *свойственный*, *искренній*, *внутренній*. Подобное встрѣчаемъ и въ другихъ языкахъ, напр. въ нѣмецкомъ и скандинавскихъ, гдѣ послѣ краткой гласной не только n, но и m часто удвояется, напр.

въ концѣ именъ существительныхъ: нѣм. mann, stamm, königinnen, шв. mannen, tummen, furstinna. У насъ въ нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ прилагательныхъ это удвоеніе такъ укоренилось, что отражается даже и въ сокращенной формѣ (*искрененъ*). Но въ вещественныхъ именахъ прилагательныхъ оно исчезаетъ, когда удареніе падаетъ не на предпослѣдній слогъ: *кóжиный, серéбряный, жестянóй*. Прилагательное отъ *солома* обыкновенно пишется *соломенный*, но правильнѣе было бы *соломяный*. *Масляный и вѣтряный* по смыслу должны отличаться отъ *масленный* или *масленый* (глаголъ *маслить*) и *вѣтренный* или *вѣтреный* (глаголъ *вѣтрить*): *вѣтреная* рыба и *вѣтряная* мельница. На фонетическомъ же основаніи почти всѣ пишутъ *гостинница*, хотя это слово происходитъ прямо отъ прилагательнаго *гостиный*. Въ другихъ случаяхъ подобныя удвоенія буквы н въ существительныхъ именахъ начинаются уже съ причастій: *воспитанникъ, священникъ, промышленность* отъ *воспитанный, священный, промышленный*. По произношенію же нѣкогда писали *истинна* (имя сущ.).

Что двойное н въ причастіяхъ страдательныхъ не составляетъ необходимости, доказывается другою формой, которую многіе изъ нихъ принимаютъ, когда они употребляются въ смыслѣ прилагательныхъ или существительныхъ: *вареный, жареный, каленый, толченый, ученый, береженый, суженый, званый, названый, приданое*.

Удвоеніе согласнаго звука находимъ также въ глаголѣ *итти*. Въ послѣднее время очень распространилось начертаніе *идти* или съ предлогами: *выйдти, дойдти, зайдти, найдти* и проч., но едва ли оно правильно. Въ этихъ предложныхъ глаголахъ являются невозможныя для русскаго языка звуки, ибо если каждое изъ этихъ словъ раздѣлить на слоги, то окажется либо: *выйд-ти, дойд-ти, зайд-ти*, либо: *вый-дти, дой-дти, зай-дти*; но *выйд, дойд, зайд* такъ же не согласно съ русской фонетикой, какъ и слогъ *дти*. Притомъ мы произносимъ *зайти, найти, пройти* и проч., а это уже показываетъ, что передъ послѣднимъ слогомъ нѣтъ удвоеннаго звука т. Дѣло очень просто: въ беспредложномъ глаголѣ

итти (который въ древнемъ языкѣ писался *ити*) первое т вставляется по прихоти слуха; въ предложныхъ же глаголахъ оно оказывается лишнимъ и слово принимаетъ свою первоначальную, правильную форму. Павскій справедливо считаетъ корнемъ глагола *итти* въ неопредѣленномъ наклоненіи одну букву и, а не слогъ ид, принадлежащій только настоящему времени [1]): трудно допустить, чтобы буква д въ неопредѣленномъ наклоненіи могла устоять передъ окончаніемъ ти и не измѣниться въ с, такъ какъ этому въ русскомъ языкѣ нѣтъ примѣра. Принимать же въ древнемъ языкѣ корень и, а въ новомъ ид нѣтъ основанія.

Писать ли два с въ словѣ *искусство*? По всей справедливости, одного с тутъ совершенно достаточно, потому что второго, при стеченіи столькихъ согласныхъ, не возможно слышать, послѣдняя же буква корня опускается и въ другихъ случаяхъ передъ окончаніемъ (см. ниже отдѣлъ 5). Тотъ, кто пишетъ *мущина, помѣщикъ*, впалъ бы въ противорѣчіе съ самимъ собою, если бъ не захотѣлъ писать *искуство*. Эта форма и была прежде господствующею въ нашей печати, по крайней мѣрѣ петербургской. Не забудемъ, что въ современномъ правописаніи вообще замѣтно стремленіе сближаться съ произношеніемъ и что такое сближеніе должно быть поддерживаемо, когда оно происходитъ на разумныхъ основаніяхъ. Кромѣ того, надобно заботиться и о возможномъ сокращеніи нашего письма, и такъ уже затрудняемаго излишнею долготою словъ, и безъ нужды нигдѣ не писать двойныхъ буквъ. Къ слову, нельзя здѣсь не коснуться начертанія *искустный*, встрѣчаемаго, къ сожалѣнію, нерѣдко у нѣкоторыхъ изъ нашихъ грамотеевъ. Мы бы могли указать на цѣлыя книги, гдѣ оно беспрестанно повторяется. Откуда берется тутъ т при корнѣ *кус* и окончаніи *ный*?

2. Правописаніе предлоговъ.

Правописаніе предлоговъ *воз*, *из*, *низ*, *раз* уже достаточно установилось: передъ глухими согласными (к, п, т, ф, х), передъ

[1]) *Фил. набл.* II, 113.

шипящими (ч, ш, щ) и передъ ц пишутъ *вос*, *ис*, *нис*, *рас*; а передъ звонкими удерживаютъ въ нихъ з, т. е. въ сліяніи съ другими словами эти предлоги пишутся такъ, какъ произносятся, исключая когда стоятъ передъ с. Не распространено это правило на одинъ предлогъ *безъ*: только не многіе пишутъ *беспокойный* и т. п. Но здравый смыслъ требуетъ, въ этомъ отношеніи, не отличать предлога *без* отъ остальныхъ того же окончанія, тѣмъ болѣе что начертаніе *бес* встрѣчается уже и въ древности (**беспечальство, бесплодьнъ**).

Къ вопросу о правописаніи предлоговъ слѣдуетъ отнести и тотъ случай, когда предлоги *раз* и *съ* дѣйствительно или видимо сходятся въ началѣ слова. Какъ писать: *разсчетъ*, *расчетъ*, или *разчетъ*? — *разсчитывать*, *расчитывать*, или *разчитывать*?

Разсчетъ, *разсчитывать* пишутъ тѣ, которые предполагаютъ, что предлогъ *раз* соединяется съ словами *счетъ*, *считывать*, а не *четъ*, *читывать*.

Посмотримъ, правы ли они, и для этого попробуемъ соединять то же слово съ другими предлогами. При этомъ мы увидимъ, что глагольная форма *честь* присоединяетъ къ себѣ предлогъ непосредственно, форма же *читать*, *читывать* — то такимъ же образомъ, то при посредствѣ предлога *съ*: *зачесть*, *начесть*, *пречесть*, *перечесть*, *отчесть*, *сочесть*; — *засчитывать* (или *зачитывать*), *насчитывать*, *насчитать*, *пересчитывать*, *пересчитать*, *отсчитывать*, *отсчитать*, *сосчитывать*, *сосчитать*; но *вычитывать*, *вычитать*. Изъ большинства случаевъ слѣдуетъ, что должно писать *рас-честь* и *разсчитывать*, *разсчитать*. Къ существительному корню *четъ* предлогъ также присоединяется прямо: *вычетъ*, *начетъ*, *зачетъ*, *отчетъ*, *расчетъ*. Чтобы яснѣе показать составъ слова при предлогѣ *раз* и такъ какъ въ иныхъ формахъ глагола этотъ предлогъ является въ неизмѣненномъ видѣ (*разочли*, *разочту*, *разочти*), то нѣкоторые не безъ основанія приняли такую ороографію: *разчетъ*, *разчесть*.

Такимъ же образомъ спрашивается, писать ли: *разсказывать*, *разсказъ*, или *расказывать*, *расказъ*, или наконецъ *разказывать*, *разказъ*? И здѣсь сомнѣніе устраняется приставленіемъ къ основ-

ному слову другихъ предлоговъ. Мы говоримъ: *высказывать, досказать, наказать, пересказывать, подсказывать*. Совсѣмъ другое значеніе имѣютъ глаголы: *выказывать, доказывать, наказать*. Слѣдовательно, всякій разъ когда основному слову въ этихъ соединеніяхъ придается значеніе рѣчи, мы употребляемъ глаголъ *сказать*, а не *казать*. По этой причинѣ единственно-вѣрнымъ правописаніемъ будетъ: *разсказывать, разсказъ*.

Напротивъ, въ словахъ *разпрашивать, разпросы* нѣтъ надобности вставлять еще предлогъ *съ*, какъ показываютъ глаголы *допрашивать, вопросить*, хотя съ другой стороны говорятъ: *выспрашивать, переспрашивать*.

Предлогъ *раз, рас* принимаетъ иногда, вмѣстѣ съ удареніемъ, форму *роз, рос*, напр. въ словахъ *рóзсыпь, рóзвальни, рóзыскъ, рóсказни, рóспись*. Нѣкоторые на этомъ основаніи удерживаютъ въ этомъ предлогѣ гласную о при сочетаніяхъ съ словами того же происхожденія даже и тогда, когда онъ не носитъ ударенія, и пишутъ: *розысканіе, роспиcка, расписаться;* но къ этому, очевидно, нѣтъ основанія; иначе, чтобъ быть послѣдовательнымъ, пришлось бы писать также: *розсказывать, розваливаться* и проч.

Въ древнихъ формахъ *вождел*ѣ*ніе, иждивеніе* сдѣлана уступка выговору словъ: *возжелѣніе* (возжеланіе), *изживеніе*, и фонетическое ихъ правописаніе издавна утвердилось.

Когда предлогъ *при*, въ сліяніи съ другимъ словомъ, стоитъ передъ гласною, то послѣдняя буква его обращается въ і, напр. *пріѣхать*. Немногіе отступаютъ отъ этого правила.

3. Буква Ы вмѣсто ЪИ.

Когда предлогъ, оканчивающійся дебелою согласною, сливается съ словомъ, которое начинается буквою и, то въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ пишутъ ъи, въ другихъ ы, напр. *предъидущій* и *взыскивать*. Ясно, что для такого различія нѣтъ никакого основанія, и что какъ скоро вмѣсто ъи можно разъ написать ы, то это слѣдуетъ дѣлать и *вездѣ*. Буква ы, сама по себѣ, всегда

и повсюду есть не что иное какъ ъи и для того единственно придумана, чтобы сокращенно изображать это сочетаніе. Итакъ пишите смѣло: *безыменный*, *безызвѣстно*, *предыдущій*, *розыгрышъ*, *сыскной*, какъ пишете уже: *взыскивать*, *обыскъ*, *отыскать* и проч. Этого требуютъ и логика и произношеніе.

Не удерживайте также *ера* при предлогахъ передъ другими чистыми гласными; не пишите *съузить*, *съумѣть*, какъ не пишете *съумасшедшій*, *объуза*, *отъучить*, *разъумъ*; на общемъ основаніи должно писать: *сузить*, *сумѣть*. Послѣ предлоговъ *воз* и *раз* буква ъ даже и немыслима, потому что они вовсе не употребляются отдѣльно. Совсѣмъ другое дѣло такія слова какъ *съёмка*, *объѣздъ*, *отъявленный*, гдѣ ъ необходимъ для правильнаго произношенія слѣдующей за нимъ двоегласной.

4. Уподобленіе звуковъ.

Въ предложномъ падежѣ един. числа мужескихъ именъ на *ій* и среднихъ на іе, въ дательномъ и предложномъ един. же числа женскихъ на ія уподобленіе звуковъ требуетъ окончанія іи, напр. при *Василіи*, въ *имѣніи*, къ *Софіи*, въ *Россіи*, а не: при *Василіѣ* и т. д. Но когда і сокращается въ ь, тогда возможность уподобленія исчезаетъ[1]) и предложный падежъ такихъ именъ, по общему правилу, оканчивается на ѣ.

Смѣшивая е съ і, нѣкоторые, по недоразумѣнію, пишутъ также: по аллеи, въ идеи вм. *по аллеѣ*, *въ идеѣ*. (Кстати, упомяну здѣсь мимоходомъ о встрѣчающемся довольно часто невѣрномъ правописаніи: къ обѣдни вм. къ *обѣднѣ*, на недѣли вм. на *недѣлѣ*).

Въ предложныхъ глаголахъ несовершеннаго вида на *áть* и *я́ть*, у которыхъ въ коренномъ слогѣ о, правописаніе иногда обращаетъ эту гласную въ а, сообразуясь съ произношеніемъ гласной окончательнаго слога. Такъ всѣ пишутъ *полагать* вм. пологать (ср. положить). Нѣкоторые на томъ же основаніи приняли

[1]) Ср. Разборъ *Толковаго Словаря* Даля, стр. 44 и 45.

ороографію: *догарать*, *покланяться*, *поглащать* и даже, въ безпредложномъ глаголѣ, *раждать*. Однакожъ большинство пишетъ въ этихъ случаяхъ о, подобно множеству другихъ глаголовъ, гдѣ такое измѣненіе никѣмъ не принято, и для единообразія лучше сохранить это правописаніе, предоставивъ а одному глаголу *полагать*, согласно съ утвердившимся обычаемъ. Ту же двоякую гласную видимъ въ глаголахъ одного корня, но разнаго вида: *касаться* и *коснуться*.

Уподобленіе звуковъ отражается также на гласной и, когда она, подъ вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ, произносится какъ ы въ словахъ: *дыра*, *Давыдъ*, *латынь*, которыя такъ и слѣдуетъ писать, исключая развѣ того случая, когда *Давидъ* является не русскою, а церковно-славянскою формою имени.

Иное представляютъ слова *скрыпѣть* и *скрыпка*, въ которыхъ мы на письмѣ, вопреки общему выговору и безъ достаточной причины, замѣняемъ ы буквою и. Въ этихъ словахъ ы беретъ верхъ, по видимому, въ слѣдствіе особеннаго фонетическаго закона, по которому ни одно русское слово не начинается слогомъ *ри*, тогда какъ *ры* въ началѣ словъ очень обыкновенно. По этому же мы произносимъ *крыло* (ц.-сл. крило), *рынокъ* (отъ герм. ring), *крынка* вм. *кринка*, *скрыпъ* вм. *скрипъ*, *охрыпъ* вм. *охрипъ*. Даже и въ окончаніяхъ словъ замѣчается иногда та же наклонность: въ старину говорили и писали, напр., *товарыщъ*, форма, часто встрѣчающаяся въ раннихъ сочиненіяхъ Крылова. Замѣчательно, что и въ польскомъ нѣтъ словъ, начинающихся съ ri, но есть много такихъ, которыя начинаются съ ry (ры) и съ rzy (ржы).

5. Встрѣча зубныхъ (З, С, Ж) съ Щ въ окончаніяхъ.

Въ словахъ *прикащикъ*, *подрядщикъ* и др. многіе на письмѣ разлагаютъ щ на зч и сч, тогда какъ они же пишутъ *извощикъ*, *помѣщикъ*, *рѣщикъ*. Для единообразія надобно согласиться писать во всѣхъ такихъ случаяхъ щ, потому что въ нихъ производственное окончаніе *щикъ*, означающее дѣятеля (ср. *ямщикъ*, *гребен-*

щикъ, *спорщикъ*), остается неприкосновеннымъ, а опускается, ради легкости выговора, предыдущая согласная. Отъ нихъ можно бы отличить слово *образчикъ* (уменьшит. отъ *образецъ*), гдѣ окончаніе *чикъ*, результатъ умягченнаго ц (ср. конецъ, кончикъ), ничего не имѣетъ общаго съ прежде упомянутымъ *щикъ*; но для избѣжанія слишкомъ тонкихъ отличій лучше и это слово писать *обращикъ* [1]).

Могутъ сказать, что послѣ буквъ з и с окончаніе *щикъ* передѣлывается въ *чикъ*, такъ же какъ послѣ д и т, напр. въ словахъ: *переводчикъ*, *переплетчикъ*, и что потому надобно писать: *приказчикъ*, *переписчикъ*. Повѣрить въ разсматриваемыхъ словахъ дѣйствительную форму окончанія нѣтъ возможности: при существованіи же одной буквы для выраженія сложнаго звука, лучше въ сомнительномъ случаѣ и пользоваться этою буквою, нежели писать двѣ, а иногда и три, какъ было бы, напр., въ словѣ *помѣстчикъ*.

Въ такомъ же положеніи слово *мущина*, въ которомъ окончаніе остается въ чистомъ видѣ (ср. *женщина*), а отбрасывается передъ нимъ буква ж. Въ прилагательномъ *мужской*, отъ котораго произведено это существительное, буква ж исчезаетъ только въ произношеніи.

Разложеніе звука щ на сч или зч останется только въ началѣ словъ для означенія корня ихъ въ соединеніи съ предлогомъ *съ* (*счастіе*, *считать* и проч.) и въ немногихъ другихъ случаяхъ, гдѣ обычай утвердилъ однообразное начертаніе: *писчій*, *песчаный*, *неотвязчивый*, *рѣзче* (хотя всѣ пишутъ *чаще*, вм. часче, и даже *слаще*, вм. сладче).

6. Употребленіе О послѣ шипящихъ Ж, Ч, Ш, Щ и послѣ Ц.

Еще въ 1808 году Востоковъ замѣтилъ, что буквы ж, ч, ш, щ «не имѣютъ ни дебелаго, ни тонкаго, а одно среднее произношеніе» и потому въ сущности не принимаютъ ни ъ, ни ь, и въ

[1]) Ср. *Филол. Разысканія* Я. Грота, стр. 364, 365.

доказательство приводилъ, что онѣ не слагаются ни съ дебелою гласною ы, ни съ тонкими ё, ю, я: «слѣдовательно, прибавляетъ онъ, ъ и ь приписывается къ нимъ совершенно напрасно» [1]). На этомъ основаніи происходитъ, что когда за ж, ч, ш, щ слѣдуетъ е и по общему закону произношенія иногда обращается въ ё, то эти согласныя не отончаются и звукъ о сливается съ ними почти точно такъ, какъ съ дебелыми, т. е. мы слышимъ слоги, почти вполнѣ соотвѣтствующіе начертаніямъ *жо*, *чо*, *шо*, *що*. Поэтому такое правописаніе уже и утвердилось въ нѣкоторыхъ случаяхъ; всѣ давно пишутъ: свѣ*жо*, у*жо*, чу*жой*, об*жо*ра; горя*чо*, пле*чо*, *чо*порный; хоро*шо*, боль*шой*, мень*шой*, *шо*рохъ; тру*що*ба. Въ слѣдствіе этого нѣкоторые стали, при такомъ произношеніи, вездѣ писать о: *жолтый*, *жоны*, *счотъ*. *чорный*, *учоный*, *самъшостъ*, *пшонный*, *щоку*, *возвращонъ*.

Случаи подобнаго правописанія встрѣчаются въ нашей печати съ самаго введенія гражданской азбуки; его иногда позволяли себѣ не только Тредіаковскій, но и Ломоносовъ. Между тѣмъ надобно согласиться, что употребленіе этого правописанія во многихъ случаяхъ такъ противно чувству грамматическаго приличія и общему характеру нашей преимущественно-этимологической ороографіи, что такія начертанія едва ли когда-нибудь могутъ сдѣлаться общепринятыми. Но гдѣ же положить границу употребленію о послѣ ж, ч, ш, щ? Это употребленіе колетъ глазъ: 1) въ корнѣ слова, всякій разъ когда, при малѣйшемъ измѣненіи флексіи или нѣсколько иномъ словообразованіи, на мѣстѣ о является чистое е, напр., паралельно къ приведеннымъ выше примѣрамъ, въ словахъ: *жена*, *желтá*, *счесть*, *чернь*, *ученіе*, *шестой*, *пшено*. *щека*, *возвращеніе*; или напр. въ словахъ *четъ* и *нечетъ*; 2) когда буква о является въ такихъ образовательныхъ или флективныхъ окончаніяхъ, гдѣ по законамъ языка она вовсе не можетъ стоять. Какъ можно напр. писать: влеч*ошь*, теч*оте*, ш*олъ*, полож*оный*, разрѣш*онный*, мыш*онокъ*, когда мы знаемъ, что во всѣхъ являю-

---

[1]) Борна *Краткое руководство къ росс. словесности*, 10.

щихся тутъ окончаніяхъ о составляетъ фальшь; что глаголы въ спряженіи наст. вр. оканчиваются на *ешь*, *етъ*, *емъ*, и т. д.; глаголы извѣстнаго разряда въ прош. вр. на *елъ*; причастія страдательныя — на *еный*, *енный*, уменьшительныя имена молодыхъ животныхъ на *енокъ*, а не на *ошь*, *отъ*, *омъ* и пр., не на *оный*, *онный*, не на *онокъ*, что́ сейчасъ обнаружится, когда возьмемъ въ примѣръ слово, гдѣ этимъ окончаніямъ предшествуютъ не шипящія, а другія буквы, напр. бер*ешь*, *вареный*, *львёнокъ*, или, еще яснѣе, когда перемѣнимъ удареніе, напр. *поло́женный*.

Отсюда естественно вытекаетъ правило, что послѣ шипящихъ буквъ можно писать слышимое тутъ о только въ тѣхъ случаяхъ: 1) когда въ коренномъ слогѣ не легко обнажается противящаяся такой ороографіи первоначальная гласная е; напр. въ словахъ: *чопорный*, *прожора*, *шорохъ*; 2) когда въ окончаніяхъ буква о не противна этимологическимъ формамъ, слѣдовательно въ прилагательныхъ: *большой*, *чужой;* въ нарѣчіяхъ: *свѣжо*, *хорошо*; въ существительныхъ: *плечо*, *душой*, *свѣчой*, *ножомъ*, *мечомъ*, *плащомъ;* въ нѣкоторыхъ уменьшительныхъ или имѣющихъ ихъ форму: *кружокъ*, *вершокъ*, *сверчокъ* и т. д.

Въ предложномъ падежѣ мѣстоименія *что* (въ *чемъ*), хотя окончаніе *омъ* и не было бы противно флексіи другихъ мѣстоименій, но оно не согласуется съ окончаніями прочихъ падежей того же мѣстоименія (*чего*, *чему*) и потому неумѣстно.

Что касается до буквы ц, то она, въ отношеніи къ сочетанію съ твердыми гласными, давно уже отличена отъ шипящихъ. Она терпитъ за собою даже ы; слѣдовательно ей нѣтъ никакой причины чуждаться о, которое и пишутъ послѣ нея всякій разъ, когда на этомъ мѣстѣ удареніе, напр. *лицо*, *концомъ*, *купцовъ*[1]).

---

[1]) Уже Ломоносовъ писалъ: «лице или лицо». (*Грам.*, § 149); онъ же писалъ *плечо*, *горшокъ*, *сверчокъ*, *мѣшокъ* (§§ 179, 197). О словѣ *лицо* мимоходомъ позволю себѣ одно замѣчаніе, которое не относится къ ороографіи. Когда *лицо* означаетъ человѣка, то въ винит. падежѣ множ. числа въ наше время говорятъ и пишутъ *лицъ*, напр. избрать способныхъ *лицъ*; но это невѣрно. Правило, которымъ при этомъ оправдываются, относится только къ именамъ мужескаго и женскаго рода; у существит. же средняго рода винительный множ. бываетъ

Въ противномъ случаѣ, т. е. при отсутствіи надъ этимъ слогомъ ударенія, пишутъ е, напр. *зеркальце*, *перцемъ*, *иностранцевъ*, *улицею*. Однакожъ въ словѣ *танцовать* ставится о, на томъ основаніи, что тутъ ясно слышится широкая гласная и что наст. время изъяв. накл. имѣетъ форму *танцую*, а не *танцюю*. Но по настоящему въ неударяемыхъ окончаніяхъ *це*, *цемъ*, *цевъ*, *цею* также слышится не е, а средній звукъ между а и о, и потому тутъ также можно бы писать о, употребляя е только въ такомъ случаѣ, когда оно дѣйствительно замѣтно въ произношеніи, напр. въ словахъ *лицевой*, *лицемѣръ*, *свѣценосецъ*. Такъ какъ однакоже установленное обычаемъ различіе въ употребленіи о и е послѣ ц имѣетъ свою хорошую сторону, именно служитъ указаніемъ относительно ударенія, то лучше сохранить это двоякое правописаніе.

Не совсѣмъ удобно только писать *це* въ фамильныхъ именахъ, особенно старинныхъ родовъ, напр. въ имени *Румянцевъ*, такъ какъ въ слѣдствіе введенія такого различія нѣкоторыя изъ нихъ пишутся теперь уже не такъ, какъ писались тѣми, которые ихъ носили. По настоящему, слѣдовало бы держаться правила писать фамильныя имена историческихъ дѣятелей безъ измѣненія современной имъ ороографіи.

Когда въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ, звукъ и слѣдуетъ послѣ ц, то на письмѣ соблюдается различіе между словами, сохранившими у насъ свой первоначальный видъ, и передѣланными на русскій ладъ или взятыми съ польскаго: въ первыхъ пишется *ци*, въ послѣднихъ *цы*, напр.:

Цифра, цилиндръ, цитадель, медицина, капуцинъ.

Цыганъ, цыфирь, цырюльникъ.

7. Смѣшеніе шипящихъ.

Въ употребленіи ч и щ, ж и щ иногда ошибаются отъ не-

сходенъ съ именительнымъ, напр. Богъ одарилъ разумныя *существа* памятью. Отличаются въ этомъ отношеніи только имена ср. рода, которыя имѣютъ форму прилагательныхъ, напр. изучать *животныхъ*, рисовать *четвероногихъ*.

вниманія къ производству и къ закону умягченія согласныхъ. Произношеніе бываетъ, въ этихъ случаяхъ не всегда надежнымъ руководителемъ. Такъ нѣкоторые пишутъ: *пряниишый*, *прачешная*, *башмашникъ*, *яишница*, *горчишница*, теряя изъ виду, что тутъ ш только слышится, точно такъ же какъ въ словахъ *скучно*, *нарочно*, и что приведенныя имена происходятъ отъ *пряникъ*, *прачка*, *башмакъ*, *яйцо*, *горчица*, въ которыхъ к и ц, при дальнѣйшемъ словообразованіи, должны обратиться въ ч. Несправедливо также писать *ляшка* вм. *ляжка* (отъ *ляга*, *лядвея*).

Женскія отчества, происходящія отъ именъ Илья, Козьма, Никита, Ѳома, должны также писаться: *Ильинична*, *Козьминична*, *Никитична*, *Ѳоминична*, потому что въ основѣ этихъ именъ, какъ и у болѣе обыкновенныхъ: *Ивановна*, *Васильевна*, остается мужеское окончаніе.

Слово *вяшій* правильнѣе было бы писать *вящшій*, потому что слогъ *шій* составляетъ тутъ нераздѣльное цѣлое, какъ принадлежность сравнительной степени (ср. лучшій и польск. większy); но первая форма, болѣе краткая и согласная съ выговоромъ, предпочтительна, такъ какъ корень этого слова русскому языку чуждъ и оно уже въ древнихъ рукописяхъ встрѣчается безъ ш: вящии, вяще, иначе: вяштии, вяште.

8. Окончанія прилагательныхъ именъ.

Окончанія *ый* въ именительномъ падежѣ един. числа прилагательныхъ мужескаго рода и *ій* послѣ гортанныхъ и шипящихъ буквъ (*кій*, *хій*, *шій*), когда эти окончанія носятъ удареніе, давно уже выходятъ изъ употребленія и уступаютъ мѣсто формѣ *ой*. Нынче почти всѣ пишутъ: *святой*, *хромой*, *второй*, *роковой*, *какой*, *сухой*, а не *святый*, *какій* и проч., хотя эти послѣднія формы еще и вошли въ академическій словарь 1840-хъ годовъ.

Послѣ такой уступки выговору въ именительномъ падежѣ прилагательныхъ нѣтъ причины слишкомъ упорно стоять за *аго* въ родительномъ, когда удареніе падаетъ на предпослѣдній слогъ

и слышится *ова*[1]). Если большинство давно уже пишетъ *какого*, *такого*, то непонятно, почему нельзя писать также: *другого*, *иного*, *молодого*, *большого*. Противъ этого можно сдѣлать только одно замѣчаніе, именно что въ такомъ случаѣ, при окончаніи *ій* въ муж. родѣ, придется въ род. пад. ед. числа иногда писать *его*, вм. *яго*, напр. *третьёго-дня*. Но что же въ томъ за бѣда? Вѣдь есть и другіе случаи, въ которыхъ буква я ударяемая произносится какъ ё, напр. вмѣсто *запрягъ*, *потрясъ* говорятъ *запрёгъ*, *потрёсъ*. Притомъ въ мѣстоименіяхъ родительный падежъ и безъ того кончается на *ого* и *его*. Правило кончать родительный падежъ един. числа мужескаго рода на *ого* (по примѣру мѣстоименія *тотъ*) въ словахъ *самъ*, *этотъ*, *одинъ*, какъ имѣющихъ мѣстоименное, а не прилагательное окончаніе, вполнѣ разумно и вмѣстѣ съ тѣмъ полезно въ практическомъ отношеніи (*самого* отъ *самъ* — не то, что *самаго* отъ *самый*).

Здѣсь кстати отмѣтить одну очень обыкновенную невѣрность въ начертаніи прилагательныхъ именъ относительныхъ. Такія имена, образованныя отъ женскихъ собственныхъ (личныхъ или и мѣстныхъ) — *Анна*, *Екатерина*, *Пенза*, по большей части пишутся съ окончаніемъ *енскій*. Но чтобы убѣдиться въ неправильности его, надобно понять образованіе подобныхъ относительно-притяжательныхъ именъ. Въ основаніи ихъ лежатъ *лично*-притяжательныя, которыя образуются: отъ муж. именъ съ помощію слога *овъ* или *евъ* (Иван-*овъ*, Сергѣ-*евъ*, Василь-*евъ*), а отъ женскихъ съ помощью слога *инъ* (Анн-*инъ*, Екатерин-*инъ*, Пенз-*инъ*). Для полученія же относительнаго имени, къ лично-притяжательному, въ обоихъ родахъ, прибавляется еще слогъ *скій*, и такимъ образомъ составляются имена: Анн-*ин-скій*, Екатерин-*ин-скій*, Пенз-*ин-скій*. Слогъ *ен* не имѣлъ бы тутъ никакого этимологическаго значенія, а слѣдовательно и оправданія. Въ доказательство правильности показаннаго производства, стóитъ только взять такія имена, у которыхъ удареніе падаетъ на образовательный

---

[1]) Уже и Павскій сказалъ: «Ежели пишемъ *худой* вм. худый, то почему не писать *худого* или *худово* вм. худаго?» (*Фил. Набл.*, I. § 112).

предпослѣдній слогъ: Алесандр-*ин*-скій, Балахн-*ин*-скій, Бугульм*ин*-скій. Да притомъ никто не напишетъ: Елисаветенскій, Маріенскій: зачѣмъ же писать: Анненскій, Пензенскій? [1]).

9. Глагольныя окончанія и формы.

Глагольныя окончанія опредѣляются положительными законами, отъ которыхъ нельзя отступать въ угоду неопредѣленному или неправильному произношенію. Между тѣмъ такія отступленія дѣлаются нерѣдко.

1) Относительно настоящаго (будущаго) времени изъявительнаго наклоненія есть законъ, не допускающій ни одного исключенія: когда въ един. числѣ *ишь*, *итъ* и т. д., то во множ. *ятъ* или *атъ;* когда въ един. *ешь*, *етъ*, то во множ. *ютъ* или *утъ*; тѣ и другія окончанія всегда сооотвѣтствуютъ извѣстнымъ формамъ неопред. накл.[2]) Слѣдовательно, при существующей въ русскомъ языкѣ неопредѣленности произношенія неударяемыхъ гласныхъ, необходимо повѣрять эти окончанія одни другими и не писать, напр., *колеблятъ*, *хлопочатъ*, *держутъ*, *клеютъ*, *строютъ*, *безпокоютъ*, *надѣятся*, *сѣятъ*, *морочутъ*, вм. *колеблютъ*, *хлопочутъ*, *сѣютъ*,

---

[1]) Объ этомъ въ первый разъ было упомянуто мною въ замѣткѣ, напечатанной въ *Сборникѣ Отдѣленія русск. яз. и словесн.*, т. VIII, стр. xiii. Тамъ, между прочимъ, было сказано: «отъ собственныхъ именъ прилагательныхъ образуются: 1) лично-притяжательныя: *Петр-овъ*, *Алексѣ-евъ*, *Марі-инъ*; 2) лично-относительныя: *Петр-ов-скій*, *Алексѣ-ев-скій*, *Марі-ин-скій*; 3) мѣстно-относительныя: *Клин-скій*, *Твер-ской*, *Кам-скій*. Отсюда видно, что лично-относительныя образуются помощію двухъ приставокъ, изъ которыхъ послѣдняя *скій* присоединяется къ лично-притяжательному — при муж. окончаніи *овъ*, при женскомъ *инъ*. Такъ производятъ прилагательныя и отъ иностранныхъ именъ: *Шекспир-ов-скій*, *Гомер-ов-скій*, *Виргилі-ев-скій*. Напротивъ, мѣстно-относительныя прилагательныя образуются присоединеніемъ окончанія *скій* прямо къ имени: *Петербург-скій*, *Нев-скій*. Таковъ общій законъ образованія. Случается однакожъ, что, ради облегченія выговора, у лично-относительныхъ опускается слогъ *ов* или *инъ*, напр. *Владимір-скій*, *Гофман-скій*, *Софій-скій*, и наоборотъ, у мѣстно-относительныхъ слогъ *овъ* или *инъ* вставляется, напр. *Днѣпр-ов-скій*, *Торжк-ов-скій*, *Балахн-ин-скій*, *Бугульм-ин-скій*, *Пенз-ин-скій*. Въ первомъ случаѣ опущеніе посредствующаго слога, а во второмъ вставка его должны быть отнесены къ числу довольно рѣдкихъ явленій».

[2]) См *Филол Разысканія* Я. Грота, стр. 311 и д.

надѣются, *морочатъ*, *держатъ*, *клеятъ*, *строятъ*, *безпокоятъ*, потому что въ един. числѣ *колеблешь*, *хлопочешь*, *сѣешь*, *надѣешься*, *морочишь*, *клеишь*, *строишь*, *безпокоишь*.

Иногда ошибаются въ обоихъ числахъ; такъ въ обычай вошло писать: *дышетъ*, *дышутъ*, тогда какъ слѣдуетъ писать: *дышитъ*, *дышатъ*, какъ *слышишь*, *слышатъ*, *значишь*, *значатъ*. Форма *дышешь* тоже существуетъ, но она принадлежитъ неупотребительному глаголу *дыхать* (какъ *пашешь* — *пахать*[1]), *пышешь* — *пыхать*).

Съ окончаніями изъявительнаго наклоненія необходимо соображать и формы причастій; поэтому неправильны начертанія: *малозначущій*, *огнедышущій*, *стоющій* вм. — *ащій*, — *ящій*. Форму *стоющій* позволяютъ себѣ нѣкоторые для отличія отъ *стоящій*[2]); но писать неправильно, чтобы отличать одно слово отъ другого, несогласно съ общими требованіями правописанія. Для этого есть другое, законное средство, именно знакъ ударенія, которымъ, при встрѣчающейся надобности, не для чего пренебрегать: въ настоящемъ случаѣ должно писать *стóящій*. Собственно, и въ неопредѣленномъ наклоненіи слѣдовало бы писать: *стóять*, а не *стоить*; но въ этой послѣдней формѣ нѣтъ по крайней мѣрѣ вопіющей неправильности: эта форма возможна.

Что въ обоихъ значеніяхъ является одно и то же слово *стоять*, различаемое только удареніемъ, это легко доказать: во 1-хъ, въ томъ же двоякомъ смыслѣ употребляется глаголъ *стать*: «во что вамъ это *стало?*» говорятъ вмѣсто: *что стоило?* во 2-хъ, такъ употребляется соотвѣтствующій глаголъ и въ другихъ языкахъ: лат. *constare* (въ значеніи стоить) далъ начало германскому kosten, фр. coûter, ит. costare; такимъ же образомъ Нѣмцы употребляютъ свой глаголъ stehen; zu stehen kommen значитъ стать, обойтись во что. Въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1840-хъ годовъ и была попытка писать въ обоихъ случаяхъ *стоять*, но это правописаніе не нашло послѣдователей.

---

[1]) См. *Филол. Разысканія*, стр. 328.

[2]) См. тамъ же, стр. 44.

2) Въ глаголахъ на *овать* и *ывать* должно съ разборомъ употреблять эти два окончанія. Окончаніе *овать* принадлежитъ особенно двумъ разрядамъ глаголовъ, образованнымъ: а) отъ существительныхъ и прилагательныхъ именъ (*вѣровать*, *зимовать*, *миловать*) и б) отъ иностранныхъ глаголовъ (*арестовать*, *командовать*). Окончаніе *ывать* свойственно многократному или, при соединеніи глагола съ предлогомъ, несовершенному виду глаголовъ разнаго образованія и обыкновенно служитъ признакомъ, что можно сокращеніемъ окончанія низвести глаголъ на степень несовершеннаго или, при предлогѣ, совершеннаго вида: такъ изъ *дѣлывать* можно составить *дѣлать*, изъ *проповѣдывать* — *проповѣдать*, изъ *обманывать* — *обмануть*, изъ *наказывать* — *наказать*, изъ *образовывать* — *образовать*.

Послѣ этого спрашивается: правильна ли форма *обнародывать*, такъ какъ она не можетъ сокращаться? Можетъ ли она быть допускаема рядомъ съ другою, *обнародовать?* Первая обыкновенно употребляется для означенія вида несовершеннаго, позволяющаго поставить глаголъ въ настоящемъ времени: *обнародываю*. Обычай узаконилъ эту форму; но для оправданія ея необходимо предположить въ ней эвфоническое опущеніе одного слога, т. е. принять, что такъ произнесенъ слишкомъ трудный для выговора глаголъ: *обнародовывать*; тогда форма *обнародывать* можетъ быть приравнена къ глаголамъ *образовывать*, *разрисовывать* и др.

По-настоящему форма *обнародовать* сама по себѣ не заключаетъ въ себѣ значенія совершеннаго вида, точно такъ же, какъ и форма *образовать*, потому что нѣтъ глаголовъ *народовать*, *разовать*; но первый изъ этихъ простыхъ глаголовъ можно, по крайней мѣрѣ, предположить; второй же совершенно невозможенъ, потому что предлогъ *объ* принадлежитъ уже къ составу имени, изъ котораго образованъ глаголъ. Причина неправильнаго пониманія кратности дѣйствія въ глаголѣ *образовать* кроется въ привычкѣ соединять понятіе совершеннаго вида съ предложными глаголами этой формы (*об—радовать*, *о—сновать*, или, иначе говоря, причиною служитъ тутъ аналогія, неправильно примѣ-

пенная къ глаголу *образовать*: но, какъ бы ни было, въ слѣдствіе подобнаго пониманія его допущена форма *образовывать*, а на томъ же основаніи можно допустить и потребность въ формѣ *обнародывать*.

Совсѣмъ другое представляетъ часто встрѣчающійся въ нашей печати глаголъ *совѣтывать*, образованный отъ существительнаго *совѣтъ*. Эта форма ничѣмъ не оправдывается, такъ какъ съ другою правильною формой *совѣтовать* не соединяется въ употребленіи понятіе совершеннаго вида и слово *совѣтую* можетъ имѣть только значеніе настоящаго времени; для образованія же совершеннаго вида и будущаго времени, въ распоряженіи говорящаго находятся предлоги *по*, *при*, *отъ*.

Впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ надобно помнить древнее родство окончаній *овать* и *ывать*, которыя иногда встрѣчаются въ одномъ и томъ же глаголѣ, смотря по тому, принадлежитъ ли форма цер.-слав. или русскому языку (*проповѣдовати*, *испытовати*, *связовати*). То же отражается и въ настоящемъ времени, которое еще и теперь иногда употребляется двояко: *проповѣдую* и *проповѣдываю*, *испытую*, *обязую* и т. п. рядомъ съ болѣе употребительными формами на *ываю*[1]).

3) Одни пишутъ *раскаиваться*, *разсѣивать*, другіе — *раскаяваться*, *разсѣявать*, третьи — *раскаеваться*, *разсѣевать*. Что правильнѣе? Для рѣшенія этого вопроса, здѣсь важнымъ указаніемъ служитъ удареніе. Въ простыхъ глаголахъ *каять*, *сѣять*, какъ и въ глаголахъ *таять*, *чаять*, *смѣяться*, корень составляютъ слоги *ка*, *сѣ*, *та*, *ча*, *смѣ*: если бъ къ корню принадлежала и гласная я, то для образованія многократнаго вида вставлялся бы слогъ *ва́* (съ удареніемъ), какъ въ глаголахъ *да-ва-ть*, *зна-ва-ть*; но въ настоящемъ времени буква я отпадаетъ, и въ неопредѣленномъ накл. многократнаго вида она должна замѣняться неударяемою вставкою *ива*, соотвѣтствующею слогамъ *ыва*, всегда остающимся безъ ударенія въ другихъ глаголахъ (*игрывать*, *дѣ*-

---

[1]) *Русская Грамм.* А. Востокова. Спб. 1839, стр. 141.

лывать). Итакъ правильно только первое изъ трехъ указанныхъ начертаній: *оттаивать*, *отчаиваться*, *осмѣивать*. У нѣкоторыхъ изъ подобныхъ глаголовъ предложный несовершенный видъ образуется и иначе, т. е. вставкою слога *ва́* (съ удареніемъ): *посѣва-ть*, *затѣ-ва-ть* (отъ *затѣять*: *затѣивать* неупотребительно). Въ глаголѣ *сіять* буква я принадлежитъ къ корню; она не исчезаетъ въ настоящемъ времени (*сіяю*) и въ многократной формѣ, которая потому и образуется также вставкою *ва́* (*осіява́ть*).

4) Неопредѣленность неударяемыхъ гласныхъ подаетъ часто поводъ къ ошибочнымъ окончаніямъ страдательныхъ причастій. Пишутъ: *услышенъ*, *окончанъ*, *смѣшены*, *развѣшаны*, вм. *услышанъ*, *конченъ*, *смѣшаны*, *развѣшены*. Чтобы не ошибаться въ этихъ случаяхъ, необходимо справляться съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ и помнить, что окончанію *ать* соотвѣтствуетъ въ этомъ причастіи *анъ*, а окончанію *ить* — *енъ*. Когда неопред. накл. кончается, смотря по виду, то на *ать*, то на *ить* (*кончать*, *кончить*), то причастіе образуется только отъ послѣдняго (*конченъ*). *Слышанъ* отличается отъ *слышенъ* тѣмъ, что первое — причастіе, а второе краткое прилагательное; въ жен. родѣ *слышана* — *слышна*. *Развѣшенъ* должно писаться съ е, ибо образовано отъ *развѣсить*, а не отъ *развѣшать*.

Въ причастіяхъ *разсмотрѣнъ*, *заподозрѣнъ* нѣкоторые пишутъ е, и не совсѣмъ безъ основанія, такъ какъ простые глаголы *смотрѣть* и *зрѣть* имѣютъ въ разныхъ нарѣчіяхъ и другую форму съ отличительною гласною и вмѣсто ѣ (ср. ц.-сл. съмотрити и народ. русск. *зрить*). Но такъ какъ образованный языкъ знаетъ только форму ихъ съ буквою ѣ, то въ обычай вошло ставить ее и въ причастіяхъ, подобно тому какъ пишутъ: *презрѣнъ*, *призрѣнъ*, *велѣно* и проч.

Двоякое окончаніе въ неопредѣленномъ наклоненіи имѣетъ также глаголъ *обидѣть* (обидити, ц.-сл.), но употребительна только первая, съ ѣ; причастіе же страдательное образуется съ умягченіемъ буквы д, *обиженъ*. Такъ и отъ гл. *вертѣть* причастіе *верченъ*.

Малоупотребительное причастіе *видѣнный* (отъ гл. *видѣть*)

вовсе не употребляется въ краткой формѣ (*видѣнъ*). Съ этою послѣдней не должно смѣшивать прилагательнаго краткаго *виденъ*, которое иные ошибочно пишутъ съ буквою ѣ, забывая, что въ жен. родѣ говорятъ *видна*, сред. *видно*, мн. ч. *видны*, и что въ этихъ формахъ причастное ѣ не могло бы исчезнуть. Притомъ *виденъ* управляетъ дательнымъ падежомъ (кому), причастіе же страдательное сочетается всегда съ творительнымъ (кѣмъ).

Въ своемъ мѣстѣ была уже показана подобная же ошибка правописанія въ прилагательномъ *боленъ* (которое иные неправильно пишутъ съ буквою ѣ).

Причастію отъ глагола *жечь* нѣкоторые даютъ ошибочную форму *зженый* (вѣроятно по аналогіи съ словами *ѣзжу*, *возжи*); но они теряютъ изъ виду корень этого глагола, который обнаруживается въ настоящемъ времени *жгу*. Причастіе было бы слѣдовательно *жгенъ*, но г при этомъ умягчается въ ж, и происходитъ форма *жженъ*, такъ же какъ въ наст. вр. *жжешь*, *жжетъ* и т. д.

Причастіе *отверстый* съ буквою е представляетъ весьма древнюю форму (отъ гл. *отъврѣсти*).

О неправильномъ окончаніи причастій на *онный* при предыдущей шипящей буквѣ (сбережонный, лишонный), было уже говорено выше въ отдѣлѣ о гласныхъ е и о послѣ этихъ буквъ.

Писать ли *плотишь* вм. *платишь*? Изъ многихъ глаголовъ которые въ народномъ языкѣ подвергаются такому измѣненію гласной (см. выше, стр. 333), только *платить* перешелъ въ литературную рѣчь съ формами *плотишь*, *заплочено* и проч. Всякій, кто такъ произноситъ, можетъ позволять ихъ себѣ и на письмѣ.

10. Ъ и Ь въ концѣ словъ.

1) Послѣ шипящихъ:

Извѣстно, что въ древности послѣ шипящихъ въ концѣ слова всегда писалось ь; но смѣшеніе въ этомъ случаѣ ъ и ь началось

уже очень рано. Смотрицкій предписываетъ на этотъ счетъ довольно сбивчивыя правила. Въ практическомъ отношеніи очень удобно, хотя и не основано на различіи въ звукахъ, господствующее нынѣ правило, которое предлагали еще Свѣтовъ и Сумароковъ, которое отчасти соблюдалъ уже и Ломоносовъ (*Грам.*, § 191),— т. е. въ имен. падежѣ ед. ч. именъ и причастій муж. рода писать ъ, а жен. рода ь, напр. *мечъ*, *Ильичъ*, *печь*; *ножъ*, *рожь*; *плащъ*, *блестящъ*, *вещь*; въ родит. же падежѣ мн. ч. именъ женскихъ на а также писать ъ, напр. *тысячъ*, *тучъ*, *крышъ*. Въ частицахъ *же* и *уже*, при сокращеніи ихъ, обыкновенно пишутъ также ъ: *что жъ*, *ужъ*.

2) Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Род. падежъ множ. числа женскихъ именъ на *нь*, при бѣглой буквѣ е безъ ударенія, обыкновенно кончается неправильно на ъ, напр. *пѣсенъ*, *басенъ*, *башенъ*, *купаленъ*, *колоколенъ* (хотя *бань*, *деревень*). Окончаніе *енъ* въ такихъ случаяхъ признавалъ уже и Ломоносовъ, какъ видно изъ § 165 его *Грамм.*, хотя онъ, приводя тутъ примѣры этого склоненія, и не остановился на разницѣ дебелаго и тонкаго окончанія. Подобно приведеннымъ словамъ, въ родит. пад. множ. числа оканчивается на *нъ* и слово *сажень*, принадлежащее къ другому склоненію.

Предлогъ *близъ* въ древности писался двояко, теперь же для отличія отъ существительнаго *близь* пишется съ *еромъ*. *Покамѣстъ* — такъ же, по причинѣ состава слова. *Наизусть*, напротивъ, пишется съ *еремъ* потому: 1) что никто не говоритъ *наизустъ*, а 2) что тутъ съ предлогомъ *на* соединилось существительное *изусть*, образованное отъ древняго глагола *изустѣвати* (Вост.) или *изуштати* (memoriter dicere).

При образованіи прилагательныхъ отъ именъ мѣсяцевъ, кончащихся на *рь* и *нь*, буква ь обыкновенно сохраняется на письмѣ: пишутъ: *январьскій*, *іюньскій*, *сентябрьскій* и проч., хотя по закону нашей фонетики ь тутъ излишенъ, какъ показываютъ примѣры: *царскій*, *монастырскій*, *конскій*, *денской*. *Февральскій*, *іюльскій* не противорѣчатъ общему закону именъ нарицательныхъ.

11. Буква Ѣ.

Буква ѣ въ русскомъ языкѣ имѣетъ троякое употребленіе, именно: 1) въ корняхъ многихъ словъ, напр. *вѣдать*, *лѣто*; 2) въ образовательныхъ окончаніяхъ нѣкоторыхъ существительныхъ и прилагательныхъ: *змѣй*, *индѣйскій*; 3) во флексіяхъ измѣняемыхъ частей рѣчи, напр. *чѣмъ*, *водѣ*, *хотѣть*, *добрѣе*.

Вполнѣ опредѣленное значеніе имѣетъ буква ѣ только въ 3-мъ случаѣ. Въ корняхъ же и въ образовательныхъ окончаніяхъ употребленіе ея не всегда поддается установленію точныхъ правилъ.

Первоначальное употребленіе буквы ѣ въ древности основывалось конечно на особенномъ ея произношеніи; но по мѣрѣ того, какъ исчезала эта разность выговора, оно становилось болѣе и болѣе шаткимъ: уже въ ц.-сл. рукописяхъ отдаленнаго времени многія слова являются то съ ѣ, то съ е[1]): напр. *зѣница* и *зеница*, *хмѣлъ* и *хмелъ*, *гнести* и *гнѣтати*, *лежати* и *лѣгати*, *летѣти* и *лѣтати*, *метати* и *мѣтати*, *реку* и *рѣчь*[2]), *Матѳѣй* и *Матѳей*, *скудѣлъ* и *скуделъ*.

Въ русской письменности употребленіе буквы ѣ подверглось еще большимъ измѣненіямъ: 1) Слова, въ корнѣ которыхъ послѣ согласныхъ р и л въ церковно-славянскомъ писалось ѣ, но которыя по закону русскаго полногласія имѣютъ двѣ гласныя вмѣсто одной, теряли у насъ на письмѣ свою первоначальную гласную ѣ: вм. *брѣгъ*, *брѣза*, *млѣко*, *прѣдъ*, *чрѣзъ* Русскіе стали писать: *берегъ* и *брегъ*, *береза*, *млеко*, *передъ* и *предъ*, *черезъ* и *чрезъ*. Въ числѣ такихъ словъ только *плѣнъ* (при русской формѣ *полонъ*) сохранило и у насъ свою древнюю орѳографію.

2) Изъ церковно-славянскихъ словъ съ буквою ѣ, не подвергающихся у насъ измѣненію въ звукахъ отъ полногласія, большая часть удержала и въ русскомъ языкѣ свое начертаніе: *Глѣбъ*, *клѣть*, *плѣсень*, *плѣшь*, *слѣдъ*, *слѣпъ*, *хлѣбъ*, *грѣхъ*, *хрѣнъ* и др. Однакожъ и изъ такихъ словъ нѣкоторыя у насъ потеряли

[1]) Это обстоятельство до сихъ поръ у насъ еще не было достаточно изслѣдовано и требовало бы спеціальнаго разысканія.

[2]) Въ этомъ одномъ корнѣ двойное начертанія сохранилось и до сихъ поръ въ русской орѳографіи.

ѣ, какъ то: *время, блескъ, дремать, стрекать, преніе;* также: *векша, клей, кудель, колебать, мезга, песокъ, семья, темя* и др., которыя въ церковно-славянскомъ писались съ ѣ.

3) Наоборотъ, въ русскомъ языкѣ стали писать ѣ въ нѣкоторыхъ словахъ, гдѣ этой буквы въ древности не было или гдѣ ея по этимологіи не нужно, напр. *рѣшето, рѣшетка, рѣдька.*

4) Въ образовательныхъ окончаніяхъ нѣкоторыхъ именъ стали писать ѣ по произвольному и не выдерживаемому во многихъ другихъ случаяхъ правилу, что первоначальное і церковно-славянскихъ, і или аі иностранныхъ словъ должно обращаться въ ѣ. На этомъ основаніи пишутъ: *змѣй, змѣя, Апрѣль, Алексѣй, Сергѣй, Матвѣй, Елисѣй, Еремѣй, индѣецъ, индѣйскій;* но это правило не соблюдается однакожъ въ большей части словъ, гдѣ, не смотря на первоначальное і или аі, нынче пишутъ е: *воробей, соловей, иней, Ѳаддей, Пелагея, батарея, лотерея, армейскій, библейскій, линейный.*

Изъ всего сказаннаго видно, что въ русскомъ языкѣ употребленіе буквы ѣ въ корняхъ и образовательныхъ окончаніяхъ нѣкоторыхъ именъ есть дѣло преданія и обычая, въ которомъ выражается уваженіе къ историческому началу, но безъ строгаго сознанія. Во многихъ случаяхъ ѣ остается воспоминаніемъ особеннаго древняго произношенія слоговъ, въ другихъ языкъ по прихоти или недоразумѣнію удалился отъ старины. Какъ бы ни желательно было возстановить въ этомъ отношеніи правильное письмо, трудно теперь, да едва ли и нужно измѣнять начертаніе словъ, которыя всѣми пишутся одинаково. Попытка къ такому измѣненію могла бы только произвести еще большій разладъ въ ороографіи.

Но есть и такія слова, гдѣ одни пишутъ ѣ, а другіе е. На этихъ словахъ надобно нѣсколько остановиться, чтобы всякій могъ сознательно избрать то или другое правописаніе.

Брею, брадобрѣй. Глаголъ *брить* принадлежитъ къ тому же разряду глаголовъ, какъ *бить, вить, лить, пить, шить;* но, имѣя передъ окончаніемъ двѣ согласныя, *брить* не можетъ образовать

настоящаго времени такъ, какъ они: не сокращаетъ буквы і (какъ въ бію, вію, лію) въ ь, а обращаетъ ее въ е, т. е. поступаетъ точно такъ, какъ эти глаголы въ повелительномъ: *бей*, *вей*, *лей*, *пей*, *шей*. Ясно, что сходно съ этимъ слѣдуетъ писать: *брею*, *бреешь* (форма принятая и Павскимъ) и сущ. имя *брадобрей*, такъ же какъ *водолей*, *швея*. Къ бо́льшему еще подтвержденію правильности этого правописанія могутъ быть приведены принадлежащіе къ той же категоріи глаголы *выть*, *крыть*, *мыть*, *ныть*, въ которыхъ ы, при спряженіи, измѣняется въ о; буквѣ же о соотвѣтствуетъ е, такъ какъ гласной ы отвѣчаетъ и (крыть — брить, крою — брею).

Такъ должно писать и *грамотей* (отъ греческаго γραμματεύς).

Слово *копейка* сомнительнаго происхожденія, и нѣтъ никакой надобности писать въ немъ ѣ.

Хмель, *зеница* издревле писались двояко, а потому мы и имѣемъ полное право освободить ихъ отъ ѣ.

Звено—одного корня съ глаголомъ *звенѣть*; ср. польск. dzwono.

Рѣсница согласно съ ц.-сл. начертаніемъ *рѣсна* (впрочемъ встрѣчается и *ресна*).

Купель предпочтительно, такъ какъ ѣ въ окончаніи этой формы у насъ рѣдко; ср. *колыбель* (ц.-сл. колыбѣль, какъ *свирѣль*).

Двѣсти можемъ писать по выговору, не обращая вниманія на славянскую двойственную форму *двѣстѣ*, которая только ученымъ понятна.

Равнымъ образомъ мы пишемъ во всѣхъ родахъ *эти*, *этихъ* и т. д. по произношенію, а не *этѣ*, *этѣхъ*. Не считаемъ правыми и тѣхъ, впрочемъ немногихъ, которые только въ женскомъ родѣ пишутъ *этѣ*.

Въ словѣ *греча* ѣ пишется нѣкоторыми совершенно неумѣстно, потому что оно явно происходитъ отъ названія страны, откуда этотъ родъ хлѣба первоначально привозимъ былъ въ Россію[1]).

---

[1]) Французы называютъ это зерно sarrasin — *сарачинскимъ* (какъ у насъ называется рисъ), т. е. восточнымъ; Поляки и Чехи *поганкой* (пол. poganka, tatarka, hreczka), т. е. пришедшей отъ поганыхъ, язычниковъ.

Взятое съ нѣмецкаго слово *цехъ* также не слѣдуетъ писать съ ѣ; эта буква въ сущности неумѣстна и въ имени *вѣеръ*, котораго окончаніе явно обличаетъ иностранное происхожденіе (нѣм. fächer). По той же причинѣ, неправильно писалось въ древнихъ памятникахъ слово *пѣнязь* (англ.-сакс. penig. сканд. peningr).

Было уже упомянуто, какъ неосновательно писать *болѣнъ* и *видѣнъ*, *меткій*, *смета*, *сметливый* (см. выше, стр. 470 и 560).

Начертаніе *свѣденіе* ничѣмъ не оправдывается, потому что эта форма никакъ не могла бы произойти отъ русскаго глагола *свѣдать*, которая дала бы причастіе *свѣданъ*, а никакъ не *свѣденъ*. *Свѣдѣніе* образовано отъ церковно-славянской формы *свѣдѣти*, такъ же какъ *мнѣніе* отъ *мнѣти* (отъ *мнить* было бы *мненіе*). По аналогіи такъ пишется равнымъ образомъ *затмѣніе* и *затмѣвать*, хотя въ основѣ ихъ лежитъ русскій глаголъ *затмить*. Слѣдуетъ писать *обрусеніе* или *обрусѣніе*, смотря по тому, служитъ ли началомъ имени глаголъ *обрусить*, или *обрусѣть*; такимъ же образомъ возможна двоякая форма *омерзеніе* и *омерзѣніе*. Хотя уже Карамзинъ писалъ *лекарь* и теперь получила перевѣсъ эта ороографія, но очевидность заставляетъ насъ стать тутъ на сторону меньшинства, въ главѣ котораго мы видимъ Ломоносова, указывавшаго на неудобство писать въ наст. вр. *лечу* вм. *лѣчу* (для отличія отъ *лечу*, *летѣть* [1]).

Въ имени *телѣга* вторая гласная должна быть также ѣ; иначе это народное слово вѣроятно произносилось бы *телёга*. По мнѣнію Добровскаго, это имя — иностраннаго происхожденія [2]); однакожъ изъ словарей Линде, Шимкевича и Миклошича видно, что оно очень распространено у славянскихъ народовъ и что во 2-мъ слогѣ его большею частью слышится гласная і (напр. хорут. taliga); у Литовцевъ оно имѣетъ формы talenga, tolenga и зн. коляска. Кромѣ того, оно употребительно въ Валахіи и Венгріи.

Въ прежней нашей письменности встрѣчалось также различное начертаніе словъ: *мелкій*, *мельница*, *мель*, *прилежный*, *ли-*

---

[1]) См. выше, стр. 14 и 27.

[2]) Грамматика языка Слов., ч. I, стр. 154.

нейка, *угнетать* и нѣк. др.; но такъ какъ нынче едва ли кто уже напишетъ въ нихъ ѣ, то и не распространяюсь объ этихъ словахъ.

12. Правописаніе заимствованныхъ иноязычныхъ словъ.

Здѣсь прежде всего припомнимъ замѣчательныя слова Гримма, повторенныя Шафарикомъ: «Принятіе чужихъ словъ естественно и неизбѣжно; оно не оскорбляетъ народной чести, потому что между всѣми народами происходитъ обмѣнъ предметами и словами, и такое заимствованіе, если оно остается въ надлежащихъ предѣлахъ, можетъ даже способствовать къ развитію и обогащенію родного языка. Но я нахожу большое различіе въ томъ, какимъ образомъ мы въ нынѣшнее время допускаемъ въ свой языкъ чужія слова. Древность поступала при этомъ гораздо простодушнѣе и свободнѣе. Нынче мы стараемся сохранять и произносить чужія реченія совершенно такъ, какъ они употребительны у того народа, отъ котораго взяты; мы боимся нарушить вѣрность чужому слову, если какъ-нибудь переиначимъ его удареніе, сократимъ въ немъ одну букву или измѣнимъ его родъ, и охотнѣе налагаемъ руку на самихъ себя, всячески насилуя прирожденный намъ органъ рѣчи. Старонѣмецкій языкъ пользовался принадлежащимъ каждому языку правомъ приноравливать чужое слово къ своимъ звукамъ и привычкамъ»[1]. Все это можетъ быть вполнѣ примѣнено и къ русскому языку. Древнѣйшимъ періодомъ подобныхъ заимствованій его, на памяти исторіи, было время принятія христіанства, и многія перешедшія тогда изъ Греціи слова получили на Руси такой видъ, по которому трудно даже узнать ихъ первоначальную форму, напр. *церковь*, *налой*, *просвира*, *пономарь*, *кутья*, *исполать*. «Съ греческаго языка», говоритъ Ломоносовъ, «имѣемъ мы великое множество словъ рускихъ и словен-

[1]) J. Grimms Deutsche Grammatik, III, 557. Шафар. Славянскія древности, т. I, кн. II, 339.

скихъ, которыя для переводу книгъ сперва за нужду были приняты, а послѣ въ такое пришли обыкновеніе, что бутто бы они съ перьва въ Россійскомъ языкѣ родились»[1]).

Правописаніе подобныхъ словъ не представляетъ почти никакихъ затрудненій. Относительно словъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка, важнѣйшій вопросъ касается употребленія буквы ѳ, о чемъ уже достаточно говорено выше. Довольно установилась уже и орѳографія чужихъ словъ, перешедшихъ къ намъ въ концѣ 17-го и въ началѣ 18-го столѣтія изъ западно-европейскихъ языковъ. Эти слова также подверглись бо́льшей или меньшей передѣлкѣ, напр. *коллегія*, *адмиралтейство*, *биржа*, *гавань*, *офицеръ*, *ефрейторъ*, *ефесъ*, *портупея*, *арестовать*, *комендантъ* и проч. Въ этихъ словахъ мы видимъ преобразованія разнаго рода, по требованіямъ русскаго языка, именно: то въ окончаніяхъ (колле*гія*, адмирал*тейство*), то въ примѣненіи къ своимъ звуковымъ законамъ, напр. биржа, гавань; сюда относится также исключеніе лишнихъ согласныхъ (въ оффицеръ, аррестовать, канцеллярія, коммендантъ), или перестановка буквъ (футляръ, вм. футралъ). Въ словахъ, усвоенныхъ языку въ ближайшее къ намъ время, такія передѣлки, не смотря на наклонность къ нимъ языка, менѣе удаются, и искаженія, входящія въ народную рѣчь, тщательно исправляются литературнымъ пуризмомъ; такъ напр. слово *ярмонка* въ новѣйшее время стали писать *ярмарка*, хотя избѣжаніе двухъ р въ одномъ и то́мъ же словѣ совершенно согласно съ фонетикой славянскихъ языковъ, такъ что иногда эта особенность отражается даже въ своихъ собственныхъ словахъ (народъ говоритъ *пролубь* вм. *прорубь*[2]). Перестановкѣ подвергаются у насъ особенно буквы р и л, что́, хотя рѣже, встрѣчается и въ другихъ

[1]) Рки. Лом. № 112, стр. 14.

[2]) Глубокую причину имѣютъ въ этомъ законѣ искаженныя формы словъ, кажущихся смѣшными нашему литературно-образованному слуху: *колидоръ*, *антилерія*, *дилехторъ*, *секлетарь*, *лыцарь*, *бланкартъ* (отъ brancard), *фалеторъ*, *некрутъ* и мн. др. Отъ того произошло и общеупотребительное *февраль* вм. *феврарь*. Такія же передѣлки слышатся въ народномъ говорѣ другихъ славянскихъ нарѣчій. Иногда и при двухъ л одно изъ нихъ превращается въ р; примѣромъ тому можетъ служитъ слово *фалбора* (фр. falbala).

языкахъ (фр. pélerin отъ лат. peregrinus). У насъ замѣтна особенная наклонность къ такой перестановкѣ буквъ, такъ что она отчасти проникаетъ и въ литературный языкъ, узаконившій напр. слова *тарелка* (нѣм. teller, дат. talerken), и *футляръ* (нѣм. futteral). *Клиросъ* издавна произносится *крылосъ*; вмѣсто *пелеринка* русскіе люди часто говорятъ и пишутъ *перелинка*, противъ чего однакожъ протестуетъ литературный языкъ, который и самъ не всегда послѣдовательно охраняетъ подлинную форму заимствованныхъ словъ.

Такъ онъ упорствуетъ въ отношеніи къ слову *сюртукъ*, принявъ фальшивое окончаніе [1]), но поддерживая гласную перваго слога (вм. болѣе употребительнаго *сертукъ*). Пуристы долго доказывали, что нельзя писать *гувернантка* (вм. гувернанта), однакожъ русская форма теперь утвердилась. Въ словѣ *табакерка* передѣлка пошла еще далѣе, коснувшись и соединительной буквы окончанія (tabatière); впрочемъ въ старину и французское слово было: *tabaquière* (по-итал. и теперь tabacchiera). *Шкафъ* пишется обыкновенно такъ вопреки произношенію; впрочемъ и *шкапъ* на письмѣ не будетъ неправильно, такъ какъ въ нижне-нѣм., гол. и швед. слово это оканчивается на p, а не на f, составляющее его окончаніе только въ верхне-нѣм. и въ датскомъ. Всѣ говорятъ *конфеты*, а пишутъ *конфекты* по латино-нѣмецкой формѣ, но не вѣрнѣе ли тутъ слѣдовать италіянскому *confetti*: иначе какъ бы пришлось писать второобразныя слова: *конфетка* и *конфетчикъ*?

Въ отношеніи къ словамъ, заимствованнымъ изъ чужихъ языковъ въ новѣйшее время, главный вопросъ касается удвоенія согласныхъ. По примѣру нѣкоторыхъ старинныхъ словъ иностраннаго происхожденія, отбросившихъ двойную согласную, иные стали писать такимъ же образомъ и всѣ вообще чужія слова. Однакожъ такое правописаніе оказывается иногда въ разладѣ не только съ этимологіей, но и съ фонетикой. Въ начертаніи пришлыхъ словъ всего естественнѣе держаться произношенія и не избѣгать двойныхъ согласныхъ, когда такое удвоеніе ясно для слуха, напр.

[1]) Фр. surtout.

коллегія, *комиссія*[1]), *профессоръ*, *масса*, *касса*, *ванна*, *идиллія*, *группа*, *труппа*, *эпиграмма*. Особенно полезно удвоеніе согласныхъ, когда оно служитъ къ различенію словъ, близкихъ между собою по выговору; поэтому тѣмъ болѣе основанія писать: *вилла* (для отличія отъ русск. вила), *металлъ* (для отл. отъ глаг. металъ), *классъ* (для отл. отъ славянскаго класъ = колосъ), *баллъ* (для отл. отъ балъ). Иначе неслышное удвоеніе согласной въ *концѣ слова* всего менѣе нужно, какъ противное русской фонетикѣ, почему и пишутъ: *катаръ*, *партеръ*, *адресъ*, *интересъ*, *эполеты*, *протоколъ*, *камергеръ*, *геморой*. Разумѣется однакожъ, что когда удвоеніе слышно въ косвенныхъ падежахъ, то оно нужно и въ именительномъ. Оно большею частью соблюдается и въ именахъ собственныхъ: *Штаммъ*, *Витте*, *Траппъ*, хотя во многихъ фамильныхъ именахъ отступаютъ отъ этого правила и пишутъ: *Рашетъ*, *Лафайэтъ*, *Радзивилъ*, *Рейфъ* (Rachette, La Fayette, Radzivill, Reiff). Въ нѣмецкихъ именахъ собственныхъ окончаніе на *дт* сохраняется и въ русскомъ письмѣ: *Энгельгардтъ*, *Кронштадтъ*, а также иногда и двойная гласная, напр. *Аахенъ*, *Оомъ*, *Цеэ*, чтобы сохранить въ заимствованномъ собственномъ имени слѣды его состава. Съ другой стороны однакожъ нѣмецкое начертаніе st пишется у насъ по произношенію шт: *Штейнъ*, *штатъ*. Ср. *гошпиталь*, *пашпортъ*.

Нѣтъ причины не склонять иностранныхъ именъ собственныхъ, когда ихъ окончаніе поддается склоненію. Нынче на письмѣ въ общежитіи часто встрѣчаются такого рода фразы: *г-ну Гартманъ*, у *г-на Бокъ*. Но на это нѣтъ грамматическаго основанія; иначе пришлось бы также писать: сочиненія *Шиллеръ*, Иліада *Гомеръ*, трагедія *Вильямъ Шекспиръ*. Да наконецъ, тогда не слѣдовало бы склонять и такихъ именъ, какъ *Ѳедоръ*, *Александръ*, *Петръ*, потому что они въ сущности, по происхожденію, не болѣе русскія, чѣмъ *Фридрихъ*, *Карлъ* и проч.

---

[1]) Едва ли это начертаніе не самое раціональное: удвоеніе **м** для слуха не замѣтно, а **с** должно быть удвоено, потому что слышится въ словѣ *миссія* и тогда, когда оно само по себѣ употребляется. Пропускъ же одного **м** оправдывается такими словами, какъ *команда*, *офицеръ* и т. п.

Въ нѣкоторыхъ латинскихъ и греческихъ именахъ у насъ нерѣдко являются на письмѣ лишнія буквы и другія невѣрности; надобно писать безъ удвоенія буквъ: *привилегія*, *Иліада*, *Иларіонъ*, *драма*, *литература*, *проблема*, *катавасія*, а не *привиллегія* и т. д.; также *экзаминаторъ*, а не экзаменаторъ, такъ какъ это слово въ самомъ лат. языкѣ образовано не отъ имени экзаменъ, а отъ глагола examinare и перешло къ намъ уже готовое.

Субота пишутъ по большой части съ двумя б, но невѣрно: первоначальная форма этого слова — сѫбота (Остром.). Невѣрное начертаніе основывается безъ причины на греческомъ правописаніи σάββατον, откуда и латинское sabbatum.

Такъ какъ ни одно собственно русское слово не начинается съ буквы а, то въ древности и иностранныя слова, имѣвшія эту букву въ началѣ, писались у насъ съ о, напр. *олтарь*. Нынче принято писать, согласно съ латинскимъ производствомъ, *алтарь*. Напротивъ, правильнѣе писать *оладья* (отъ греч. ἔλαιον, елей, которому соотвѣтствуетъ другая форма *олей*, лат. *oleum*).

Въ нѣкоторыхъ изъ усвоенныхъ русскому языку греческихъ и другаго происхожденія именъ собственныхъ народный слухъ установилъ разнаго рода сокращенія, которыя допускаются и на письмѣ: *Ѳедоръ* (вм. Ѳеодоръ), *Дмитрій* (вм. Димитрій), *Прасковья* (вм. Параскева) и т. п. Иногда отбрасывается цѣлый слогъ или буква въ началѣ словъ, напр. *Ларіонъ*, *Лизавета*, *Сидоръ* (вм. Исидоръ), *Савелій* (вм. Ксаверій). Слогъ *Ев* въ началѣ нѣкоторыхъ именъ передѣлывается въ *А* или *Ав*, напр. *Астафій*, *Авдотья*, а иногда некстати приставляется, напр. *Евпатій* или *Елпатій* вм. *Ипатій*. Бываютъ и другія измѣненія: вм. Ирина — *Арина*, вм. Елена — *Алена* или, вѣрнѣе, *Олена* (ср. *Осипъ*, вм. Іосифъ, какъ *осень*, *озеро* = есень, езеро); вм. Леонтій — *Левонтій* и пр.

Въ серединѣ заимствованныхъ словъ особенную трудность представляетъ употребленіе чистыхъ гласныхъ а, о, у послѣ і и ь. Въ концѣ словъ а послѣ і всегда обращается въ я, напр. *Азія*, *матерія*; въ серединѣ же словъ одни пишутъ я, а другіе а, напр. *азіятецъ* и *азіатецъ*, *матеріялъ* и *матеріалъ*, *италіянецъ* и *ита-*

ліанецъ, *христіянинъ* и *христіанинъ* и т. п. Чтобы достигнуть однообразія въ начертаніи этихъ словъ, было бы одно только средство — согласиться писать послѣ і всегда *я*, какъ въ концѣ, такъ и въ серединѣ словъ, напр.: *азіятецъ*, *персіянинъ*, *матеріялъ*, *италіянецъ*, *христіянинъ*, *фоліянтъ*, *варіянтъ*, *фортепіяно*[1]). Въ подобныхъ словахъ і можетъ иногда, смотря по удобству, измѣняться въ ь. Въ словахъ, уже издавна сроднившихся съ рускимъ языкомъ, напр. *дьякъ*, *дьяконъ*, *дьячокъ*, всегда пишутъ ь, подобно тому какъ принято писать *Васильевичъ*, *Григорьевичъ*, вм. *Василіевичъ*, *Григоріевичъ*, *судья*, а не *судія*. *Брильянтъ* (brillant), *бильярдъ* (billard) правильнѣе чѣмъ *бриллiантъ* или *бриліантъ* и *биліардъ*.

Не вполнѣ установилось также правописаніе чужихъ словъ, въ которыхъ послѣ согласной слышится іотированное о, особенно когда оно во французскомъ языкѣ стоитъ послѣ такъ называемаго l mouillé. Проще всего въ такихъ случаяхъ писать по-руски *лі*: *баталіонъ*, *почтиліонъ*, *медаліонъ*, *папиліотка*, какъ *милліонъ* (million). Могутъ возразить, что въ первыхъ четырехъ словахъ одному франц. слогу соотвѣтствуютъ у насъ два, но здѣсь въ произношеніи і по необходимости сокращается въ й: притомъ то же самое допускается въ другихъ случаяхъ, напр. пишутъ *кампанія* для передачи *campagne* (такъ, какъ *компанія* для передачи *compagnie*). На этомъ основаніи можно писать и *Авиніонъ*, тѣмъ болѣе что по-латыни этотъ городъ называется *Avenio*. Если понадобится, по требованію стихотворной мѣры, въ подобныхъ словахъ убавить и на письмѣ одинъ слогъ, то можно принять для нихъ Карамзинскую орѳографію: *батальйонъ*, *почтильйонъ*, неудобную только тѣмъ, что она, для сокращенія звука, прибѣгаетъ

[1]) Прежнее правило писать въ серединѣ словъ **я** въ тѣхъ только случаяхъ, когда эта буква уже есть въ окончаніи первоначальнаго имени (напр. *матерія*, *матеріяльный*), неудобно, ибо такимъ образомъ приходится писать послѣ і различно одни и тѣ же прилагательные суффиксы, напр. *матеріяльный* и *специальный*, *персіянинъ* и *христіанинъ*, и разница эта основана на одной случайности. Если въ концѣ словъ **а** не можетъ стоять послѣ і, то почему не распространить это правило и на середину словъ, по крайней мѣрѣ въ нарицательныхъ именахъ?

къ удлинненію письма. Но никакъ нельзя одобрить начертаній: *батальонъ*, *почтильонъ*, *мильонъ*, потому что ь, означая только умягченіе л, не достаточно іотируетъ гласную о, и эти слова въ такой формѣ могутъ быть прочитаны не иначе, какъ если бъ было написано: *баталёнъ*, *почтилёнъ*, *милёнъ*. Для повѣрки стóитъ только перенести слогъ *онъ* въ другую строку; тогда придется читать: *баталь-онъ* и проч. Вмѣсто начертаній *батальйонъ* короче было бы, конечно, писать *батальёнъ*, но мы естественно избѣгаемъ тутъ двоегласной ё, чувствуя, что она своимъ видомъ вовсе не напоминаетъ о и означаетъ только измѣненіе буквы е въ русскихъ словахъ. Допускается она въ словахъ: *курьёзный*, *серьёзный* по той причинѣ, что въ нихъ соотвѣтствуетъ фр. слогу eux, нѣм. ö; впрочемъ правильнѣе писать *куріозный*, *серіозный* (итал. curioso. serioso), но никуда не годится *серьозный* (= серёзный). Довольно употребительное нынѣ начертаніе *майоръ* ничѣмъ не лучше прежняго *маіоръ*, гдѣ і и такъ по неволѣ произносится коротко, такъ что слышатся только два слога[1]).

Передъ е можно писать і, но сходнѣе съ иностраннымъ произношеніемъ ь, въ словахъ: *пьеса*, *пьедесталъ*, *Пьерро*, *курьеръ* и т. п.

Французскій носовой звукъ *in*, *ain*, напр. въ *Saint*, *Villemain*, принято выражать буквами *енъ*: *Сенъ*, *Вильменъ*, или *ень*: *bulletin*, *Rollin* — *бюлетень*, *Роллень*; какъ ни далеки эти начертанія отъ настоящаго выговора, они лучше другихъ (напр. *янъ* или *янь*) и могутъ быть удержаны, какъ наиболѣе установившіяся.

Слоги *en*, *ant*, *ent* изображаются то ближе къ французскому выговору, то согласно съ ихъ начертаніемъ, напр. *ресторанъ*, *презентъ*. Двойная форма, въ какой у насъ ходятъ многія французскія слова съ носовымъ звукомъ, происходитъ отъ того, что

---

[1]) *Майоръ* началъ писать еще Карамзинъ (*Вѣст. Евр.* 1803, № 14, «Рыцарь нашего вр.»). Онъ же писалъ: *Монтескьйо*, *йонія* (*Моск. Журн.* VII, 65, 93) и *Овернййскій*, *гильйотинада* (*В. Е.* 1082 и 1803, № 11, стр. 185). По примѣру Карамзина, и Мартыновъ писалъ: *Монтаньй* (*Сьв. Вѣст.* II, 7). Очевидно, что употребленіе й въ концѣ или въ серединѣ слога безъ гласной буквы не выдерживаетъ критики. Не видимъ также причины писать Йоркъ вм. *Іоркъ* и т. п.

нѣкоторыя изъ нихъ проникли къ намъ не прямо изъ французскаго языка, а отъ другихъ народовъ, которые сами ихъ заимствовали. Въ орѳографіи *сантиментальный* непослѣдовательность: первый носовый звукъ *en* переданъ тутъ черезъ ан, а второй черезъ ен; болѣе основанія писать: *сентиментальный*.

Въ словахъ, взятыхъ съ англійскаго, разногласіе правописанія замѣтно особенно въ способѣ изображенія w передъ гласными. Нѣкоторые пишутъ *Уордсвортъ*, *Уиндзоръ*, *Уэстминстеръ*, *Уокеръ* и т. п., другіе — *Вордсвортъ*, *Виндзоръ*, *Вокеръ*. Такъ какъ ни то, ни другое начертаніе не передастъ въ точности англійскихъ звуковъ, то слѣдуетъ отдать предпочтеніе тому, которое болѣе соотвѣтствуетъ особеннымъ свойствамъ русской фонетики и обще-европейскому выговору. Таковъ, конечно, второй способъ, который, кромѣ того, уже установился для изображенія подобныхъ звуковъ въ словахъ латинскаго языка, напр. въ словахъ: *авторъ*, *Августъ*, гдѣ наше в выражаетъ u, принадлежащее къ дифтонгу *au*. Въ приведенныхъ англ. именахъ у (w) начинаетъ дифтонгъ, невозможный въ русскомъ языкѣ; у насъ эта буква прибавляетъ къ слову цѣлый лишній, неуклюжій слогъ, а этимъ произношеніе еще болѣе измѣняется, чѣмъ превращеніемъ у въ в. Какъ нелѣпо было бы, напр., писать: *Улюичъ* (Woolwich).

Выше было уже говорено объ употребленіи послѣ согласныхъ буквы э въ чужихъ словахъ. Нынче многіе пишутъ *тэма*, *проблэма*, *Тэйлоръ*, *Бэнарэсъ*, — конечно съ цѣлію показать, что звукъ э долженъ оставаться неіотированнымъ [1]). Было также объяснено, почему эта цѣль въ сущности не достигается [2]). Притомъ, такимъ образомъ происходитъ несходство между словами новыми и издавна уже получившими въ языкѣ право гражданства. Странно было бы начать теперь писать: *тэрмомэтръ*, *баромэтръ*, *партэръ*. И потому, для единообразія орѳографіи, лучше совсѣмъ не

[1]) Нѣкоторыя хотятъ этимъ способомъ означить открытое или широкое произношеніе звука е, но они забываютъ, что выговоръ буквы э бываетъ различенъ, смотря по слѣдующему за нею звуку, дебелому или тонкому, напр въ словѣ *поэтъ* э произносится широко, а въ словѣ *поэзія* тонко. Ср. въ нашихъ *Филол. разыск.* замѣчаніе о выговорѣ буквъ е, ѣ, э: стр. 278.

[2]) См. выше, стр. 26.

употреблять буквы э послѣ согласныхъ, тѣмъ болѣе что для употребленія ея въ подобныхъ случаяхъ нельзя постановить точныхъ правилъ: по необходимости оно основывалось бы на произволѣ, и отъ неопредѣленности относительно третьяго э еще увеличилось бы затрудненіе, которое и безъ того уже производятъ двѣ буквы для одного и того же звука (е и ѣ).

Объ изобрѣтеніи Сенковскаго писать иностранныя имена и у насъ латинскими буквами съ присоединеніемъ къ нимъ русскаго падежнаго окончанія было уже упомянуто въ предложенномъ выше историческомъ очеркѣ[1]). Странная мысль — отъ каждаго русскаго требовать умѣнія читать на всѣхъ европейскихъ языкахъ, и уклоняться отъ труда выражать чужія имена русскимъ письмомъ. Конечно, они часто не могутъ быть начертаны удовлетворительно; но въ такихъ случаяхъ не лучше ли къ русскому ихъ изображенію прилагать въ скобкахъ подлинное? Русскія книги пишутся не для однихъ ученыхъ или свѣтски-образованныхъ, знакомыхъ съ произношеніемъ главныхъ европейскихъ языковъ; прочіе же читатели ничего не выиграютъ, если вмѣсто: «Брума» или «Юэллю» вы имъ напишете: «Brougham'а», «Wewell'ю».

Для передачи звука, образуемаго въ западныхъ языкахъ буквою l передъ гласными, одни употребляютъ у насъ чистыя а, у, другіе іотированныя я, ю, напр. въ словахъ: candélabre, Ludwig. Надобно помнить, что ни та, ни другая русская ороографія (*ла*—*ля*, *лу*—*лю*) не соотвѣтствуетъ иностранному произношенію. Поэтому и оказывается, что до сихъ поръ изъ чужихъ словъ, имѣющихъ этотъ звукъ, одни переносились къ намъ такъ, другіе иначе; напр., съ одной стороны, у насъ ходятъ слова: *астролябія*, *школяръ*, *популярный*, *полярный*; *лютеранинъ*, *плюсъ*, *полюсъ*, *Люциферъ*, *салютовать*, *иллюминація*, *флюсъ*; съ другой стороны: *фистула*, *салатъ*, *шоколадъ*, *классъ*, *планисфера*; *луна*, *лупа*, *блуза*, *клубъ*, *Лузитанія*, *Луиза*. Собственныя имена странъ и областей, образованныя съ помощію германскаго *land*, перешли

[1]) См. выше, стр. 58.

къ намъ также въ двоякомъ видѣ: присоединенныя къ Россіи области называются *ляндіями*, тогда какъ въ именахъ прочихъ слышится слогъ *лан: Эстляндія, Лифляндія, Курляндія,* и — *Голландія, Исландія, Вермландія* (въ Швеціи), *Даландъ, Лангеландъ, Готландъ.* У насъ съ этимъ окончаніемъ осталась только *Ингерманландія,* изъ чего видно, что тó или другое произношеніе находятся въ зависимости отъ степени распространенности имени во вседневномъ быту. Но въ началѣ словъ вообще гораздо употребительнѣе слогъ *ла: латынь, латунь, лама, лампа, лакъ, ландшафтъ, лакрица, Лаго-Маджоре*; напротивъ, слогъ *лу* вм. *лю* въ заимствованныхъ словахъ довольно рѣдокъ. Что же касается до буквы о послѣ л, то она почти никогда не передѣлывается въ ё, и л передъ нею произносится твердо, напр. *логариѳмъ, лозунгъ, лотерея, ломбардъ, локомотивъ, флотъ.* Рѣдкій случай представляетъ слово *флёръ* (flor).

Такъ же точно и буква l сама по себѣ въ концѣ слога или слова переходитъ къ намъ двояко, — съ звукомъ то дебелымъ, то тонкимъ: *Карлъ, перлъ, каналъ, балъ, стулъ, палтусъ, галстухъ, кристаллъ, металлъ* и — *вальсъ, мольбертъ* (malbret), *Вольтеръ, Вальтеръ, Даль, хрусталь, Бельведеръ, шаль, дуэль.* Французское l mouillé обыкновенно переходитъ въ *ль*, напр. *эмаль, портфель,* точно такъ же какъ окончаніе *gne* въ *нь: Шампань, Колонь, Монтань, герцогъ де Линь* и проч.

Изъ словъ, взятыхъ съ италіянскаго, у насъ невѣрно произносятъ и пишутъ *крешчендо* вм. *крешендо* (sc передъ мягкою гласной выговаривается какъ ш). На этомъ же основаніи названіе города Brescia должно быть произносимо *Брешія*, а не *Бресчія.*

Много еще можно было бы сказать о правописаніи чужихъ словъ, но чтобы не слишкомъ вдаваться въ частности, остановимся здѣсь и кончимъ выраженіемъ желанія, чтобы заимствованіе у насъ иноземныхъ словъ не выходило изъ границъ той умѣренности, какую разумѣлъ Гриммъ, говоря о словахъ этой категоріи. Особенно важно при этомъ одно условіе: чтобы, по крайней мѣрѣ, заимствуемое слово имѣло для всѣхъ ясный и опредѣ-

ленный смыслъ, — не такъ, какъ напр. излюбленное нашимъ современнымъ языкомъ слово *шансы*, котораго большая часть употребляющихъ его не сумѣетъ даже и объяснить удовлетворительно, — слово, которое, за предѣлами Франціи, усыновлено только въ гостепріимной Россіи. Такія пріобрѣтенія не обогащают языка и не служатъ къ чести его.

13. Объ именахъ собственныхъ муж. р. на ЛА и КО.

Къ первому изъ означенныхъ здѣсь двухъ разрядовъ именъ принадлежатъ мужскія крестныя имена, которыя, перешедши къ намъ, при введеніи христіанства, съ окончаніемъ *лъ*, измѣнили его въ народномъ языкѣ на *ла: Данила*, *Гаврила*, *Кирила*, *Михайла*. Причина такой передѣлки кроется вѣроятно въ томъ, что у насъ окончаніе *илъ* свойственно по большей части въ глаголахъ прошедшему времени (или, пожалуй, причастію) муж. р., а эта форма никогда не обращается въ сущ. имя. Напротивъ, въ существительное имя часто переходитъ женская и средняя форма этого времени. Женская форма является напр. въ словахъ: *курила*, *кутила*, *запѣвала*, *надоѣдала*. Подводя чужіе звуки подъ свои законы, языкъ, по аналогіи съ подобными словами, и передѣлалъ на свой ладъ чуждыя ему окончанія собств. именъ на *илъ*. Отъ личныхъ глагольныхъ именъ на *ла* отличаются имена сред. рода на *ло*, означающія орудіе: *мыло*, *рыло*, *сушило*, *одѣяло*, *опахало*, *покрывало*. Поэтому-то приведенныя собственныя имена греческаго происхожденія должны на письмѣ получать окончаніе не *ло*, а *ла*, что видно и изъ склоненія ихъ въ просторѣчіи: у *Гаврилы*, къ *Кирилѣ*, съ *Михайлой*. Вѣроятно, по примѣру этихъ-то именъ народный языкъ сталъ и другимъ собственнымъ именамъ муж. рода давать окончаніе а; такъ въ просторѣчіи изрѣдка слышатся странныя для образованнаго слуха формы: къ *Александрѣ Ивановичу*, у *Петры Петровича*.

Вообще женскія окончанія мужскихъ именъ очень обыкновенны въ русскомъ языкѣ: такъ окончанію презрительныхъ умень-

шительныхъ именъ для неодушевленныхъ предметовъ *ишко* (*домишко*, *крестишко*, *чинишко*) соотвѣтствуетъ для одушевленныхъ *ишка: воришка*, *мальчишка*, *плутишка*, которыя и склоняются какъ женскія. То же свойство языка доказываютъ слова: *батька*, *батюшка*, и уменьшительныя имена собственныя: *Ваня*, *Ванюшка*, *Ванька*, *Саша* и проч. и проч. Изъ кличекъ лошадей только тѣ, у которыхъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, удержали окончаніе *ко* (гнѣд*ко*, сѣр*ко*); прочія, какъ *сивка* и *бурка*, перемѣнили его на *ка* («отъ сивки, отъ бурки, отъ вѣщей коурки»).

Перейдемъ теперь къ другому разряду разсматриваемыхъ собственныхъ именъ. Это фамильныя имена малороссійскаго происхожденія на *ко*. Такъ какъ окончаніе это въ мужескомъ родѣ почти совершенно чуждо уху великоруссa, то онъ до сихъ поръ все еще не знаетъ, какъ ему поступать съ такими именами. Въ обиходномъ произношеніи онъ давно обратилъ и это окончаніе въ *ка*, съ которымъ и склоняетъ ихъ какъ имена женской формы: у *Пащенки*, къ *Марченкѣ*, съ *Шевченкой*. Но на письмѣ онъ еще до нѣкоторой степени затрудняется такъ обращаться съ ними, и потому, охраняя настоящее окончаніе ихъ на *ко* въ имен. падежѣ, въ прочихъ падежахъ старается, по большей части, вовсе не склонять ихъ. Пишутъ, напр.: *Ивану Ивановичу Коваⁿько*, отъ *г. Крамаренко*. Но избѣжать тутъ склоненія чрезвычайно трудно въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ именемъ нѣтъ никакого опредѣлительнаго слова, и потому многіе пишутъ: отъ *Крамаренки*, съ *Пащенкой*, чрезъ *Безбородку*; какъ-то рука не подымается, вопреки употребительному по всей Великой Россіи говору, написать: отъ *Никитенка*, съ *Пащенкомъ*, чрезъ *Безбородка*.

По настоящему, въ нашемъ великорусскомъ склоненіи именъ на *ко* нѣтъ ничего оскорбительнаго для малорусской національной чести; тѣмъ не менѣе однакожъ нѣкоторые настаиваютъ на охраненіи ихъ первоначальной формы соотвѣтственными во всѣхъ падежахъ окончаніями. Въ 1869 году г. Галаганъ напечаталъ замѣтку въ этомъ смыслѣ[1]), доказывая, что такія имена, будучи русскими,

[1]) *Русск. Арх.*, стр. 1718.

должны по всей Россіи склоняться такъ, какъ склоняются природными Малороссіянами. Онъ жалуется на то, что съ недавняго времени завелся обычай какъ въ книгахъ, такъ и въ офиціяльныхъ бумагахъ оставлять такія имена безъ склоненія, какъ будто бы они были иностранныя: даже въ самой Малороссіи, изъ подражанія, говоритъ онъ, стали дѣлать эту грамматическую ошибку. Введеніе такого обычая авторъ приписываетъ малороссійскимъ дамамъ, которыя будто бы, не желая чтобъ ихъ называли, напр., *Коваленковою* или *Коваленчихою*, стали подписываться и печатать на карточкахъ свои фамиліи безъ грамматическихъ измѣненій. Но такое вліяніе со стороны Малороссіянокъ немыслимо: дѣло объясняется гораздо проще чутьемъ великорусскаго говора, который съ чуждыми ему звуками, хотя и не иностранными, издавна обращается по своимъ собственнымъ требованіямъ. Доказательствомъ тому, что онъ поступалъ такъ и прежде, могутъ служить выдержки изъ сочиненій прошлаго столѣтія; такъ авторъ извѣстныхъ записокъ Энгельгардтъ говоритъ: «о одержанной *Костюшкою* побѣдѣ»: — «она (бумага) хранилась у графа *Безбородки*» [1]). Такъ писалъ, по большей части, и Державинъ, напр. «послать на конгрессъ въ Яссы графа *Безбородку*» я нѣсколькими строками ниже: «перешло отъ *Безбородки* къ Зубову» [2]).

Замѣчательно, что съ фамильнымъ окончаніемъ *ко* поступаютъ такъ не только Великоруссы, но и нѣкоторые другіе славянскіе народы, по крайней мѣрѣ Чехи, которые говорятъ напр.: u Vrt'átky (отъ Vrt'átko). Такое склоненіе именъ на *ко* внесено у нихъ даже въ грамматику [3]). То же слѣдовало бы сдѣлать и намъ, чтобъ положить конецъ невольно рождающемуся всегда при встрѣчѣ съ такими именами недоумѣнію. Нѣкоторыя малорусскія фамиліи, уже давно поселившіяся въ Великой Россіи, придали своимъ прозваніямъ и въ именительномъ падежѣ

[1]) Записки, стр. 157 и 195.

[2]) Соч. Держ., т. VI, стр. 625.

[3]) См. Грамматику Зикмунда, которая приводитъ слѣдующее склоненіе: «Jan Komedko, gen. Jana Komedky, dat. Janu Komedkovi, acc. Jana Komedku, lok. o Janu Komedkovi, inst. Janem Komedkou».

окончаніе *ка* (т. е. на письмѣ; въ произношеніи это дѣлается всегда), напр. *Родзянка*. Удобно было бы распространить такое правописаніе и на всѣ фамильныя имена этого рода. Вся сбивчивость въ склоненіи ихъ происходитъ отъ того, что мы произносимъ *ка*, а пишемъ *ко*.

14. Употребленіе большихъ буквъ.

Было время, когда у насъ всякое иностранное существительное имя отличали на письмѣ большою буквой. Карамзинъ писалъ: *Авторъ, Литтература*. Такъ же писались, еще долѣе, имена званій, должностей, учрежденій, наукъ, титулы, независимо отъ происхожденія словъ, напр. *Генералъ*, *Профессоръ*, *Предсѣдатель Департаментъ*, *Землеописаніе*. По вскорѣ послѣ Карамзина старая привычка стала измѣняться. Вотъ что говорилъ Сенковскій въ 1835 году: «Смѣшно было бы привязывать (sic) важность грамматической правильности въ употребленіи малыхъ или большихъ буквъ въ извѣстныхъ словахъ: никто, кромѣ общаго обыкновенія и ясности смысла, не имѣетъ права предписывать въ этомъ случаѣ законовъ, подъ карою взысканія за педантство.... Во всѣхъ хорошихъ типографіяхъ, французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, голландскихъ, словомъ, гдѣ только пекутся о красивости изданій, признано коренною системою, что ничто такъ не пестритъ, не обезображиваетъ, не мараетъ печати, какъ множество прописныхъ буквъ; что чѣмъ меньше такихъ буквъ на страницѣ, тѣмъ печать ровнѣе, чище и пріятнѣе для глазъ. Поэтому умные литераторы стали писать маленькія буквы, вездѣ кромѣ собственныхъ именъ и двухъ родовъ словъ — Богъ, Спаситель, Дѣва и проч., и Государь, Императоръ, Король и проч., разумѣя подъ первыми истиннаго христіанскаго Бога, истиннаго Спасителя, и т. д., а подъ вторыми собственнаго своего Государя, Императора, Короля, Герцога, для различія его отъ посторонних владѣтельныхъ лицъ, которыхъ приличнѣе пи-

сать тоже маленькими буквами — король, государь, императоръ, герцогъ, и т. д.» [1]).

Мы вполнѣ согласны съ Сенковскимъ, что относительно употребленія большихъ буквъ установить совершенно точныя правила невозможно; за правилами все-таки еще многое останется рѣшать такту и здравому смыслу. Оттого въ этомъ отношеніи и господствуетъ у насъ такое разногласіе. Слишкомъ пестрить письмо большими буквами конечно не годится, но съ другой стороны и слишкомъ тщательно избѣгать ихъ нѣтъ основанія: большія буквы во многихъ случаяхъ доставляютъ ту практическую пользу, что при бѣгломъ чтеніи или при пересмотрѣ прочитаннаго даютъ глазу точки опоры, облегчаютъ ему отысканіе нужнаго. Нельзя сказать, чтобы англійская или, еще болѣе, нѣмецкая печать, изобилующія большими буквами, много теряли отъ этого въ изяществѣ. Гораздо важнѣе кажутся намъ логическія основанія.

Совершенно справедливо признать за общее правило, что съ большой буквы пишутся только слова, служащія *названіями*; но такую роль могутъ играть не одни собственныя имена въ тѣсномъ смыслѣ, а также и нарицательныя — какъ существительныя, такъ и прилагательныя:

Имена лицъ: *Василій Темный, Петръ Первый.*

» странъ, мѣстностей, урочищъ, городовъ, улицъ, площадей, зданій: *Псковская* губернія, *Бѣлое* море, *Царское Село*, *Черная Грязь*; *Сѣнная* площадь, *Лубянка*, *Большая Морская*, *Каменный* мостъ.

» народовъ и населеній: *Русскіе*, *Славяне*, *Нѣмцы*; *Москвичи.*

» учрежденій: *Государственный* совѣтъ, *Академія наукъ*, *Харьковскій* университетъ, *Воспитательный Домъ.*

» дней и эпохъ: *Свѣтлое* воскресенье, *Великій* постъ; *Реформація*, *Пугачевщина.*

---

[1]) Собраніе соч. Сенковскаго, т. IX, стр. 366.

Имена книгъ и рукописей: *Капитанская дочка*, *Московскій Вѣстникъ*, *Изборникъ*.

Относительно названій, состоящихъ изъ нѣсколькихъ словъ, возникаетъ вопросъ: всѣ ли эти слова писать съ большой буквы, или только главное изъ нихъ?

Держась принятаго принципа не расточать большихъ буквъ, слѣдуетъ начинать такою буквою только первое слово подобныхъ названій, напр. *Государственный* совѣтъ, *Академія наукъ*, *Преображенскій* полкъ, *Тульская* губернія, *Министерство внутреннихъ дѣлъ*, *Зимній* дворецъ, *Сѣнная* площадь, *Каменный* мостъ, *Страстная* недѣля. Но когда названіе состоитъ изъ двухъ именъ, которыя оба употреблены какъ собственныя, то и второе должно писаться съ большой буквы, напр. *Царское Село*, *Воспитательный Домъ*, *Черная Грязь* (селеніе). Здѣсь слова *село*, *домъ*, *грязь* употреблены какъ собственныя имена.

Названія народовъ пишутся многими всегда съ малой буквы, конечно на томъ основаніи, что признаются нарицательными именами, означающими признакъ происхожденія, подобно другимъ родовымъ именамъ, показывающимъ общность принадлежащаго имъ признака, напр. — магометанинъ, матросъ, ремесленникъ. Но это не вполнѣ справедливо. Если названіе страны, мѣстности, города, деревни считается собств. именемъ, то какъ не признавать такимъ же и имя народа или жителей, по крайней мѣрѣ когда мы разумѣемъ населеніе во всей его совокупности, напр. въ предложеніяхъ: *Французы* воевали съ *Нѣмцами*; *Шведы* и *Норвежцы* населяютъ Скандинавскій полуостровъ. Иное дѣло, когда названіе націи служитъ только опредѣленіемъ другого имени или прилагается къ отдѣльнымъ лицамъ, напр.: *англичанинъ* Диккенсъ; Вальтеръ-Скоттъ былъ родамъ *шотландецъ*; я встрѣтилъ двухъ *голландцевъ*. Конечно, могутъ возразить, что такое различіе произведетъ сбивчивость въ правописаніи названій народовъ или населеній. Хотя это опасеніе, по нашему мнѣнію, и напрасно, потому что предлагаемое различіе всякому, даже и ребенку, понятно, однакожъ, если ужъ избирать одно постоянное правопи-

саніе для народныхъ названій, то слѣдуетъ предпочесть большую букву. Писать: «*русскіе*, *поляки*, *чехи*, *сербы* и проч. составляютъ славянское племя», по нашему мнѣнію, еще страннѣе, чѣмъ напр.: «Вукъ Караджичъ былъ *Сербъ*», или: «сюда пріѣхали трое *Русскихъ*».

Христіянскія, какъ и миѳологическія названія цѣлыхъ разрядовъ или видовъ существъ, могутъ считаться нарицательными именами, какъ то: *ангелы*, *серафимы*: — *альфы*; *русалки*; *граціи*, *музы*, *нимфы*.

Прилагательныя имена, произведенныя отъ существительныхъ собственныхъ, должны писаться съ большой буквы тогда только, когда они сами служатъ собственными, т. е. названіями предметовъ, напр.: *Невскій* проспектъ, *Московская* губернія. Когда же такія прилагательныя имѣютъ значеніе относительныхъ, то теряютъ право на большую букву, напр. *невская* вода, *московскій* калачъ, *тульскій* самоваръ, *калужскій* житель, *рейнское* вино. Въ реченіяхъ *русскій* языкъ, *французская* литература прилагательныя принимаются также, хотя можетъ быть и не совсѣмъ правильно, за относительныя, а не за собственныя. Названія винъ пишутъ съ малой буквы, для отличія отъ именъ самыхъ мѣстъ, по которымъ они называются: *хересъ*, *мадера*, *малага*; такъ же пишутъ: *шампанское*, *портвейнъ* и проч.

Въ прилагательныхъ отъ собственныхъ именъ личныхъ лучше всегда сохранять большую букву: *Гомерова* Иліада, *Екатерининъ* вѣкъ, *Петровскіе* полководцы, *Суворовская* тактика, *Смирдинское* изданіе. *Шекспировскія* вѣдьмы.

15. О слитномъ письмѣ составныхъ реченій.

Одинъ изъ вопросовъ, производящихъ наиболѣе пестроты и путаницы въ нашемъ правописаніи, состоитъ въ томъ, когда писать слитно и когда врознь такія два или иногда и три слова, которыя вмѣстѣ составляютъ одно понятіе и могутъ быть разсматриваемы какъ цѣльная часть рѣчи, т. е. какъ нарѣчіе, пред-

логъ или союзъ, напр. многіе пишутъ слитно слова: *впослѣдствіи*, *встарину; вслѣдствіе*, *взамѣнъ; зато*, *оттого*.

Вопросъ этотъ особенно важенъ по своему значенію для лексикографіи, ибо слова, слитно пишущіяся, должны занимать отдѣльныя мѣста въ словарѣ, а обременять словарь безъ надобности множествомъ лишнихъ словъ, не только неразумно въ научномъ смыслѣ, но и неудобно на практикѣ. Другое соображеніе противъ слишкомъ усиленнаго обычая сливать два слова въ одно заключается въ томъ, что это можетъ вредить ясности рѣчи и давать поводъ къ двусмыслію, напр. начертаніе *наряди* легко можетъ быть принято за дат. падежъ сущ. *нарядъ*. Да притомъ не видно и цѣли въ неумѣренномъ употребленіи такого письма.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что писать слитно многія слова въ подобныхъ случаяхъ совершенно законно и правильно: мы видимъ это обыкновеніе во всѣхъ языкахъ; но съ другой стороны чрезвычайно легко переступить въ немъ должныя границы. Въ нашей ороографіи давно уже замѣчается такая наклонность, и потому небесполезно будетъ заняться обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ относящихся сюда явленій.

Начну съ мнѣнія, которое выразилъ по этому предмету Ломоносовъ. «Нѣкоторые», говоритъ онъ въ § 125 своей Грамматики, «неправильно соединяютъ предлоги раздѣльные съ именами, которыя съ ними знаменованіемъ походятъ на нарѣчія: *Ввечеру*, *нанизу*, вмѣсто *въ вечеру*, *на низу*: ибо *вечеръ* и *низъ* суть существительныя, съ предлогами сочиненныя въ пристойныхъ падежахъ и въ надлежащемъ знаменованіи. Дѣйствительно претворяются имена съ предлогами въ нарѣчія, и съ ними слитно поставлены быть должны, 1) когда предлогъ стоитъ не съ пристойнымъ падежемъ, напримѣръ: *Вдругъ*, ибо никакой другой предлогъ съ именительнымъ падежемъ не сочиняется. 2) Когда отъ надлежащаго знаменованія въ сложеніи отходитъ, напр. *вмѣстѣ*: ибо здѣсь разумѣется *купно*; и такъ писать должно: *Жить вмѣстѣ съ братомъ*. *Жить въ мѣстѣ многолюдномъ*. 3) Ежели пред-

логъ стоитъ передъ именемъ, въ другихъ случаяхъ неупотребительнымъ: *Вдоль, вкось*».

Въ этихъ замѣчаніяхъ Ломоносова мы прежде всего должны отмѣтить одну невѣрность: въ составѣ нарѣчія *вдругъ* онъ видитъ им. падежъ сущ. *другъ*, и на этомъ ложномъ основаніи строитъ правило, которое конечно не можетъ имѣть силы. Кромѣ того мы видимъ, что нѣкоторыя слiянія, которыхъ не допускалъ Ломоносовъ, послѣ него давно уже вошли во всеобщее употребленіе; нынче всѣ, или почти всѣ пишутъ: *ввечеру, внизу*. Конечно, предлагаемыя имъ два послѣднія правила еще и теперь оказываются справедливыми; но сверхъ того есть еще и много другихъ случаевъ, когда вошло въ обычай слитно писать слова, образующія вмѣстѣ какъ бы одну часть рѣчи. Опредѣлить такіе случаи точными правилами невозможно. Главнымъ тутъ руководителемъ долженъ служить установившійся обычай, и чѣмъ онъ давнѣе, тѣмъ болѣе имѣетъ права на то, чтобъ съ нимъ сообразовались. Нѣтъ надобности беспрестанно распространять количество такихъ словъ.

Слитно писать два слова слѣдуетъ тогда, когда соединеніе ихъ беспрекословно утверждено общимъ сознаніемъ: когда же встрѣчается сомнѣніе, писать ли ихъ слитно, или врозь, то лучше избирать послѣднее.

Слитно пишутся предлогъ и существительное большею частью тогда, когда оба слова теряютъ свое индивидуальное, самостоятельное значеніе и образуютъ вмѣстѣ одно понятіе или, въ грамматическомъ смыслѣ, нарѣчіе, напр.: *вверхъ, внизъ, вверху, внизу, вмѣстѣ, вовсе, впередъ, врозь, вслѣдъ, втайнѣ, вдали, впослѣдствіи*[1]).—*Кстати, издали.*—*Сначала, сверху, снизу, слишкомъ.*—

---

[1]) На нашей еще памяти писали не иначе, какъ *въ послѣдствіи времени*. Употреблять абсолютно въ такомъ же смыслѣ одно слово *послѣдствіе* стали недавно, и такъ какъ это значеніе придается слову только въ соединеніи съ предлогомъ *въ*, то мы и считаемъ позволительнымъ видѣть тутъ нераздѣльное нарѣчіе.

Наверхъ, наверху, навѣки, наконецъ, наоборотъ, назадъ, напередъ, напримѣръ.

Характеръ такого соединенія виденъ изъ противоположныхъ случаевъ, когда имя сохраняетъ свое индивидуальное значеніе, будетъ ли къ нему (имени) присоединено опредѣленіе, или нѣтъ; или когда предлогъ употребленъ какъ дополненіе къ глаголу: *въ самый верхъ, съ какой стати, съ начала года, на конецъ* (напр. указать). Сюда идетъ также приведенный Ломоносовымъ примѣръ: *жить въ мѣстѣ многолюдномъ.*

Отъ словъ, слитыхъ въ одно нарѣчіе, надобно отличать такія слова, которыя составляютъ только метафору и потому должны писаться врознь, напр.: *въ гору, съ плеча.*

Мы здѣсь покуда говоримъ только о нарѣчіяхъ, составленныхъ изъ предлога и имени существительнаго, и утверждаемъ, что не для чего быть слишкомъ щедрымъ на образованіе подобныхъ нарѣчій, что напр. должно писать отдѣльно слова: *въ добавокъ, въ заключеніе, въ старину, за границу, за границей, съ размаху, съ разу, со временемъ, въ волю, въ пору* и мн. др. Но еще осмотрительнѣе надобно быть въ составленіи такимъ образомъ новыхъ предлоговъ, ограничиваясь тѣми, которые издавна утверждены уже обычаемъ, напр. *вокругъ, вмѣсто, сверхъ.* Мы совершенно согласны съ г. Новаковскимъ, когда онъ спрашиваетъ: есть ли надобность въ искуственномъ образованіи такихъ предлоговъ, какъ напр. *вслѣдствіе, втеченіе, впродолженіе, взамѣнъ?* и рѣшительно предпочитаемъ раздѣльное изображеніе этихъ словъ.

Нѣкоторые пишутъ: *въ теченіи, въ продолженіи,* но это противно общему закону, по которому въ русскомъ языкѣ протяженіе дѣйствія во времени выражается винительнымъ падежомъ съ помощію предлога *въ*, напр. *въ жизнь* не видѣлъ, *въ свой вѣкъ* испыталъ, сдѣлалъ *въ недѣлю, въ мѣсяцъ, въ годъ*; случилось *въ царствованіе...*; *въ мою болѣзнь, въ ея пребываніе, въ вашъ пріѣздъ, въ твою бытность, въ отечественную войну.* То же видно изъ присоединенія опредѣлительныхъ словъ къ двумъ разсматривае-

ымъ выраженіямъ; мы говоримъ: *во все продолженіе*, какъ и *во все царствованіе*, а никакъ не — *во всемъ продолженіи*.

Правило Ломоносова писать предлогъ слитно съ именемъ, которое въ другихъ случаяхъ неупотребительно, едва ли и теперь можетъ встрѣтить противорѣчіе. Вотъ примѣры изъ нынѣшняго языка:

Вдоль, вдоволь, взаймы, взапуски, внутрь, внутри, вплавь, впредь, вновь, встарь, вкось, вкривь, впрямь, врознь, впроголодь, вопреки, взаперти, вблизи, впотмахъ, впопыхахъ, второпяхъ.

Набекрень, навыворотъ, навзрыдъ, навзничь, навзрячь, назади, наземь, наперекоръ, навѣрняка, напрямки — икъ, наружу, снаружи, наяву; оземь, изстари, искони, поодаль, позади, поодиночкѣ, попутру, сзади, спереди, сплошь.

Подобныя сочетанія естественно изображать слитно, потому что нельзя принимать за отдѣльныя слова и заносить особо въ словарь такія существительныя, которыя сами по себѣ въ языкѣ неизвѣстны.

Кромѣ существительныхъ, съ предлогами соединяются еще въ одно понятіе прилагательныя, числительныя, мѣстоименія и самыя нарѣчія. Разсмотримъ и тутъ каждый случай отдѣльно.

Прилагательное можетъ являться при этомъ въ четырехъ различныхъ формахъ:

1) Прилагательное полное средняго рода.

Такъ какъ подобное прилагательное можетъ и само по себѣ, безъ предлога, быть употребляемо какъ существительное, напр. кто *старое* вспомянетъ: то нѣтъ причины писать его слитно съ предлогами, напр. *по старому, по прежнему, по видимому, по дорожному, по приказному, по трактирному, по книжному, по домашнему, по праздничному, по будничному*. Другое дѣло, когда при такомъ соединеніи настоящее значеніе прилагательнаго какъ будто забывается, напр. *впрочемъ*.

Сюда же относятся и мѣстоименія притяжательныя, имѣющія форму прилагательныхъ: *по моему, по вашему*, которыя также нѣтъ надобности писать слитно съ предлогомъ.

2) Прилагательное краткое средняго рода.

Такое прилаг., когда оно не играетъ роли сказуемаго, только и употребляется для образованія съ предлогами нарѣчій, которыя потому пишутся нераздѣльно: *вдалекѣ*, *вообще*, *вполнѣ*, *вскорѣ*, *вкратцѣ* (ц.-сл.), *вчернѣ*; *вправо*[1]), *влѣво*; *докрасна*, *досыта*; *навѣрно*, *надолго*, *налѣво*, *направо*, *набѣло*, *начерно*; *налегкѣ*, *навеселѣ*, *наготовѣ*; *заново*, *запросто*; *слегка*, *слѣва*, *справа*, *смолоду*, *снова*, *сполна*, *сгоряча*, *свысока*, *изрѣдка*, *издалека*, *изсиня*. Сюда же можно отнести нарѣчіе *свыше*.

3) Прилагательное полное женскаго рода.

По неупотребительности прилагательныхъ въ этой формѣ отдѣльно, безъ существительнаго и безъ предлога, они пишутся слитно съ послѣднимъ: *вразсыпную*, *вкрутую*, *всплошную*; *зачастую*, *напропалую*.

4) Прилагательное полное множ. числа.

Подъ эту категорію подходятъ только числительныя порядковыя имена, которыя въ соединеніи съ предлогомъ *въ* образуютъ нераздѣльное нарѣчіе: *впервые*; *вопервыхъ*, *вовторыхъ* и т. д. Впрочемъ многіе предпочитаютъ начертаніе: *во-первыхъ*, *во-вторыхъ*, какъ болѣе наглядно выставляющее цифру, которая служитъ къ обозначенію порядка.

Другія числительныя могутъ также служить къ составленію нарѣчій: *вдвое*, *вдвоемъ*, *вчетверомъ*; *заодно*; *вдвойнѣ*, *подвое*.

Мѣстоименія съ предлогами образуютъ, между прочимъ, слѣдующія реченія: *потому*, *посему*, *поэтому*, *почему*; *потомъ*; *притомъ*, *причемъ*; *дотого*, *зато*, *затѣмъ*, *зачѣмъ*, *начто*, *оттого*.

Слитно пишутся эти слова, когда они служатъ союзами; но когда предлогъ сохраняетъ свое самостоятельное значеніе и дополняетъ глаголъ, то онъ долженъ становиться отдѣльно, напр.: смотря *по тому*, присутствовать *при томъ*, дойти *до того*, платить *за то*, слѣдовать *за тѣмъ*, зависѣть *отъ того*. Слова *при этомъ* не составляютъ союза и не должны писаться слитно, какъ это въ послѣднее время иногда стало встрѣчаться въ печати.

---

[1]) *Въ правѣ* (сущ. имя) нѣтъ причины писать слитно.

Нарѣчіе, какъ часть рѣчи неизмѣняемая, не можетъ подлежать управленію предлога и потому пишется съ нимъ слитно: *докуда*, *дотуда*, *доколѣ*, *доселѣ*, *дотолѣ*, *донынѣ*, *понынѣ*, *покуда*; *насколько*, *настолько*, *поскольку*, *поелику*, *поколику*.

Нарѣчія въ родѣ слѣдующихъ: *попеременно*, *поочередно*, *дословно*, *поголовно*, *повсводно* сюда не относятся: они образованы отъ соотвѣтствующихъ имъ прилагательныхъ: *попеременный* и проч., и не могутъ считаться составными въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы разсматриваемъ слова этой категоріи.

Но здѣсь слѣдуетъ упомянуть о другомъ разрядѣ нарѣчій, которыя образуются съ помощію предлога *по*, правильно отдѣляемаго отъ нихъ черточкою: *по-дружески*, *по-молодецки*, *по-стариковски*, *по-дѣтски*, *по-свойски*, *по-каковски*; *по-русски*; *по-французски*. Нѣкоторые пишутъ эти слова и слитно, но безъ надобности и къ напрасному обремененію словаря.

Есть и предлогъ, соединяющійся съ другимъ предлогомъ въ нарѣчіе: *напротивъ*.

Для образованія составныхъ нарѣчій соединяются еще:

1) Числительныя то между собою, то съ существительными: *полтора* (т. е. полвтора), *двѣсти*, *триста*, *пятьсотъ*. Нѣтъ причины и въ косвенныхъ падежахъ не писать слитно: *двухсотъ*, *тремстамъ*. Слово *полъ* (половина) предъ другимъ существительнымъ слѣдуетъ отдѣлять отъ него черточкою: *полъ-груза*, *полъ-оборота*, *полъ-листа*: если бъ написать *поллиста*, то пришлось бы читать *польлиста*, такъ какъ при встрѣчѣ двухъ л, изъ которыхъ второе тонкое, первое всегда уподобляется ему (*милліонъ*, *коллегія*). Что *полъ* не соединяется тутъ въ одно слово съ существительнымъ, видно изъ косвенныхъ падежей: въ реченіяхъ *полу́-листа́*, *полу́-пути́* по два ударенія, чего не могло бы быть въ одномъ словѣ, ибо извѣстенъ коренной законъ русской просодіи, что въ каждомъ отдѣльномъ словѣ можетъ быть только одно удареніе.

2) Мѣстоименіе съ существительнымъ: *сейчасъ*, *сегодня*, *тотчасъ*.

3) Мѣстоименіе или нарѣчіе съ союзомъ: *тоже* (нарѣч.), *однакоже*, *ужели*, *также* (но раздѣльно: *такъ же*, *какъ*).

Въ другихъ случаяхъ частица *же*, *жъ* пишется отдѣльно: *кого же*, *что жъ*, *тотъ же*, *та же*, *то же* (мѣстоим.); отдѣльно же пишутся частицы *ли*, *ль*, *бы*, *бъ*; *та ли*, *если бы*, *если бъ*, *ежели бы*, за исключеніемъ словъ *ужели*, *чтобы* (союзъ). Но когда *что* остается мѣстоименіемъ, то оно отдѣляется отъ *бы*: *что бы* предпринять? Соединеніе частицъ *либо*, *нибудь*, *таки* съ предыдущимъ словомъ означается черточкою: *кто-либо*, *что-нибудь*, *все-таки*. Составной союзъ *итакъ* пишется слитно.

4) Два нарѣчія, составляющія по смыслу одно, обыкновенно соединяются между собой черточкою: *мало-мальски*, *давнымъ-давно*, *ранымъ-рано*, *просто-напросто*.

Такимъ же образомъ обозначается соотношеніе двухъ предлоговъ, изъ которыхъ управленіе остается за первымъ: *изъ-за* границы, *изъ-подъ* стола.

Иногда составное нарѣчіе заключаетъ въ себѣ три слова, которыя и пишутся слитно: *сызнова*, *сыздѣтства*, *снаружи*, *наизусть*, *наискось*, *насупротивъ*, *наврядъ*, *вполсыта*, *вполпути*, *сполагоря*, *исподволь*. Впрочемъ, собственно говоря, тутъ соединеніе образуютъ только два члена, изъ которыхъ одинъ сложный.

Въ заключеніе нелишнимъ считаю разсмотрѣть, когда частица *не* должна писаться отдѣльно и когда слитно.

Отрицаніе *не* пишется у насъ, по большей части, безъ всякой послѣдовательности, то слитно, то раздѣльно. Для избѣжанія этой неопредѣленности нѣкоторые приняли за правило никогда не отдѣлять *не* отъ слѣдующаго за нимъ слова, забывая, что въ слѣдствіе того каждое такое слово пришлось бы вносить въ словарь два раза, въ положительной и въ отрицательной формѣ.

Съ прилагательными частица *не* вообще пишется слитно, напр. *неловкій*, *недавній*, *нестрашный*, *невѣрный*, *невольный*. Однакожъ тутъ возможенъ и другой случай. Если отрицается не самое прилагательное, а подразумѣваемый въ сказуемомъ гла-

голъ, то частица *не* должна писаться раздѣльно, напр. въ предложеніи: «это обстоятельство мнѣ *не* извѣстно», т. е. не есть извѣстно[1]).

Есть разница между выраженіями: случай *не обыкновенный* и случай *необыкновенный*, зависящая отъ того, отрицается ли только положительное качество, или придается качество отрицательное. Сходно съ этимъ и нарѣчія могутъ писаться то слитно, то раздѣльно съ частицею *не*. Напр.: это *не* хорошо (т. е. не есть хорошо) слабѣе нежели: это *нехорошо* (есть нехорошо). Онъ *немного* (т. е. немножко) работаетъ — не одно и то же, что: онъ *не много* работаетъ.

Присоединеніе къ отрицательному прилагательному дополнительнаго отрицанія требуетъ отдѣленія частицы *не*. Напр. *недовольный* пишется слитно; но если присоединить *никакими ласками*, то должно написать: *не довольный*. Такимъ же образомъ слѣдуетъ писать: *никому не опасный* и т. п. Отрицаніе, вошедши въ составъ слова, не можетъ требовать въ дополненіе себѣ другаго отрицанія.

Когда отрицанію соотвѣтствуетъ въ другомъ предложеніи противоположное утвержденіе, то частица *не* должна отдѣляться, напр. онъ былъ *не* боленъ, а разстроенъ духомъ; *не* богатъ, но честенъ: они слабы, а *не* добры. Поэтому и реченіе *не только*, которому соотвѣтствуетъ *но и*, должно писаться раздѣльно.

Передъ глаголомъ частица *не* составляетъ, вообще говоря, отдѣльное отрицаніе: *не знать*, *не хожу*, *не видитъ*. Слѣдовательно, то же относится и къ причастію: человѣкъ, *не любящій* ссоръ; ничего *не видящій*, *не любимый* товарищами. Причастіе сохраняетъ свой характеръ всякій разъ, когда съ словомъ соединяется понятіе времени, или когда при глаголѣ есть дополненіе положительное или отрицательное. Но когда причастіе обращается въ прилагательное, и означаемое имъ качество безусловно отри-

---

[1]) Эту разницу нагляднѣе представляютъ тѣ языки, гдѣ слитное отрицаніе получаетъ особенную форму, напр. въ нѣм. un, misz, во франц. in, dé, dés. Такъ, очень легко понять различіе между фразами: il m'est désagréable и — il ne m'est pas agréable.

цается, то *не* пишется слитно: человѣкъ *нелюбящій*, *нелюбимый*, *независимый*, *несвѣдущій*, *неумолимый*.

Съ глаголомъ отрицаніе *не* можетъ составлять одно слово только тогда, когда онъ образованъ съ помощью этой частицы и безъ нея не употребителенъ: *ненавидѣть*, *негодовать*, *нельзя* [1]).

Реченія *не смотря*, *не взирая* часто пишутся слитно, но несправедливо, потому что входящіе въ составъ ихъ глаголы сохраняютъ свое отличительное свойство и требуютъ дополненія, которое можетъ стоять и въ отрицательной формѣ: *не смотря ни* на какія препятствія.

Не входитъ въ составъ многихъ существительныхъ: *ненависть*, *негодованіе*, *невѣрность*, *непокорность*, *невѣжда*, *неряха*, *нетель*, *недругъ*, *несчастіе*, *немилость*; случаи, въ которыхъ отрицаніе пишется отдѣльно отъ имени, не требуютъ, кажется, особаго поясненія.

Въ реченіи *не что иное* (= не иное что) невѣрно пишутъ *ничто*. При этомъ послѣднемъ словѣ отрицаніе должно бы повториться передъ глаголомъ, и слѣдовало бы писать, напр.: это *не* было *ничто* иное, вм. это было *не что* иное.

16. О надстрочныхъ и строчныхъ знакахъ.

Этого предмета считаю достаточнымъ коснуться только слегка.

Знаки ударенія въ наше время употребляются рѣдко, и мы безъ нихъ очень хорошо обходимся. Впрочемъ намъ совершенно достаточно одного знака (остраго´), такъ какъ наше удареніе всегда одинаково, и вовсе не нужно, какъ обыкновенно дѣлается, ставить въ концѣ слова на гласной другое (тяжкое`) удареніе. Къ соединительнымъ черточкамъ также не для чего прибѣгать безъ особенной надобности, сознаніе которой предоставляется усмо-

[1]) Собственно говоря, *нельзя* конечно не глаголъ, но представляетъ эту часть рѣчи въ слѣдствіе опущенія глагола *есть*. То же можно сказать о словахъ: *не должно*, *не видно* и т. д.

*

трѣнію каждаго[1]). Гораздо важнѣе знаки препинанія. Извѣстно, что до послѣдняго времени у насъ въ употребленіи запятыхъ всѣми принята была система, основанная на теоріи разграниченія придаточныхъ предложеній. Недавно нѣкоторые стали отступать отъ старой въ этомъ отношеніи привычки и почти вовсе не отдѣлять знаками дополнительныхъ, опредѣлительныхъ и обстоятельственныхъ предложеній. Примѣръ тому поданъ былъ редакціей *Московскихъ Вѣдомостей*, вообще отличающейся сознательною правильностью языка и разумнымъ правописаніемъ. Надобно согласиться, что такое сокращеніе знаковъ препинанія, очень удобное въ типографскомъ отношеніи, особенно для ежедневной газеты, оправдывается и логическими основаніями, почему оно давно уже введено въ большей части европейскихъ языковъ, по примѣру Французовъ и Англичанъ (у Нѣмцевъ оно до сихъ поръ не сдѣлалось общимъ). Но что касается русскаго письма, то къ нему эта система пунктуаціи не совсѣмъ примѣнима, потому что наша конструкція допускаетъ большую свободу въ размѣщеніи словъ, тогда какъ французская и англійская придерживаются прямого словорасположенія. Такимъ образомъ, у насъ отдѣленіе запятыми придаточныхъ предложеній много способствуетъ къ ясности смысла. Къ тому же, и съ педагогической точки зрѣнія, старая наша пунктуація имѣетъ большое преимущество, облегчая въ значительной степени ученіе о предложеніяхъ, тогда какъ новая отнимаетъ у преподавателя одно изъ важнѣйшихъ пособій къ уясненію состава періодической рѣчи.

Съ другой стороны однакожъ и излишество запятыхъ затрудняетъ чтеніе, и потому по крайней мѣрѣ въ составѣ придаточнаго предложенія не слѣдуетъ означать на письмѣ всѣхъ тонкихъ разграниченій его.

Къ числу строчныхъ знаковъ принадлежатъ кавычки или вносные знаки. Употребительный у насъ знакъ « » недостаточенъ

---

[1]) Особенное значеніе такимъ черточкамъ придавалъ Тредіаковскій: см. Пекарскаго *Ист. Ак. Наукъ*, II, 177.

въ тѣхъ случаяхъ, когда въ цитату вставляются еще слова, которыя требуютъ подобнаго же знака. Поэтому хорошо было бы ввести у насъ въ употребленіе, кромѣ двойной кавычки, еще и одинакую, принятую въ англійской печати (‘).

17. Замѣтки о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ.

Вядчина. Русскій, употребляя это слово, не сознаетъ его корня и пишетъ по произношенію *ветчина.* Но присутствіе тутъ корня *вяд* доказывается соотвѣтствующими словами въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, и особенно въ польскомъ, гдѣ мы находимъ глаголъ wędzić, который именно значитъ «коптить мясо, сушить, вѣшать въ дыму», и существительныя: wędzina, копченое мясо; wędziarz, коптильщикъ; wędziarnia, коптильня. Другой корень więd, еще болѣе соотвѣтствующій нашему *вяд*, далъ въ польскомъ языкѣ, между прочимъ, слѣдующія реченія: więdle mięso, więdzyna (вяленое, копченое мясо). Послѣднее изъ этихъ словъ наводитъ даже на мысль, не есть ли наше *вядчина*, такъ сходное съ нимъ, просто заимствованное съ польскаго: во 1-хъ, наше *вядчина* стоитъ въ русскомъ языкѣ совершенно одиноко, какъ бываетъ обыкновенно съ пришлыми словами; 2) у него удареніе необыкновенное (ср. дичи́на, солони́на [1]); 3) откуда въ немъ явилось ч послѣ д? органически оно не могло произойти; эти двѣ буквы тутъ только играютъ роль польскаго звука dz, который, какъ совершенно чуждый русскому слуху, замѣненъ другимъ. Притомъ, и многіе предметы колбаснаго производства носятъ у насъ чужія названія; самое слово *колбаса* скорѣе западно-, нежели восточно-славянское.

Вообще, у насъ еще остается довольно словъ польскаго происхожденія, которыя, по замѣчанію Ломоносова, «пришли къ намъ чрезъ сообщество и частыя войны съ Поляками» [2]). Эти слова должны быть еще отысканы и указаны.

---

[1]) Одно только слово *свѣжина*, изъ означающихъ мясо, носитъ также удареніе на послѣднемъ слогѣ; однакожъ говорятъ и *свѣжи́на*.

[2]) Акад. ркп. Лом. № 112, стр. 12.

Дальній (не дальный, какъ въ старину писали). Одно изъ не очень многочисленныхъ прилаг. на *ній*, которыя всегда означаютъ отношеніе ко времени, мѣсту или мѣрѣ. Утренній, вечерній, ранній, поздній; зимній, весенній (вешній), лѣтній, осенній; нынѣшній, теперешній, прежній, прошлогодній; давній, древній, всегдашній, завтрашній; передній, средній, крайній, задній, послѣдній; тамошній, здѣшній, верхній, нижній; горній, исподній, сосѣдній, ближній, домашній; лишній. Сюда же относится *искренній* отъ ц.-сл. *искрь* (близъ). Въ старину неправильно писали: *искренный*. Эта неправильность до сихъ поръ остается въ нарѣчіи: *искренно*. Несогласно съ образованіемъ подобныхъ прилагательныхъ оканчивается также слово *малолѣтный* въ слѣдствіе двоякой формы ц.-сл. прилагательнаго отъ сущ. *лѣто*: *лѣтній* и *лѣтный*. Во всѣхъ другихъ сложеніяхъ употребительна первая форма.

Въ словѣ *синій* буква н принадлежитъ къ корню.

Итти. Правильна одна только древняя форма *ити*, гдѣ корнемъ служитъ первый слогъ и (ср. лат. itum, ire). Удвоеніе т въ новомъ языкѣ — не болѣе какъ уступка фонетическому требованію; нѣтъ основанія переносить въ неопредѣленное наклоненіе корень наст. изъяв. *ид*, котораго послѣдняя буква д непремѣнно обратилась бы въ с передъ *ти* (ср. поль. iść). Въ соединеніи глагола съ предлогами слухъ не требуетъ этого удвоенія, и тогда остается въ силѣ древняя форма: *войти*, *выйти*, *дойти зайти*, *найти*, *перейти*, *подойти*, *пріити*, *пройти*, *сойти*, *уйти*, *разойтись*. Только при предлогахъ *вы* и *при* перешла въ образованный языкъ и другая форма, допускающая удвоеніе т съ пропускомъ коренной и: *вытти*, *притти*.

Начертанія *войдти*, *зайдти*, *перейдти*, *пройдти* и т. п. совершенно противны законамъ русской фонетики, что особенно ощутительно при переносахъ: писать *войд-ти*, *перейд-ти* такъ же несообразно съ ея законами, какъ и *вой-дти*, *перей-дти* и проч. Звукъ й въ замкнутомъ слогѣ, какъ въ словахъ *войнъ*, *стойлъ* принадлежитъ къ числу рѣдкихъ исключеній.

Корокатица (sepia) отъ *корокъ* (кракъ), нога, чрезъ возможное

прилаг. корокатый — многоногій: это насѣкомое принадлежитъ къ породѣ такъ называемыхъ главоногихъ моллюсковъ (cephalopoda). Того же происхожденія слова: *корячить*, *окорокъ*. Болг. крака, нога; серб. крак, длинная нога.

Пенять, отъ *пеня* (poena).

Полоумный. Первая часть этого слова заимствована отъ прилаг. *полый*—пустой, открытый. Отсюда же прилаг. *пологрудый*. Отъ прилаг. *полый* происходятъ сущ.: *полость* (грудная полость, т. е. пустота), *полынья*, также *половодье*. Многіе по недоразумѣнію пишутъ *полуумный*.

Поперекъ отъ корня *прек*, и потому прежняя орѳографія *поперегъ* уже рѣдко встрѣчается.

Потчевать. Павскій, первый, далъ это начертаніе глаголу, который прежде писали то *подчивать*, то *потчивать*, и объяснилъ, что правильная его форма была бы *почтевать* (предложный глаголъ), но она испорчена перестановкою буквъ. И. И. Срезневскій, на основаніи множества сравненій изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, признаетъ въ этомъ словѣ тотъ же корень, однакожъ пишетъ *потчивать* и сближаетъ вторую часть глагола съ прилагательнымъ *чтивый*[1]). Находя указаніе обоихъ филологовъ на корень чт въ глаголѣ *потчевать* несомнѣнно вѣрнымъ, я позволю себѣ только обратить вниманіе на странныя аномаліи, представляемыя этимъ глаголомъ: 1) При господствующей орѳографіи *потчивать* для неопредѣленнаго наклоненія, настоящее время имѣетъ однакожъ форму *потчую*[2]); 2) этотъ предложный глаголъ, заключая въ себѣ значеніе несовершеннаго вида, заставляетъ предполагать другую форму вида совершеннаго, но ея нѣтъ; 3) удареніе въ неопредѣленномъ наклоненіи падаетъ на предлогъ, чего никогда не бываетъ (если исключить предлогъ *вы* при совершенномъ видѣ).

---

[1]) *Извѣстія Отд. русск. яз, и слов.* т. VII, вып. 3.

[2]) *Въ Словарѣ Росс. Академіи* (изд. 1) показана двоякая форма настоящ. вр.: «*подчиваю*, сокращенно же *потчую*». Гречъ и за нимъ Рейфъ были того же мнѣнія; на самомъ же дѣлѣ употребительна лишь послѣдняя форма, которая одна только и означена во 2-мъ изданіи словаря *Росс. ак.*, также въ словарѣ Отд. русск. яз. и сл. и въ *Толк. Слов.* Даля.

Наконецъ 4) и самое главное: это — глаголъ предложный, а между тѣмъ, для приведенія его въ совершенный видъ, къ нему присоединяются еще предлоги: *попотчевать*, *запотчевать*, *отпотчевать*, *употчевать*, — опять явленіе небывалое.

Такія неправильности можно, кажется, объяснить только совершеннымъ отсутствіемъ народнаго сознанія относительно состава и натуры глагола, а это могло произойти единственно съ *заимствованнымъ* словомъ. По свидѣтельству И. И. Срезневскаго, народъ и Великой и Малой Россіи, во многихъ краяхъ, вмѣсто *потчевать* употребляетъ другой глаголъ *почтовать* = *поштовать*, и существительное *почтованье*=*поштованье*. Что жъ это значитъ? Извѣстно, что глаголы съ окончаніемъ *овать* или *евать* всего чаще составляются изъ существительныхъ, и между прочимъ изъ иностранныхъ (проба—пробовать, танецъ—танцовать и проч.). Въ польскомъ языкѣ есть сущ. poczta[1]) (произн. пóчта) съ значеніемъ: почитаніе, почетный дáръ, гостинецъ (Linde: Verehrung, ein Ehrengeschenk). Удивительно ли, что изъ этого слова, въ эпоху перехода къ намъ полонизмовъ, образовался русскій глаголъ *пóчтовать* (чествовать, угощать), который, по свойству языка, могъ подвергнуться въ устахъ народа двоякому измѣненію, именно: превращенію ч въ ш (*што* вм. *что*) или перестановкѣ ч и т. Случилось, смотря по различію мѣстностей, и то и другое; но *пóтчовать* должно было, по народной фонетикѣ, непремѣнно обратиться въ *потчевать* (такъ какъ ей противно о безъ ударенія послѣ шипящихъ[2]). А при этой формѣ правильно должно было выработаться настоящее время *пóтчую*. Такимъ образомъ трудность въ объясненіи этого на первый взглядъ страннаго глагола исчезнетъ, какъ скоро мы перестанемъ видѣть въ немъ чисто-русскій глаголъ и признáемъ чуждое его происхожденіе.

Самоё. Вин. пад. жен. р. мѣстоименія *сама:* оё—мѣстоименное окончаніе, котораго правильность доказывается формою её въ винит. падежѣ мѣстоим. *она*. Напротивъ, форма *самý*, нерѣдко

---

1) Ср. сущ. uczta, пиръ, угощеніе, и глаголъ ucztować, пировать, угощать.

2) По той же причинѣ Русскіе, вм. *шоколадъ*, произносятъ и пишутъ *шеколадъ*.

встрѣчаемая въ печати, совершенно несогласна съ живымъ языкомъ и ничѣмъ не оправдывается.

Сегодняшній (не сегоднешній и не сегодишній), потому что прилаг. образовано не отъ существ. *день*, а прямо отъ нарѣчія *сегодня*, какъ *вчерашній* отъ *вчера*, *завтрашній* отъ *завтра*.

Спесь, *спесивый* (а не спѣсь, спѣсивый), согласно съ Рейфомъ и Миклошичемъ, который ссылается на Поликарпова.

Творогъ. См. *Филол. Разыск.* стр. 438. Нелѣпо сближаютъ съ этимъ словомъ имя *ватрушка*, которое гораздо вѣрнѣе, по Рейфу, пріурочивается къ новогреч. βουτυρικόν, отъ βούτυρον, масло.

Тма, безъ ь (хотя по ц.-сл. тьма), потому что мы пишемъ *затмить*, *затмѣніе*, а не *затьмить*, *затьмѣніе*.

Тороватый отъ корня тр, въ родствѣ съ глаголами *тереть* и *торить* (а не *терять*, какъ думалъ Рейфъ). Ср. народное *тóрово*, нарѣч., щедро.

Четвергъ. Нѣкоторые пишутъ *четверкъ*, предполагая въ концѣ сокращеніе слога *токъ*; но невѣрность этой орѳографіи видна изъ произношенія другихъ падежей: *четверга*, *четверги*. Итакъ приведенное правописаніе имѣетъ два неудобства: оно основано на сомнительномъ толкованіи и несогласно съ выговоромъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

По поводу толковъ о правописаніи [1]).

I (къ стр. 527).

Было время, когда у насъ не существовало гражданской азбуки: ее ввелъ и отчасти самъ составилъ Петръ Великій. Составленіе ея было слѣдствіемъ новой потребности и первымъ шагомъ къ созданію новаго, то-есть *русскаго* письменнаго языка, который долженъ былъ мало по малу вытѣснить изъ литературы языкъ церковно-славянскій; вмѣстѣ съ тѣмъ это было первымъ отступленіемъ отъ преданій кирилловскаго письма.

Гражданская наша грамота установилась не вдругъ. Нѣко-

[1]) *Совр. Лѣт.* 1862, № 28. Для избѣжанія повтореній, печатается здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями.

торыя буквы славянской азбуки, не тронутыя Петромъ I, были исключены изъ нея впослѣдствіи. Нѣсколько разъ составъ гражданской азбуки измѣнялся: однѣ буквы были изгоняемы, другія прибавлялись. Такимъ образомъ теперешняя наша азбука составлялась постепенно, и кое-что вошло въ нее послѣ первоначальнаго преобразованія, по мѣрѣ потребности и успѣховъ времени. Теперь вопросъ въ томъ: считать ли сдѣланное доселѣ совершенно законченнымъ, вполнѣ удовлетворительнымъ, или требующимъ нѣкоторыхъ усовершенствованій, — измѣненій, а можетъ быть и дополненій?

Попытки нововведеній въ нашемъ правописаніи, повторяющіяся отъ времени до времени, доказываютъ, что есть дѣйствительная потребность въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ.

Но затѣмъ спрашивается: должны ли эти измѣненія коснуться цѣлой системы нашего правописанія, или ограничиться нѣкоторыми частностями?

Господствующій характеръ системы русскаго правописанія состоитъ въ соблюденіи словопроизводства: въ этомъ отношеніи наше правописаніе отличается большою правильностію и послѣдовательностію, такъ что можно указать только на частныя отступленія отъ этого начала (напримѣръ: *здѣсь* вмѣсто *сдѣсь*, *гдѣ* вмѣсто *кдѣ*). Въ самомъ дѣлѣ, съ этой стороны языки образованнѣйшихъ націй Европы далеко уступаютъ нашему, и нѣтъ ни основанія, ни надобности измѣнять коренныя начала нашей ороографіи. Притомъ, опытъ другихъ литературъ уже показалъ, что крутыя преобразованія ороографіи никогда не удаются, даже и тогда, когда предлагаются людьми, пользующимися большимъ авторитетомъ. Поэтому Яковъ Гриммъ въ своемъ *Словарѣ* не рѣшился принять всѣхъ нужныхъ по его мнѣнію ороографическихъ нововведеній, чтобы не отбить читателей. Такъ и профессоръ Лео, который долго печаталъ свою очень извѣстную *Исторію* съ особеннымъ правописаніемъ, долженъ былъ напослѣдокъ отказаться отъ него по просьбѣ книгопродавцевъ, находившихъ, что эти особенности вредятъ сбыту книги.

Совсѣмъ другое — немногія частныя измѣненія въ письмѣ, польза которыхъ можетъ быть всѣми понята и почувствована.

Тѣ, которые въ этомъ дѣлѣ придаютъ безусловный вѣсъ историческому началу, ссылаясь на происхожденіе кириллицы, забываютъ, что мы уже болѣе полутора вѣка тому назадъ измѣнили ей, и что теперь дѣло идетъ только о довершеніи реформы, начавшейся еще въ 1704 году.

Дѣйствительно, если уже въ первое время гражданскаго письма исключены были изъ азбуки нѣкоторыя лишнія буквы, почему то же самое не можетъ быть сдѣлано и теперь, ежели окажется, что первые преобразователи исключили еще не всѣ лишнія буквы кириллицы?

Лишними *могутъ* казаться слѣдующія буквы: ѣ, э, и, ѳ, ъ: которыя же изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ лишнія?

Буква ѣ въ нынѣшнемъ великороссійскомъ говорѣ ничѣмъ не отличается отъ е. Если бъ было иначе, то всякій Русскій по слуху узнавалъ бы безошибочно, гдѣ должно писаться ѣ. Нѣкоторые думаютъ, что разница есть, но только самая утонченная, неуловимая. Если бъ и было такъ, то разница этого рода, при бесчисленныхъ видоизмѣненіяхъ въ говорѣ людей одной и той же націи, равнялась бы совершенному безразличію. Сравните, для примѣра, слова: *лѣнь* и *олень*, *ѣли* и *ели*, *ѣсть* и *есть*. Слѣдовательно неоспоримо, что у насъ для одного и того же звука употребляются двѣ разныя буквы. Но здѣсь является вопросъ: какая же тому причина? Если случайная, основанная на произволѣ, то такая двойственность не должна быть терпима; но если причина разумная, то и явленіе, въ слѣдствіе ея происшедшее, должно быть уважено, особенно если оно и теперь имѣетъ свой смыслъ и свою пользу. Нѣкогда буква ѣ конечно отличалась особеннымъ произношеніемъ; какъ именно она выговаривалась, объ этомъ мнѣнія различны; но у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ нашей буквѣ ѣ въ большей части словъ, гдѣ она встрѣчается, соотвѣтствуетъ особенный звукъ, напримѣръ въ польскомъ языкѣ ia (biały, wiara,

бѣлый, вѣра[1]), въ чешскомъ долгое î или звукъ ie, а въ малороссійскомъ нарѣчіи нашего русскаго языка — и (напримѣръ вм. *снѣгъ—снигъ*). Такимъ образомъ ѣ составляетъ исконную принадлежность многихъ корней языка и служитъ отличіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ подобозвучныхъ съ буквою е, напримѣръ *вѣд* (*вѣдать*) отъ *вед* (*веду*), *мѣт* (*мѣтить*) отъ *мет* (метать). Такъ же точно ѣ помогаетъ болѣе ясному различенію производныхъ словъ и формъ, каковы напримѣръ слова: *свѣдѣніе* и *сведеніе*, *вѣсть* и *весть*. Но, возражаютъ многіе, цѣль уяснять правописаніемъ значеніе словъ не оправдываетъ существованія двухъ буквъ для одного и того же звука; значеніе слова каждый разъ видно изъ смысла всей рѣчи. Нельзя однакожъ не согласиться, что чѣмъ менѣе будетъ случаевъ возможнаго смѣшенія понятій въ письменномъ изображеніи словъ, тѣмъ письмо будетъ совершеннѣе. Для избѣжанія такого смѣшенія служитъ часто и употребленіе буквы ѣ въ окончаніяхъ словъ. Такъ отличаются на-

---

[1]) Г. Кеневичъ въ своемъ возраженіи приводитъ множество польскихъ словъ, въ которыхъ нашей буквѣ ѣ соотвѣтствуютъ не ia, а другіе звуки; показываетъ, что иногда и русское е переходитъ въ ia (dziarzki, ziarno, wiadro), что наконецъ и польскій звукъ ie не соотвѣтствуетъ русскому ѣ. «Изъ приведенныхъ фактовъ, заключаетъ онъ, видно, что въ настоящее время одинъ и тотъ же польскій звукъ передается въ русскомъ языкѣ двумя начертаніями одного и того же звука, и на оборотъ русской буквѣ ѣ соотвѣтствуетъ въ польскомъ не одинъ, а нѣсколько различныхъ звуковъ». Такимъ образомъ г. Кеневичъ не признаетъ, чтобы ѣ служило постояннымъ отличіемъ извѣстныхъ корней. Далѣе онъ выражаетъ мысль, что какъ скоро первоначальное произношеніе буквы ѣ было забыто, то писцы стали сбиваться въ употребленіи ея и впали въ непослѣдовательность. Совершившееся давно уничтоженіе *юсовъ* даетъ ему новое оружіе противъ ѣ и служитъ поводомъ утверждать, что желающіе сохраненія этой буквы, должны стараться и о возстановленіи *юсовъ*. Объ этомъ было говорено и въ орографическихъ собраніяхъ; но дѣло въ томъ, что *юсы* были оставлены прежде нежели грамматика могла вступиться за нихъ, и что возстановить потерянное гораздо труднѣе, чѣмъ сберечь то, что еще имѣется. Авторъ, какъ и многіе другіе, отвергаетъ надобность отличать на письмѣ слова разныхъ значеній, утверждая, что для различенія ихъ достаточно положенія въ фразѣ. Однакожъ понятно, что чѣмъ чаще будетъ встрѣчаться такое смѣшеніе словъ на письмѣ, тѣмъ грамота будетъ менѣе ясна и удовлетворительна. Что было бы напримѣръ съ французскимъ письмомъ, если бъ, при изобиліи въ языкѣ омонимовъ, они писались одинаково, еслибъ напр. *san* означало и *сто*, и *чувство*, и *кровь*, и предлогъ *безъ*?

примѣръ формы: *искреннее* и *искреннѣе*, *свѣжее* и *свѣжѣе*, *синее* и *синѣе*, въ *поле* и въ *полѣ*. Словомъ, каждая изъ обѣихъ буквъ имѣетъ свое назначеніе и свои законы. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе ихъ. Припомню только, что ѣ рѣдко подвергается измѣненію при переходахъ слова изъ одной формы въ другую [1]), тогда какъ е есть по большей части вставочная, бѣглая, легко выпадающая или измѣняющаяся буква. Въ окончаніяхъ именъ е служитъ для прямой формы единств. числа (*море*, *здоровье*, *доброе)* именъ ср. рода; ѣ для косвенныхъ падежей един. числа (*водѣ*, *въ морѣ*) и для прямой формы множественнаго въ мѣстоименіяхъ (*тѣ*, *всѣ*). Для нашей цѣли достаточно вывода, что ѣ имѣетъ въ языкѣ не только историческое значеніе, но и свой смыслъ, свою разумную цѣль. Эта буква всякій разъ обозначаетъ, такъ сказать, особенную натуру слога. Хотѣть изгнать ее значитъ посягать вообще на начало словопроизводства въ русской орѳографіи и вводитъ систему правописанія, основывающуюся на одномъ выговорѣ. Но эта система вовсе не примѣнима къ русскому языку по причинамъ, которыхъ объясненіе здѣсь повело бы насъ слишкомъ далеко; введеніе ея у насъ никогда не могло бы имѣть успѣха. Главный доводъ противъ буквы ѣ заключается въ томъ, что она затрудняетъ изученіе письма, тѣмъ болѣе что въ нѣкоторыя слова она вошла неправильно, и наоборотъ, иногда мы ея не пишемъ тамъ, гдѣ бы ей слѣдовало быть. Но подобныя затрудненія и частныя непослѣдовательности правописанія встрѣчаются во всѣхъ языкахъ. Первыя побѣждаются навыкомъ, а изъ-за послѣднихъ нѣтъ причины касаться несравненно бóльшаго числа случаевъ, гдѣ особенность правописанія раціональна.

Буква э (къ названію которой вовсе не нужно прибавлять

---

[1]) Есть нѣсколько случаевъ перехода буквы **ѣ** въ **и**, съ которою она въ явномъ родствѣ, и наоборотъ: *дитя*, *дѣти*; *лѣпить*, *липнуть*; *тѣснить*, *тискать*, *вѣсить*, *висѣть*, *сѣверъ*, *сиверко*. Такимъ же образомъ **ѣ** въ родствѣ и съ **я** (*ѣсть-яство*, *сѣсть-сяду*).

эпитета *оборотное*, если другую называть какъ слѣдуетъ, то-есть йе), буква э не можетъ считаться излишнею, ибо выражаетъ отдѣльный звукъ, дѣйствительно существующій въ языкѣ. Нужды нѣтъ, что число собственныхъ нашихъ словъ, гдѣ она встрѣчается, не велико: надобность буквы не можетъ измѣряться количествомъ случаевъ, въ которыхъ она слышится. Та же буква э находится въ множествѣ перешедшихъ къ намъ иностранныхъ словъ, совершенно уже слившихся съ нашимъ языкомъ (напр. *эпоха*, *эхо*, *элементъ* и проч.). У насъ есть другая буква, которая не попадается ни въ одномъ чисто-русскомъ словѣ: это ф; ужели же мы за то изгонимъ ее?

Для звука і мы опять находимъ у себя двѣ буквы. Различное употребленіе ихъ совершенно условно, и безъ одной изъ нихъ можно бы очень хорошо обойтись. Разумѣется, мы предпочтительно сохранили бы ту, которая принадлежитъ намъ общe съ другими европейскими народами. Такъ въ началѣ поступилъ и Петръ Великій. По какимъ соображеніямъ онъ опять ввелъ и рядомъ съ і, мы не знаемъ положительно; вѣроятно, однакожъ, онъ при этомъ руководствовался мыслію, что такъ какъ звукъ і беспрестанно встрѣчается въ нашемъ языкѣ, то слишкомъ часто повторяющаяся надстрочная точка придавала бы печати несовсѣмъ пріятную пестроту, а въ скорописи задерживала бы письмо. Особенно два і сряду въ окончаніи словъ должны были казаться неудобными. Красота письма очень принималась въ разчетъ преобразователями нашей азбуки. Не даромъ и Тредіаковскій, восхищаясь круглыми, четкими буквами первопечатныхъ русскихъ книгъ, отказывался отъ э и з потому только, что находилъ ихъ некрасивыми. Но вкусы различны, и онъ же́, вопреки Петру Великому, опять исключилъ и, удерживая только й. Такъ мнѣніе нашихъ стариковъ колебалось относительно и, да и теперь нельзя не согласиться, что ежели есть причины выбросить эту лишнюю букву, то есть съ другой стороны и доводы къ сохраненію ея. Скоропись тѣмъ удобнѣе, чѣмъ менѣе въ ней надстрочныхъ знаковъ: едва ли не легче и не скорѣе можно начертить двѣ палоч-

ки, чѣмъ одну съ точкою надъ ней [1]). Да и печать, кажется, выигрываетъ въ ясности и благообразіи (послѣдняго начала и теперь нельзя же вполнѣ выпускать изъ виду), если по крайней мѣрѣ подъ *краткой* сохранить старинное и. Другихъ основаній для удержанія его нѣтъ. Могутъ замѣтить, что во многихъ словахъ, взятыхъ съ греческаго, оно играетъ роль буквы *эты* (η), изъ которой и составлено, и въ такихъ словахъ должно быть сохранено. Однакожъ, какая въ томъ бѣда, что мы будемъ изображать звукъ другою соотвѣтствующею ему буквой въ словахъ, не принадлежащихъ нашему языку? Тутъ нѣтъ разницы въ выговорѣ и нѣтъ надобности отмѣчать происхожденіе чуждаго намъ слова. Это не то, что буква ѣ, которая важна именно потому что отличаетъ наши собственные корни и окончанія. Вѣдь ужъ мы замѣнили *ижицу* буквой и, напримѣръ въ именахъ: лира, типъ, ритмъ; такъ точно и вмѣсто и можно ввести і даже и въ такихъ греческихъ словахъ, какъ риторъ, скипетръ и проч.

Еще менѣе можно стоять за *ѳиту*, которая служитъ только для передачи греческой ϑ. Добро бы еще, если бъ этотъ чуждый звукъ всегда переходилъ къ намъ одинакимъ образомъ. Мы говоримъ и пишемъ: *театръ*, *математика*, вмѣсто *ѳеатръ*, *маѳематика*, и ничѣмъ не отличаемъ первое фальшивое т отъ втораго настоящаго. За что же фальшивый звукъ ф будетъ въ одинаковыхъ случаяхъ пользоваться привилегіей особаго знака? Пора изгнать этого монополиста русской азбуки и начать писать: *Мефодій*, точно такъ, какъ давно уже пишемъ: *Кириллъ* вмѣсто Кѵриллъ; *Федоръ*, *Федотъ* и Ага*ф*ья ничѣмъ не хуже К*и*пріана, Ак*и*ндина и Ол*и*мпіады. Греческую υ мы изображаемъ то какъ и (напримѣръ въ приведенныхъ сейчасъ словахъ), то какъ в (напримѣръ въ словѣ *евангеліе*), смотря по произношенію; почему же не можемъ изображать и греческую ϑ то какъ т, то какъ ф, по требованію выговора?

[1]) Можно бы писать і безъ точки, какъ дѣлали древніе Греки; но въ скорописи такое ı слишкомъ мало выдавалось бы между другими буквами, въ составъ которыхъ входитъ похожее начертаніе.

Остается разсмотрѣть букву ъ. Говорятъ, что она не буква, потому что сама по себѣ не выражаетъ никакого звука. Положимъ, что ъ и ь не буквы, а только знаки, принятые въ азбуку, но и знаки законны, если они нужны.

Нужны ли ъ и ь?

Въ древнемъ языкѣ, который перешелъ въ нашу церковную литературу, согласныя буквы не могли сами собою заканчивать сло́ва и требовали поддержки гласной, которая могла быть твердою или мягкою и выражалась начертаніемъ *ера* или *еря*. Это видно въ древнѣйшихъ крюковыхъ нотахъ, гдѣ ъ и ь въ концѣ слова всегда составляютъ особый слогъ. Эти гласныя не совсѣмъ опредѣленнаго для насъ звука и очень краткаго протяженія (почему онѣ и названы были полугласными) долго употреблялись и въ серединѣ многихъ словъ тамъ, гдѣ мы теперь ставимъ о и е, напримѣръ въ словахъ *плъть* (плоть), *вьртьпъ* (вертепъ). Между тѣмъ онѣ и въ концѣ словъ давно утратили свое первоначальное значеніе, и начертанія ихъ остались только знаками дебелаго или тонкаго произношенія согласныхъ. При такомъ положеніи дѣла нельзя ли обойтись безъ того изъ нихъ, который и въ серединѣ словъ безпрестанно опускается? Такъ мы пишемъ: *полка*, *долго* безъ ъ послѣ л, и только умягченіе этой согласной отмѣчаемъ особеннымъ знакомъ, напримѣръ въ словахъ *польза*, *только*. Очень легко было бы согласиться принять за правило, что когда и на концѣ слова нѣтъ знака послѣ согласной, то она произносится твердо. При сліяніи двухъ словъ въ одно, и теперь уже ъ выпускается послѣ перваго, не только передъ согласными, но и передъ гласными, когда правильность выговора отъ этого не страдаетъ, всѣ пишутъ: *радуемся*, а не радуемъся, *разумъ*, а не разъумъ. Напротивъ ь, при соединеніи словъ, почти всегда сохраняется; напримѣръ въ словахъ: *радоваться*, ты *гордишься*. Въ этомъ различіи уже выразилось сознаніе въ необходимости ограничивать употребленіе обоихъ знаковъ дѣйствительною потребностью. Лѣтъ 25 тому назадъ сдѣланъ новый шагъ къ сокращенію *ера* въ предлогахъ, составляющихъ съ существительнымъ или мѣстоименіемъ

какъ бы нарѣчіе. *Отечественныя Записки* стали писать, напримѣръ, *оттого*, *вслѣдствіе*, *впослѣдствіи*; тотъ же журналъ принялъ орѳографію: *пол-листа*, *генерал-маіоръ* и т. п. Эти нововведенія, сначала казавшіяся странными, скоро нашли однакожъ множество послѣдователей. Да уже и прежде писали: *кстати*, *вверху*, *слишкомъ* и т. п. Точно такъ не было бы и теперь невозможнымъ пойти еще далѣе и исключить ъ въ концѣ словъ. Этимъ мы сберегли бы много времени, мѣста, а при печатаніи — и денегъ, безъ всякаго ущерба полнотѣ и ясности изображенія словъ на письмѣ. Отсюда однакожъ не слѣдуетъ, чтобы должно было совсѣмъ исключить ъ изъ азбуки. Онъ удержалъ бы свое мѣсто въ предложныхъ словахъ передъ буквами е, ѣ, я, ю, напримѣръ: *съемка*, *отъѣздъ*, *объятіе*. Вмѣсто пріисканія другого раздѣлительнаго знака для подобныхъ случаевъ, не лучше ли удержать старый, который переданъ намъ исторіей и будетъ жить въ тысячахъ уже напечатанныхъ книгъ? Во всѣхъ прочихъ случаяхъ сложенія предлоговъ съ другими словами ъ совершенно излишенъ, и непонятно, почему многіе считаютъ нужнымъ писать: *съумѣть*, *съузить*, *отъучить*, когда они же пишутъ: *сумасшедшій* (не съумасшедшій), *обучать* и т. д. Когда въ такомъ случаѣ ъ встрѣчается съ и, то слѣдуетъ писать просто ы, такъ какъ самое названіе этой буквы показываетъ ея составъ изъ ъ и и. Зачѣмъ же употреблять два знака, когда есть замѣняющій ихъ одинъ? Всѣ уже пишутъ *взыскать*, *обыскъ*: почему же не писать такимъ же образомъ *сыграть*, *безыменный*, *предыдущій*? Встрѣча ъ съ и наводитъ меня на другой случай, который въ глазахъ многихъ можетъ помѣшать безусловному опущенію *ера* и въ концѣ словъ. Случай этотъ представляется намъ въ одномъ изъ слѣдующихъ стиховъ басни Крылова «Стрекоза и Муравей»:

Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ **и** столъ **и** домъ?

Не потерпитъ ли правильность произношенія послѣдняго стиха отъ опущенія *еровъ* передъ и? Отсутствіе ъ послѣ согласной

позволяетъ сліяніе ея съ послѣдующимъ и въ мягкій звукъ: *готов-и стол-и домъ*. То же можетъ случиться и при отдѣльно-стоящихъ предлогахъ; напримѣръ, когда *въ* и *съ* находятся передъ именемъ, начинающимся съ и, то образуется слогъ, который не есть ни *ви*, ни *си*: *въ иномъ* случаѣ, *съ иломъ*. Итакъ можно ли писать: *в иномъ с иломъ*, или при подобныхъ встрѣчахъ должно удерживать ъ въ предлогахъ и въ концѣ словъ? Кажется, приведенный случай не долженъ служить препятствіемъ къ опущенію ъ въ концѣ словъ и въ предлогахъ, если принять за правило, что каждое слово составляетъ отдѣльное цѣлое и тѣмъ самымъ уже ограждено отъ сліянія съ послѣдующимъ.

Съ исключеніемъ *виты* не полезно ли было бы дополнить нашу азбуку какою-нибудь другою буквой? Много разъ, и еще недавно [1]), было говорено о недостаткѣ у насъ особаго знака для одного изъ звуковъ нынѣшней буквы г, именно для звука, слышимаго въ словахъ: *благо*, *Господь*, *Богу*, *богатый*. Такой знакъ, говорятъ, былъ бы намъ особенно нуженъ для передачи h въ иностранныхъ именахъ, напримѣръ въ Halle, Heine, Hegel. При нынѣшнемъ употребленіи въ такихъ случаяхъ буквы г, никогда нельзя узнать настоящаго имени, если оно уже напередъ не извѣстно, или если не стоитъ въ скобкахъ подлинное иностранное начертаніе его. Писать въ такихъ именахъ, какъ недавно предлагалось, *Хамбургъ*, *Хорацій*, *Бетховенъ*, было бы также не совсѣмъ вѣрно, потому что х соотвѣтствуетъ германскому ch, совершенно отличному отъ придыханія h. Тредіаковскій предлагалъ, для означенія этого звука, нѣсколько измѣнить очертаніе г. Палласъ, при изданіи «Сравнительныхъ словарей» Екатерины II, ввелъ для той же цѣли г съ подстрочнымъ хвостикомъ (cédille Испанцевъ и Французовъ). Но на введеніи этого или подобнаго знака все-таки нельзя слишкомъ настаивать [2]), потому что есть и дру-

[1]) См. *Спб. Вѣд.* 1862, № 89.

[2]) Кажется, дѣло звука h невозвратно проиграно въ русскомъ языкѣ: ибо съ давнихъ поръ уже онъ въ однихъ словахъ отвердѣлъ въ наше обыкновенное г (Голландія, госпиталь, гусаръ); въ другихъ совсѣмъ выпалъ (исторія, Ираклъ), въ третьихъ составилъ съ послѣдующею гласною звукъ е (Елена).

гіе чужеязычные звуки, для передачи которыхъ мы не имѣемъ способовъ. Таково напримѣръ германское ö или французское eu, особливо въ началѣ словъ (Öhmann, Eugène). Конечно, мы не можемъ не соболѣзновать, что такимъ образомъ напримѣръ присваиваемъ жителямъ острова *Эзеля* (Ösel) имя, которое носить никому не лестно (Esel, оселъ), но подобное неудобство въ передачѣ именъ другихъ націй раздѣляютъ съ нами многіе и даже вѣроятно всѣ языки. Такъ Нѣмцы превращаютъ наше ж въ ш (Schukoffski), а Французы щ въ ш или въ ч (Cherbatoff, Tcherbatoff) и т. п.

Для образца здѣсь помѣщаются первыя строки *Капитанской Дочки*, напечатанныя безъ ъ въ концѣ словъ. «Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графѣ Минихѣ и вышел в отставку премьермаіором в 17** году, с тѣх пор жил он въ своей симбирской деревнѣ, гдѣ и женился на дѣвицѣ Авдотьѣ Васильевнѣ Ю., дочери бѣднаго тамошняго дворянина».

Такое письмо на первыхъ порахъ конечно показалось бы дикимъ. Но сознáемся, что противъ него можно замѣтить только одно: мы не видимъ въ немъ того, къ чему нашъ глазъ привыкъ, но что мы сами находимъ лишнимъ. Отбросивъ ъ въ концѣ словъ, мы бы освободили и себя отъ лишняго труда, и самое письмо отъ обремененія безполезными знаками.

Кто не допускаетъ въ письмѣ сокращеній для скорости? Какъ же не хотѣть допустить такого, которое нисколько не затемняетъ смысла и вообще не влечетъ за собою никакихъ неудобствъ? Сербы, усвоивъ себѣ нашу гражданскую азбуку, не приняли однакожъ *еровъ* и читаютъ напримѣръ *под владом турском* безъ всякаго затрудненія. Прибавлю, что А. Х. Востоковъ и И. И. Срезневскій, которымъ я сообщалъ эти замѣчанія, вполнѣ согласны со мною во взглядѣ на излишество буквы ъ въ концѣ словъ

II (къ стр. 525.)

Изъ статьи: «Оѳографическая распря»[1].

. . . .

Президентъ. Мы уклонились бы отъ порядка, въ какомъ должны происходить наши совѣщанія, еслибъ прямо начали съ алфавита. Въ прошлое засѣданіе вопросъ объ общихъ основаніяхъ нашего правописанія остался нерѣшонымъ, и потому неугодно ли будетъ собранію приступить теперь къ обсужденію вопроса: слѣдуетъ ли произвесть *коренное* преобразованіе въ нашей ортографіи, или ограничиться только *второстепенными* вопросами?

Г. К-въ положительно объявляетъ, что коренное преобразованіе въ нашей ортографіи уже потому невозможно, что языкъ нашъ еще не установился (Странно!)

Г. С-ій. Прежде всего слѣдовало бы кажется обсудить: что надобно разумѣть подъ коренымъ преобразованіемъ и что́ подъ второстепеннымъ?

Кто-то. Очень просто: коренная реформа будетъ та, которая заставитъ насъ учиться писать сызнова. Напримѣръ когда правописаніе будетъ сближено съ выговоромъ.

Другой кто то. Мнѣ кажется напротивъ, граматика должна установлять выговоръ.

Г. М-нъ, которому тоже ужасно нехочется коренной реформы, принимается доказывать, что во всемъ на свѣтѣ, то-есть рѣшительно во всемъ, даже въ установленіи правописанія, *должна быть постепенность*. Онъ начинаетъ издалека, рѣчь его тянется, тянется... Присутствующіе переглядываются, являются улыбки; споръ, начатый шопотомъ, становится громче, громче. Звонокъ.

Г. С-въ. Ужь если дѣлать въ нашей ортографіи измѣненія,

---

[1]) *Время* 1862, № 3 (т. VIII). Чтобы отнять у этого отрывка всякій оттѣнокъ личнаго характера, считаемъ нужнымъ означать имена участвовавшихъ въ преніяхъ сокращенно. Сохраняемъ правописаніе и пунктуацію автора статьи, который подписался: К. Су—въ.

такъ ужь лучше бы всего по-моему преобразовать ее вполнѣ: полумѣры ни къ чему не поведутъ.

Кто-то замѣтилъ, что выраженіе «полумѣры» употребляется говоря только о важныхъ реформахъ, а не о такихъ пустякахъ, какъ наше правописаніе.

Г. К-ій. Мы живемъ въ эпоху коренныхъ преобразованій; крестьянскій вопросъ напримѣръ совершенно долженъ преобразовать наше общество. Поэтому мнѣ кажется и реформа въ правописаніи должна быть коренная.

— Но ежели эта реформа не дастъ никакихъ результатовъ, всѣми принята небудетъ?

— Поддержку мы всегда найдемъ, поддержка будетъ!

Кто-то. Кчему ломать все? Всего ломать ненужно. Кчему непремѣнно *коренная* реформа? Лучше начать со второстепенныхъ вопросовъ, а потомъ отъ мелочей мы доберемся и до главнаго, до полной реформы.

Г. М-нъ. Да, да, совершенно справедливо, во всемъ нужна постепенность. Нынче будутъ сдѣланы одни измѣненія, черезъ десять лѣтъ другія, а ужь тамъ и пойдетъ.

Кто-то (кажется г. Кл.). Ежели предпринято будетъ коренное преобразованіе нашей ортографіи, то оно необходимо коснется или историческаго хода нашего правописанія, или же будетъ направлено къ полному сближенію съ выговоромъ, то-есть будетъ имѣть дѣло съ мѣстными говорами. Стало-быть для того чтобы рѣшить, какую именно реформу намъ слѣдуетъ предпринять, коренную или только второстепенную, мы предварительно должны отвѣтить на вопросъ: что̀ для насъ важнѣе — исторія ли языка, или сближеніе ортографіи съ произношеніемъ? Если мы примемъ второе, то для того чтобы выразить въ письмѣ всѣ звуки, существующіе въ русскомъ народномъ говорѣ, во всѣхъ нашихъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ, намъ придется *покрайней-мѣрѣ утроить* нашъ алфавитъ. А ежели мы примемъ историческое начало, въ такомъ случаѣ путаница въ правилахъ правописанія у насъ останется попрежнему, хоть бы напримѣръ относительно употребленія

буквы ѣ, про которую Миклошичъ совершенно справедливо говоритъ, что русскіе до тѣхъ поръ будутъ биться съ буквой ѣ, пока совсѣмъ не изгонятъ ее изъ своего алфавита.

Президентъ установляетъ поднятые вопросы въ такомъ порядкѣ: мы должны опредѣлить 1) что̀ должны разумѣть подъ кореннымъ преобразованіемъ нашей ортографіи и что̀ подъ второстепеннымъ; 2) какъ слѣдуетъ смотрѣть на историческую основу нашего правописанія и 3) что́ принять за норму, когда дѣло коснется сближенія нашей ортографіи съ произношеніемъ?

Г. К. Всѣ прежнія реформы нашего правописанія касались однихъ только мелочей и потому не имѣли успѣха; стало-быть и теперь намъ незачѣмъ гоняться за мелочами, и толковать о томъ, какое преобразованіе лучше — коренное или второстепенное, значитъ вступать въ совершенно безполезные споры. Кчему все давнымъ-давно уже пережованое пережовывать снова? По-моему ужь если дѣлать преобразованіе, такъ дѣлать радикальное. Будетъ ли оно всѣми принято, нѣтъ ли — какая намъ нужда толковать объ этомъ? На нашей сторонѣ *истина* — чегожъ еще больше? Ручательство за успѣхъ самое вѣрное.

Г. С-ій. Но чтоже такое мы должны разумѣть подъ именемъ мелочей? Писать напримѣръ *лекарь* черезъ е или черезъ ѣ, *матерьялизмъ* или *матерьялисмъ*.

Г. К. Всего лучше будетъ начать съ крупнаго, а тамъ дойдемъ и до мелочей.

Г. С-ій. Но всѣ главнымъ образомъ существующія разногласія въ нашемъ правописаніи заключаются именно въ мелочахъ: такъ нелучше ли поэтому начать съ мелочей?

Г. К. Позвольте мнѣ отклониться отъ этого вопроса. Я хотѣлъ только заявить собранію, что что̀ бы ни называли кореннымъ преобразованіемъ, во всякомъ случаѣ я объявляю себя въ пользу такого преобразованія.

Г. М-въ. Мы приглашены сюда затѣмъ, чтобы условиться въ установленіи правилъ нашего правописанія и чрезъ то облег-

чить самое преподаваніе этой части граматики. Но кажется намъ нечего бояться, что всякій будетъ писать по-своему...

Г. С-нъ. Съ этимъ нельзя согласиться: установленіе однообразія въ правописаніи намъ необходимо для установленія самаго говора. Но опять если мы будемъ сближать письмо съ говоромъ, мы вдадимся въ крайность; чрезъ это мы просто уничтожимъ всякое правописаніе.

Г. К-ій. Лѣтъ двадцать тому назадъ я издалъ «Упрощеніе русской грамматики». Въ этомъ сочиненіи... вѣроятно кто-нибудь изъ общества читалъ его?

Слышатся смѣшанные голоса: «какже, читали, читали!.. Что̀ это, К—скаго? еще бы!.. всѣ читали!».

Г. К-ій. Въ этомъ сочиненіи я предлагалъ сдѣлать коренное преобразованіе въ нашей граматикѣ, и принявъ предложенную мной реформу, всѣ бы легко и скоро научились писать по-русски безъ ошибки; средство самое простое: принять вмѣсто нынѣшняго русскаго шрифта латинскій. Я нахожу, что нашъ алфавитъ неудовлетворителенъ. Возьмемъ напримѣръ такую фразу: «онъ ее еще и гонитъ». Ка̀къ прочтетъ ее тотъ, кто только-что еще учится читать? А вотъ какъ: «онъ ээ эщэ и гонитъ». Все это греки. Самаго звука этого (то-есть э) нѣтъ въ русскомъ языкѣ, онъ изобрѣтенъ у насъ греками. А у меня бы этого небыло.

Подымается крикъ со всѣхъ сторонъ:

— Въ такомъ случаѣ надо завести школы для всѣхъ насъ! мы должны будемъ учиться грамотѣ снова!

— Русскій шрифтъ не умретъ! Онъ будетъ жить пока Россія не умретъ!

— Вы обрекаете всю нашу литературу на сожженіе!

Г. К-ій. Но какъ же вы различите въ письмѣ выговоръ буквы г напримѣръ въ словахъ «господину Головину»? Или напримѣръ *вещь* и *плащъ* — какая тутъ разница въ выговорѣ буквы щ? Да вотъ вамъ, чегожъ еще лучше: неудобство русскаго шрифта доказывается тѣмъ уже, что въ прошедшее совѣщаніе кто-то изъ господъ читавшихъ прочелъ *умѣли* вмѣсто *успѣли*.

Шумъ. Звонокъ.

Кто-то изъ сидящихъ за столомъ. Вотъ я сейчасъ написалъ по вашей граматикѣ слово *еще*: кажется чуть ли не десять буквъ выходитъ. Позвольте сейчасъ сосчитаю. Разъ, двѣ, три...

Г. К-ій (горько). Ну вотъ, сейчасъ и видно, что вы совсѣмъ и не читали моей граматики.

Смѣхъ и опять звонокъ.

Президентъ. Намъ кажется пора покончить съ вопросомъ о шрифтѣ, тѣмъ болѣе что съ мнѣніемъ г. К—скаго никто изъ общества не согласенъ. Г. С—ій, кажется вамъ угодно было что-то возразить г. К—скому.

Г. С-ій распространяется о богатствѣ русскаго языка, о прелести нашего алфавита, вполнѣ удовлетворяющаго всѣмъ русскимъ звукамъ, о недостаточности латинской азбуки для передачи нѣкоторыхъ русскихъ звуковъ и проч.

Г. К-ій. А у меня всѣ граматическія правила умѣщаются на одномъ листѣ.

Легкій смѣхъ.

Г. Кл. Преобразованіе, предлагаемое г. К—скимъ, есть больше чѣмъ коренное преобразованіе. Кромѣ того мы видимъ, что всѣ славянскіе народы, принявшіе латинскій шрифтъ, должны были придумать множество новыхъ знаковъ для передачи тѣхъ звуковъ, которыхъ латинскій алфавитъ не выражаетъ. Это...

Г. К-ій. Да они писать неумѣютъ. (Смѣхъ.)

Г. Кл. Это крайнее неудобство. А между тѣмъ Кирилъ придумалъ начертанія, именно вызванныя нашими звуками. Для выраженія напримѣръ звуковъ щ, ѣ и другихъ, вамъ придется употреблять или какіе нибудь надстрочные знаки, или хвостикъ внизу, какъ напримѣръ въ польскомъ носовые звуки ą и ę.

Г. К-ій. (съ увлеченіемъ). Я буду безъ хвостиковъ писать.

Страшный хохотъ укрощается смирительнымъ колокольчикомъ. Когда шумъ стихъ, г. К—скій беретъ лежащую передъ нимъ афишу и говоритъ:

— Въ русскомъ языкѣ чрезвычайно много иностранныхъ

словъ. Вотъ напримѣръ я вамъ прочту начало этой афиши: «Концертъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ императорской медико-хирургической академіи.» Много ли въ этой фразѣ русскихъ словъ? Прочесть ее, такъ всякій иностранецъ пойметъ, о чемъ тутъ говорится...

Улыбки, легкій смѣхъ, шумъ, звонокъ.

Кто-то. А неугодно ли вамъ выразить латинскимъ алфавитомъ звукъ ѣ, неприбѣгая къ комбинаціи буквъ?

Г. К-ій. Да я совсѣмъ не о томъ говорю. Я говорю, что если мы перемѣнимъ нашъ шрифтъ на латинскій, то хоть намъ и не легче будетъ послѣ этого учиться граматикѣ, зато иностранцамъ будетъ легче. Вотъ я объ чемъ говорю. Ктому же наборщикамъ при вставкѣ иностранныхъ фразъ въ русскій текстъ не придется лазить изъ одной кассы въ другую...

Шумъ и смѣхъ. «Это будетъ измѣненіе, а не преобразованіе!» слышится съ одной стороны. «Да мы о себѣ хлопочемъ, а не объ иностранцахъ! Что́ намъ до нихъ за дѣло!» раздается съ другой. Звонокъ, разумѣется. Президентъ предлагаетъ обществу разсмотрѣть вопросъ: что́ должно разумѣть подъ *коренньмъ преобразованіемъ* нашего правописанія?

Г. Р-въ. Въ числѣ нашихъ ортографическихъ правилъ есть такія, которыя принимаются всѣми пишущими и печатающими безусловно, на которыя всѣ согласны; но съ другой стороны встрѣчаются и случаи разногласія въ способѣ писанья — одни пишутъ такъ, другіе иначе, — случаи, которые легко устранить. Отсюда кажется можно прямо заключить, что подъ коренными преобразованіями надобно понимать такія измѣненія въ правописаніи, которыя касаются общепринятыхъ правилъ; соглашеніе же разностей въ правописаніи я считаю второстепенной реформой. Но теперь вопросъ: какихъ основаній держаться при коренномъ преобразованіи? Мнѣ кажется всего справедливѣе — тѣхъ, на которыя въ прошлый разъ указалъ г. С., именно этимологическаго начала и фонетическаго.

Г. Н-ій. Такъ какъ дѣло идетъ о томъ, какое преобразо-

ваніе совершить будетъ лучше, то позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе въ пользу радикальнаго преобразованія. Кругъ читающей Россіи въ настоящее время можно-сказать довольно еще ограниченъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что по мѣрѣ успѣховъ распространенія грамотности будетъ возрастать и число читающихъ. Если теперь читающихъ у насъ найдется положимъ три мильона, то лѣтъ черезъ десять ихъ будетъ можетъ-быть десять мильоновъ. Имѣя это въ виду, мы кажется недолжны допускать иного преобразованія въ нашей ортографіи, какъ только радикальное. Чѣмъ дальше мы будемъ откладывать реформу, тѣмъ больше она будетъ становиться невозможною. Если нами будетъ произведена коренная реформа (иной мы и не допускаемъ), то послѣдующее за нами поколѣніе будетъ избавлено отъ всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ затрудненій въ правописаніи, которыя теперь поминутно сбиваютъ насъ съ толку. Настоящій моментъ какъ нельзя больше удобенъ для радикальной реформы. Если наше предпріятіе — произвесть въ нашемъ правописаніи коренную реформу — имѣетъ въ себѣ внутреннюю силу и за него говоритъ сама истина, то оно примется; непремѣнно примется. Итакъ вотъ въ чемъ заключается мое предложеніе: *въ виду распространенія грамотности необходимо произвесть радикальное преобразованіе въ нашемъ правописаніи.*

— Но въ такомъ случаѣ вы затронете и общепринятыя правила...

— Чтожъ такое, если они и будутъ затронуты?

— Тогда намъ всѣмъ придется переучиваться.

— Переучиваться легче, чѣмъ учиться.

Сильный говоръ. Сквозь шумъ слышится вопросъ г. К—скаго: «а какъ вы напишете напримѣръ *что-жъ?*» и чей-то отвѣтъ: «вотъ это-то мы и рѣшимъ тогда, когда будетъ предпринято коренное преобразованіе.» Звонокъ.

Президентъ. Сдѣлаемъ же теперь résumé изо всего сказаннаго. Въ виду распространенія грамотности, въ настоящій благопріятный моментъ всего лучше будетъ совершить въ нашемъ

правописаніи радикальное преобразованіе, хотя бы оно касалось и общепринятыхъ правилъ, — принимая при этомъ то опредѣленіе радикальнаго преобразованія, какое сдѣлалъ г. Р—въ. Итакъ большинство стоитъ за коренное преобразованіе. Послѣ этого мнѣ кажется лучше будетъ перейти прямо къ разсмотрѣнію нашей рѣчи, оставя алфавитъ всторонѣ.

Новый шумъ. Между прочимъ слышатся голоса:

— Да, да! А то мы никогда не кончимъ.

— Помилуйте, какже это можно! надо же вѣдь чѣмъ-нибудь кончить съ алфавитомъ.

— Непремѣнно. Покрайней-мѣрѣ при дальнѣйшихъ обсужденіяхъ у насъ небудетъ вопросовъ, отклоняющихъ отъ дѣла. (Звонокъ.)

Президентъ предлагаетъ обществу рѣшить большинствомъ голосовъ вопросъ: съ чего начать обсужденіе — съ алфавита ли, или съ частей рѣчи? Кто за части рѣчи, тотъ пусть встанетъ. Большинство оказалось на сторонѣ сидящихъ, и потому опять потянулся споръ о буквахъ...

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 593. Вотъ нѣкоторыя изъ словъ, перешедшихъ къ намъ изъ Польши, хотя большая часть ихъ — первоначально либо германскаго, либо другого чуждаго корня: булка (bulka, bułka)— вензель (węzeł, узелъ) — гарусъ (harus или arus, родъ матеріи) — гвалтъ (gwałt, насиліе, тревога, шумъ) — гербъ (herb) — дышло (dyszel) — карпетка (skarpeta, szkarpeta) — коштъ (koszt) — лядунка (ładunek, патронъ, зарядъ, свертокъ) — метрика (metryka) — оглобля (hołoble, отъ нѣм. gabel, gabeldeichsel) — огуломъ, огульный (ogól, ogólem) — погонъ, погончикъ (pogon, вм. ogon, хвостъ; ogonczyk, ogonek, хвостикъ, жгутикъ[1]) — предмѣстье (przedmieście) — ратуша (ratusz) — рожа (болѣзнь, róża, имѣющ. оба значенія: роза и рожа) — рисунокъ (rysunek) — рыдванъ (rydwan) — рынокъ (rynek) — сеймъ (sejm) — тачка (tak, taczki) — темлякъ (temblak) — фигляръ (figlarz; figel, ударъ) — финтить (fint, хитрецъ) — фольга (folga) — фортель (fortel) — франтъ (frant) — фукать (fukać) — цырюльникъ (cyrulik) — шалберить (szalbierz, плутъ, обманщикъ) — шеренга (szereg) — шлея (szla, szleia) — шлыкъ (szlyk) — шомполъ (stępel) — шоры (szory) — штыкъ (sztych, въ старину значило bayonette[2]) — шулеръ (szuler) — щеголь (szczegol).

---

[1]) Прежде говорили у насъ между прочимъ: «погонъ на шляпѣ» (См. письмо Екатерины II въ *Русск. Арх.* 1863, изд. 1-е, стр. 278).

[2]) Słownik polsko-francuzki. Berlin 1858.

Сюда не включены нѣкоторыя слова, о которыхъ нельзя положительно сказать, заимствованы ли они нами изъ польскаго, или непосредственно изъ другихъ языковъ, откуда они взяты и Поляками. Таковы: *аренда* (польск. arenda, aręda; швед. arrende) — *будка*[1]) (польск. budka, buda) — *гаеръ* (по Рейфу, польск. gaier, отъ итал. gaio, веселый) — *дымка* (польск. dyma, турецкая бумажная матерія) — *киверъ* (польск. kiwior, по Рейфу съ венгерскаго)—*клумба* (поль. kłąb drzew, съ англ. clump) — *комната* (поль. komnata, ст.-верх.-нѣм. kamnate, лат. caminata)— *кофта* (польск. koftyr, kofter, турецкая шелковая матерія) — *музыка* (польск. musyka) — *слесарь* (польск. slosarz, нѣм. schlosser) — *тузъ* (польск. tus, нѣм. daus) — *филёнка* (польск. filunk, нѣм. füllung) — *фортка*, *форточка* (польск. fortka, forteczka, нѣм. pforte). Спрашивается также, не изъ Польши ли перешло къ намъ слово *коляска* (kolaska), которое, по мнѣнію даже иностранныхъ филологовъ (Heyse, Diez, Littré и др.), есть славянское слово, передѣланное западными Европейцами въ calèche и т. п. Подъ сомнѣніемъ остаются также слова: *мѣщанинъ* (польск. mieszczanin, отъ miasto, городъ) — *предметъ* (польск. przedmiot) — *шаровары* (польск. szarawary, турец. и перс. szalwar) и м. др.

Не ручаюсь за безошибочность предположенія о заимствованіи черезъ Польшу *всѣхъ* приведенныхъ выше словъ: удерживаясь здѣсь отъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія ихъ, ограничусь замѣчаніемъ, что этими указаніями я хотѣлъ только дать матеріялъ для изслѣдованій по вопросу, который до сихъ поръ слишкомъ мало обращалъ на себя вниманія. Нельзя не вспомнить, что еще и при Петрѣ Великомъ къ намъ входили слова изъ Польши и что самъ онъ въ

---

[1]) При производномъ *будочникъ* замѣчательно фонетическое явленіе, что буква *д* и между двумя гласными сохраняетъ полученное въ концѣ слога (въ сущ. *будка*) произношеніе звука *т*. Подобное же явленіе видимъ мы въ прилаг. *свадебный*, гдѣ, наоборотъ, *т*, произнесенное за *д* въ слѣдствіе уподобленія звуковъ въ существ. *сватьба*, удерживаетъ этотъ выговоръ и между гласными. Примѣръ такого же произношенія буквы *т* представляетъ мѣстоим. *этакій* и нарѣчіе *этакъ*, которыя въ просторѣчіи всегда слышатся какъ *эдакій* и *эдакъ*

письмахъ своихъ не разъ прибѣгалъ къ польскимъ словамъ, каковы напр. *жадный* (никакой), *мусить* (долженствовать [1]). Сюда же слѣдуетъ отнести слово *фортеція* (польск. forteca), которое онъ употреблялъ не только въ собственномъ, но и въ переносномъ значеніи («фортеція правды»).

[1]) Соловьева *Ист. Россіи*, т. XV, стр. 186, 250, 308.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
17	самостоятельный звукъ .	составной звукъ
45	тоящихся	таящихся
118	Wewell	Whewell